

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ПОВОЛЖСКИЙ ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**САМАРСКИЙ КРАЙ В КОНТЕКСТЕ
РОССИЙСКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ**

Издательство «Универс-групп»
2004

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Самарского государственного университета*

УДК 94(47)
ББК 63.3
С 17

С 17 Самарский край в контексте российской и славянской истории и культуры / Научный редактор П.С. Кабытов. Самара: Универс-групп, 2004, 194 с.
ISBN 5-467-00031-4

В настоящем издании представлены материалы научной конференции которая проводилась в рамках «Самарской Асамблеи – 2004» и была посвящена дням славянской письменности и культуры.

В статьях, написанных на основе документальных источников раскрываются новые страницы отечественной и региональной истории и культуры.

Для всех интересующихся историей.

УДК 94(47)
ББК 63.3

Редакционная коллегия: П.С. Кабытов (научный редактор), Э.Л. Дубман (зам. научного редактора), Ю.П. Аншаков, Н.Н. Кабытова, Ю.Н. Смирнов, А.И. Репинецкий, Ю.Н. Горелов.

ISBN 5-467-00031-4

ПОРТРЕТ УЧЕНОГО

Кабытов П.С.

ЖИЗНЕННЫЙ И ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ПЕТРА ИВАНОВИЧА САВЕЛЬЕВА

Самара. Самарский государственный университет

12 сентября 2004 года исполняется 50 лет известному ученому в области социальной истории и крестьяноведения, талантливому организатору высшей школы, профессору, доктору исторических наук, ректору Самарского муниципального института управления П.И. Савельеву. 20 лет (с 1978 по 1998 г.) его научно-педагогической деятельности были связаны с Самарским государственным университетом, где он прошел путь от ассистента до профессора кафедры Российской истории. В 1998 г. он стал одним из организаторов нового учебного заведения, был назначен его ректором и внес громадный вклад в становление и развитие Самарского муниципального института, в организацию учебно-воспитательного процесса, формирование кадрового потенциала вуза и создание его материальной базы.

П.И. Савельев родился 12 сентября 1954 года в селе Суркино Шенталинского района Куйбышевской области. Мать, Анна Григорьевна, родом из крестьянской семьи (ее дед и отец были владельцами водяной мельницы), всю свою жизнь была занята крестьянским трудом и воспитанием четверых детей (Любови, Надежды, Веры и Петра), которых она с детства приучала к самостоятельной жизни. Отец, Иван Григорьевич, в 1939 г. в составе войск Красной Армии участвовал в присоединении западных областей Белоруссии и Украины к Советскому Союзу, был одним из строителей Брестской крепости. В годы Великой Отечественной войны он участвовал в обороне Северного Заполярья, в охране дороги жизни в осажденный Ленинград. Иван Савельев с боями дошел до Норвегии, командовал отделением полковой разведки. После окончания войны Иван Григорьевич работал в колхозе мельником.

П.И. Савельев начальную школу окончил в деревне Адеиладовка Шенталинского района. Кстати, школа размещалась в доме Григория Филипповича Павлова, отца матери Петра Ивановича. Г.Ф. Павлов владея, середняцким хозяйством, в конце 20-х гг. был раскулачен, так как его внесли в списки зажиточных крестьян. Затем П.И. Савельев учился в восьмилетней школе в селе Старое Суркино. Общее образование было им завершено в средней школе совхоза «Коммунар».

Уже на школьной скамье П.И. Савельев увлекся чтением художественной литературы. Он читал запоем исторические романы и докумен-

тальные повести. Он любил слушать рассказы отца об эпизодах Великой Отечественной войны. Его не могли не волновать и воспоминания матери о тяжком и непосильном труде односельчан в годы лихолетья. Все это, наряду с прочитанным, создавало новые представления об истории. Но больше всего он любил уединяться на мельнице, которая стояла на отшибе села. Слушая журчание воды и созерцая лесистые долины плавно переходящие в холмы, он невольно ощущал сопричастность к родным просторам и к истории Великой Родины. В этой связи не случаен был для него выбор будущей профессии. Конечно, повлияли и уроки истории, которые проводил в 5-6 классах учитель Станислав Иванович Катаев.

В 1971 году после окончания средней школы П.И. Савельев поступает учиться на специальность история факультета гуманитарных наук Куйбышевского университета. Он сумел довольно быстро адаптироваться к условиям студенческого быта. Студент Савельев активно участвует в художественной самодеятельности, выезжает на работу в составе строительных отрядов, но главным для Савельева оставались учеба и постижение научных истин. Он с большим увлечением слушал лекции профессора Е.И. Медведева, доцентов Б.Д. Козенко, Л.В. Храмкова, Г.И. Матвеевой; только, что окончивших аспирантуру выпускников Московского, Казанского и Саратовского университетов Г.А. Широкова, М.И. Леонова и др. Уже на втором курсе П.И. Савельев избрал в качестве курсовой работы, такую непопулярную для того времени тему «Помещичье хозяйство Самарской губернии в начале XX века». Затем по этой теме в 1976 г. был представлен научный доклад на Всесоюзный конкурс студенческих работ. Жюри конкурса присудило П.И. Савельеву I место. Он был награжден Грамотой ЦК ВЛКСМ Министерства высшего образования СССР и ценным подарком – часами. Успешно он защитил по этой проблеме и дипломную работу.

После окончания университета был направлен на работу преподавателем истории и обществоведения в среднее городское профессионально-техническое училище № 34. Затем он был призван в ряды Советской Армии. Он нес службу в радиотехнических войсках в Алма-Ате, которые занимались охраной воздушных границ и контролем за полетами самолетов гражданской авиации. Будучи в увольнении П.И. Савельев изучал памятники казахской столицы, любовался зеленым нарядом алмаатинских улиц. Он побывал на высокогорном катке Медео; и конечно он часто приходил в замечательный городской парк культуры и отдыха. Возвратившись из рядов Советской Армии, П.И. Савельев вновь работает в СГПТУ - 34, а затем он проходит по конкурсу на должность ассистента в Куйбышевский государственный университет, где преподавательскую работу сочетает с учебой в аспирантуре. П.И. Савельев активно включившись и изучение аграрной истории, и прежде всего, эволюции помещичьего хозяйства, не мог пройти мимо тех новых тенденций, которые получили развитие в фунда-

ментальных исследованиях А.М. Анфимова, И.Д. Ковальченко, Л.В. Милова. В его кандидатской диссертации «Помещичье хозяйство Самарской губернии в конце XIX- начале XX вв.» основное внимание было сосредоточено на изучении социально-экономического строя дворянских имений. Помимо традиционных методов П.И. Савельевым при анализе источников и, прежде всего, материалов, сохранившихся в фонде Государственного Дворянского земельного банка, был использован корреляционный анализ, что позволило более рельефно показать темпы эволюции различных типов помещичьих хозяйств.

Уже первые его статьи и выступления на конференциях Средневолжского объединения историков-аграрников в Саранске, Чебоксарах, Казани, Йошкар-Оле показали перспективность изучения истории помещичьего хозяйства.

В 1983 г. П.И. Савельев успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук в диссертационном совете при Казанском государственном университете. Перед молодым историком стояла дилемма: продолжать ли изучение в рамках всего Поволжья эволюцию помещичьего хозяйства, или избрать другую тему.

В 80-е годы XX столетия все еще продолжала оставаться дискуссионной проблема уровня развития капитализма в российской деревне в конце XIX-начале XX вв. Дискуссия велась и о соотношении направлений и путей развития аграрного капитализма. Официальной советской историографии противостояли представители нового направления в отечественной историографии А.М. Анфимов, П.В. Волобуев, К.Н. Тарновский, М.Я. Гефтер, В.П. Данилов, которые правомерно считали, что капиталистический уклад в российской деревне не стал господствующим, а в экономике России, в том числе и в аграрном секторе, сохранилась многоукладность.

Эти актуальные проблемы не могли не волновать П.И. Савельева, который сосредоточил внимание на исследовании особенностей аграрной эволюции в России. Работа над докторской диссертацией «Пути аграрного капитализма в России» продолжалась около 12 лет. Она завершилась изданием фундаментальной монографии. В этой связи напомним, что отечественная аграрно-экономическая наука уже в начале XX в. обладала богатым опытом изучения российской деревни. Однако традиции А.В. Чаянова, Н.П. Макарова, Н.Н. Черненкова, Н.П. Огановского были прерваны в период становления молодой марксистской историографии. Развитие советской науки шло под жестким идеологическим контролем. В конце 60-х – начале 70-х гг. историки А.М. Анфимов, К.Н. Тарновский, П.В. Волобуев, М.Я. Гефтер предприняли попытку нового прочтения ленинского наследия, однако это не привело к кардинальной перемене основных взглядов на пути аграрно-капиталистической эволюции в России XIX-начала XX в. Дальнейшая теоретическая работа в этом направлении была остановлена.

На рубеже 70-80-х гг. появились крупные монографические исследования по истории сибирской, северо-кавказской, поволжской деревни, северо-запада Европейской России. Все ярвственнее прослеживалась тенденция к применению современного исследовательского инструментария, изучению методологических аспектов аграрной истории. В центре внимания оказался вопрос о развитии капитализма в помещичьем и крестьянском хозяйстве.

Исследователь, выдвигающий сегодня новый подход к проблеме двух путей буржуазно-аграрной революции, имеет дело с мощной традицией прежних взглядов и представлений. Он должен решить дилемму: воспользоваться ли свободой научного творчества или идти проторенной тропой. П.И. Савельев выбрал первое. Он написал оригинальное исследование, в центре которого были поставлены и решены вопросы теоретические и методологические. Значительный интерес вызывает раздел «Типология аграрного развития России», в котором впервые поднят вопрос об истоках русских аграрно-типологических концепций. Автору удалось органично вписать ленинскую концепцию двух путей развития капитализма в сельском хозяйстве в историческую ткань аграрно-экономической мысли начала XX века, что имеет принципиально важное значение для отечественной историографии.

Преодоление традиционных взглядов нашло отражение как в постановке проблемы, так и в путях ее решения. Комплексная типология аграрного развития на основе многомерного статистического анализа придает исследованию целостный характер. В нем хорошо согласуется природно-климатический, этнодемографический и социально-экономический факторы, связанные воедино с социально-экономическими процессами. В книге показано взаимодействие двух основных типов хозяйства – помещичьего и крестьянского – и одновременно глубоко анализируется их внутренний строй.

Весьма актуально сегодня звучит главный вывод автора о том, что стержнем аграрной эволюции Поволжья, да и всей России в пореформенный период выступило крестьянское хозяйство.

Диссертация была успешно защищена в 1995 г. в диссертационном совете при Уральском государственном университете. Официальными оппонентами А.П. Корелиным, Н.А. Миненко, В. Пундани была дана высокая оценка выводов П.И. Савельева в изучении аграрной истории - в ее теоретическую разработку.

Следует особо отметить вклад П.И. Савельева в изучение истории Самарского края. Он принял участие в написании коллективных работ «Очерки истории Самарского края», «Земля Самарская», «История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней», в издании Самарской историко-культурной энциклопедии.

Изучение аграрной истории было продолжено П.И. Савельевым и в 90-е гг. Оно велось в рамках крупных проектов и грантов. В 1994 г.

П.И. Савельев проходил стажировку в Германии в Тюбингенском университете, куда он был приглашен Дитрихом Байрау. Затем им был выигран грант Московского общественного научного фонда по проблеме «Имперский строй России в региональном измерении». Выполняя этот грант, он создал коллектив историков и участвовал в проведении в 1995-1997 гг. летних школ для молодых историков. П.И.Савельев совместно с американскими историками Марком фон Хагеном (Колумбийский университет), Джейн Бурбанк (университет штата Нью-Йорк), Стивеном Смитом (университет графства Эссекс), а также профессором Омского университета А.В. Ремневым руководил проектом «Империя и регион: российский вариант». В рамках проекта проводились семинары в Нью-Йорке, Омске и Самаре. Исследования проводились при финансовой поддержке фонда Форда. По итогам этой работы подготовлен сборник статей.

При содействии фонда Макартура был выполнен грант «Из колхозника в крестьяне», в котором дан анализ современного состояния крестьянских сообществ. По этой проблеме подготовлена к печати монография.

П.И. Савельев входит в состав докторского диссертационного совета при Самарском государственном университете и кандидатского при педагогическом университете. Он много раз выступал официальным оппонентом по диссертационным работам, им подготовлено 4 кандидата наук.

Особо следует отметить общественно-политическую деятельность П.И. Савельева. В конце 80-х гг. он создал Куйбышевское отделение Всесоюзной ассоциации молодых историков. Им были инициированы проведение Алабинских чтений для учащихся на базе 25 школы г. Самара (1992 г.), Всероссийских Платоновских чтений (1996 г.). П.И. Савельев вошел и в состав общественного комитета Самара, оказывал помощь и поддержку в сборе подписей за возвращение областному центру его исторического имени.

И, конечно, нельзя обойти его деятельное участие в организации Муниципального института управления, который был открыт в 1998 г. Вначале здесь шла реализация образовательной программы государственное и муниципальное управление. В настоящее время институт располагает современной материальной базой (три здания, 5 компьютерных классов с выходом в Интернет, библиотека, столовая и буфеты, спортивная база). В институте 11 кафедр, 2 факультета, 200 преподавателей, из них 15 докторов наук, более 80 кандидатов и доцентов. В институте обучается на 7 специальностях 1500 студентов. Открыта аспирантура по экономике и управлению народным хозяйством.

Вклад профессора П.И. Савельева отмечен грамотами Министерства образования РФ, благодарственным письмом Главы города Самары.

Поздравляя Петра Ивановича с юбилеем, студенты, ученики, друзья, коллеги желают ему новых свершений на научном поприще и в педагогической деятельности.

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Дубман Э.Л.

ЗАКАМСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ И СТРОИТЕЛЬСТВО НОВОЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ЛИНИИ В ЗАВОЛЖЬЕ В 1732 Г.

Самара. Самарский государственный университет

В последние годы автором опубликован и подготовлен к печати ряд статей, посвященных деятельности в Заволжье Закамской экспедиции, проектированию новой оборонительной линии и началу ее возведения осенью 1731 г.[1]. В настоящей публикации, продолжающей разработку данной темы, затрагиваются вопросы организации строительных работ на линии в следующем 1732 году.

Зимой 1732 г. руководители Закамской экспедиции Ф.В. Наумов и И.А. Бибиков направили в вышестоящие центральные учреждения свои предложения о подготовке к новому строительному сезону. По мнению Наумова, если делать Закамскую линию «как ныне начата и палисаднику не ставить», то есть не укреплять вал палисадом, то при соблюдении всех его предложений можно выполнить все работы в два года. Но для этого, как он считал, необходимо было очень напряженно поработать зимой-весной 1732 г. Заготовку инструмента, сбор материалов и продовольствия следовало завершить к середине мая, для того чтобы уже с 15 числа начать строительные работы. На сооружении линии, по предложению Наумова, необходимо задействовать в каждую смену не менее 10000 человек. Средства для оплаты их труда должны быть собраны заблаговременно из четырехгривенного сбора [2].

Однако, успешное выполнение подготовительного цикла зависело не столько от руководства экспедиции, сколько от позиции и действий центральных учреждений и местных губернских и провинциальных властей. Речь шла как о стратегических вопросах расположения линии, этапах ее строительства, инженерных решениях, так и о снятии межведомственных проблем между чиновниками различных ведомств, местными властями и руководством экспедиции; о длительной организационной работе, проводившейся на уровне властей Казанской и близлежащих губерний по обеспечению инструментами, материалами, продовольствием, деньгами, рабочей силой, предоставлении лошадей для перевозки леса, наконец, охране района строительства и т.д. Все это необходимо было совершить в кратчайшие сроки, ко времени, когда установится теплая погода.

В конце апреля Военная коллегия и Канцелярия главной артиллерии и фортификации подготовили и представили в Сенат совокупность документов, в которых была четко сформулирована программа всей деятель-

ности Закамской экспедиции на 1732 год. В них отразились важнейшие рекомендации Военной коллегии, которая в соответствии с указом от 18 марта должна была «определение учинить» «каким образом линию и крепости и засеку делать» [3]. Речь, прежде всего, шла об инженерном обеспечении проекта, которое должна была произвести Канцелярия главной артиллерии и фортификации. Последней предписывалось незамедлительно принять решение о планах и профилях оборонительных сооружений. Инженеры коллегии рекомендовали: «Вести оную линию по искусству инженерному как возможно прямее...чтоб линия была короче и по ней крепостей меньше, ибо на великой дистанции построя многия крепости и линии, надлежит впредь починивать». Количество крепостей на линии должно было соответствовать следующему принципу, принятому в российском инженерно-оборонительном искусстве: «а довольно будет к обороне, ежели по той линии построено будет на удобных местах от 20 до 30-ти верст по одной крепости, понеже во время неприятельского нападения на означенной дистанции могут люди от двух крепостей часа в два или в три соединиться». Дополнительно к крепостям предлагалось на опасных местах построить редуты или фельдшанцы. Через лесные массивы, где кочевники могли просочиться незаметно, должны были идти засеки; в труднопроходимых заболоченных и залесенных местах укрепления можно было не строить. Ров предписывалось копать глубиною не менее 7 футов, а шириною 15 футов. Гласис поднять выше «горизонта» на 2 фута. Наружные крутости линии необходимо было усилить дерном или плакверком. Для удешевления строительства предлагалось следующее новшество «по всей оной линии и по всем редутам и редантам...вместо палисаду насадить часто терну, клену, липы и вязу и прочаго к тому делу пособного лесу, чтобы из оная учинить плетень». Таким образом, в документе были заложены основные принципы сооружения линии.

Военная коллегия посчитала, что запрос Наумова на использование в строительстве линии по 10000 крестьян в каждую из двух смен является завышенным. Взамен было предложено в первую смену послать к работам – 5000 человек, во вторую – 10000. Одновременно с крестьянами рекомендовалось использовать на строительстве не менее половины из наличного состава пригородочных солдат. Местным губернским властям в Казани было предписано приготовить необходимое количество носилок и тележек. Возить лес для строительства предлагалось на лошадях драгун и только в том случае, если их не хватит на «обывательских». Для защиты рабочих в середине мая с зимних квартир из-за Камы в район строительства должны были выдвинуться 3 драгунских полка. Кроме того, здесь должен был встать Казанский гарнизонный драгунский полк. Из набранных вновь «прежних служеб» двух ландмилицких полков, руководству экспедиции предполагалось «учредить один полк пехотный, другой – конный, чтобы

при оной линии всего было три полка конных, а четвертый – для содержания крепостей – пехотный».

Планировалось, что уже в 1732 г. на линии будет построен ряд долговременных оборонительных пунктов, куда можно было бы определить людей для поселения. И еще одну проблему попытались учесть в документе – мирные и дружественные отношения с башкирами, промысловые угодья которых оказались внутри строящейся линии. Предлагалось, чтобы не беспокоить башкирское население, свободно пропускать его через черту для хозяйственных работ. Наконец, вместо находившегося полковника И. Оболдуева в помощь Наумову определялся бригадир С. Друмант, который после заселения линии должен был стать руководителем всех вооруженных сил, размещенных по ее укреплениям. Все эти материалы 25-26 апреля были представлены в Сенат для вынесения окончательного решения [4].

Напомним, что Наумов предполагал, при условии удовлетворении его просьбы о количестве и времени использовании рабочей силы на строительстве, завершить его в течение 2-х лет – до конца 1733 года. Решение Военной коллегии, да и обычные по тем временам неурядицы с началом работ, темпами мобилизации крестьян должны были отодвинуть этот срок на один – два сезона, что, собственно говоря, и произошло.

К концу апреля все важнейшие вопросы в Кабинете министров, Сенате, Военной коллегии и ее канцеляриях были отрегулированы. 30 апреля руководство Казанской губернии получило указ Анны Иоанновны о содействии работе экспедиции и реализации всех указанных ранее решений [5]. Позднее, 19 мая казанскому губернатору Мусину-Пушкину был направлен еще один указ из Сената [6]. Новый строительный сезон должен был показаться, насколько эффективными оказались предварительные мероприятия. Но, вполне очевидно, что подготовиться к началу линейных работ, которые намечались уже на 16 мая, губернское начальство успеть не могло.

К тому же, к весне 1732 г. руководство экспедиции оказалось фактически обезглавленным. Ф.В. Наумов до конца апреля задержался в Москве. Гвардейский подпоручик И. Давыдов так и не возвратился из Санкт-Петербурга. Полковник И. Оболдуев был отставлен от всех дел и находился под следствием. В Заволжье из командного состава оставался один И.А. Бибииков, да назначенный вместо Оболдуева, но, неизвестно, знавший ли об этом, бригадир С. Друмант. В Заволжье не оказалось человека, который должен был постоянно «подталкивать» казанскую и симбирскую администрацию к активным действиям по мобилизации рабочей силы, подготовке инструмента, сбору продовольствия, денежных средств и т.д.

Если замена Оболдуева была очевидна и понятна и, видимо, принесла пользу последующей деятельности экспедиции, то с отставкой князя И. Давыдова все было сложнее. Присутствие князя в Заволжье существенно помогало в налаживании отношений с местной администрацией. От Нау-

мова был убран человек, осуществлявший кабинетский и сенатский контроль за строительством линии [7]. Собственно говоря, в течение первой половины 1732 г. такого надзора и не было, т.к. Давыдов так и не появлялся в Заволжье после зимней поездки в Санкт-Петербург [8].

Для Наумова все просчеты, допущенные в подготовительный период 1732 г., стали очевидны, как только он появился в Казани, а затем 1 мая приехал в Симбирск. Выяснилось, что в губернской канцелярии еще не получили указ о наборе работников и «делании» инструментов (он пришел в Казань лишь 30 апреля, когда тайный советник уже уехал в Симбирск). Такого указа не было на руках и у самого Наумова. К тому же он не смог получить от Миниха утвержденные планы новой линии. К началу строительного сезона руководство экспедиции, практически, оказалось без основных нормативных документов [9].

Все вышеуказанные причины привели к значительной задержке начала линейных работ. Только к 16 июня, месяцем позднее задуманного, на линейную работу явились 1007 пригородных солдат, а с 24 июня начали приходить присланные из Казанской губернии партии крестьян. Окончательно их удалось собрать только к 7 августа (табл. 1).

Таблица 1

Сроки прихода и количество рабочих людей на строительстве линии в июне – августе 1732 г.

№	Даты прихода	Количество людей
Июнь		
1	24	176
2	26	541
Июль		
3	4	593
5	8	1969
6	14	1306
7	18	132
8	22	145
9	25	212
Август		
10	5	40
11	7	15
Итого		5129
ВСЕГО: вместе с пригородными солдатами		6136

К этому количеству рабочей силы следует прибавить 105 ерыклинских солдат, присланных для рубки леса 8 июля.

Таким образом, основная масса рабочих, исключая пригородных солдат, явилась в конце июня – первой половине июля (с 26 июня по 14 июля включительно). Из 5109 человек в эти дни прибыло 4409 или 86% всех мобилизованных на работы крестьян [10]. В своем донесении в Сенат Наумов жаловался, что, несмотря на все «промемории», направляемые в Казанскую губернию, количество присылаемых оттуда рабочих людей, совершенно недостаточно [11].

Потому-то, сроки «линейных работ» значительно сдвинулись. Вместо 16 мая они начались только 17 июня. Соответственно, первая смена, отработав положенные 3 месяца, завершилась лишь 19 августа. О первых днях строительства сохранилось красноречивое свидетельство Бибикова, приведенное им в рапорте к Миниху от 20 июня. Капитан-поручик писал, что после прихода к Алексеевску первой партии «пригородных» солдат, Наумов приказал ему «...линейную работу показать, дабы пришедшие работники празны не были. И по силе оного ордера принужден в оную линейную работу показать по усмотрению ситуации выше пригородка Алексеевска от устья реки Кинели. И сего июня 17 дня она линейная работа зачята и того дни работы боля не продолжалось одного часа и дан для зачатия шебаш... А в зачатии линии зделан будет редут. А ныне обращаетца в работе земляной 900 человек и при них у надзирания обер афицеров 2, ундер афицеров 20 человек; в лесу у плотничей работы рядовых 150, кузнецов у починки инструментов и у протчего 11 человек, а губернские работники еще не прибыли...» [12].

Характерно, что более месяца инженерам экспедиции пришлось работать без основополагающих документов – инструкций, содержащих сведения о параметрах укреплений, валов, рвов, методике их возведения и т.д. Тот же Бибиков сообщал в Канцелярию, что: «...в отделку делаетца заложения бруствера с высотой с крутостью внутреннею и банкет по присланной профили из Главной канцелярии артиллерии и фортификации, а наружная крутость бруствера от ложеа одним футом, понеже квалитет земли так допускает делать и делаетца плака верк, а дерну не имеетца ибо план и лант-карт о строении крепостей тако ж профиль о строении линии с промемории получал при ордере... Наумова июля 24, копан был ров точию шириною в 7 фут (немногим более 2 м – Э.Д.), глубиною в 7 фут, а в отделку делать зачели с получения вышепомянутого плана и профилии, а препорции редантов ничего в присланной промемории... не сказано» [13].

Несомненно, что для оторванных от своего хозяйства крестьян, работа на линии была тяжелейшей повинностью, губительно сказывавшейся на их имущественном состоянии и здоровье. Сухие статистические данные о количестве людей, занятых ежедневно на работах, болевших, умиравших и бежавших дают вполне очевидное представление об этом (табл. 2) [14].

Таблица 2

Рабочая сила на строительстве укреплений в июне – июле 1732 г.

Месяцы, дни	Количество ра- ботавших	Коли- чество боль- ных	Оставлен- ные при ла- гере, у та- бунов, на караулах и на <u>кухне</u>	Количе- ство бе- жавших уездных работни- ков	Количе- ство умерших уездных работни- ков
Июнь					
17	300	-	-	-	-
18	воскресенье	-	-	-	-
19	881	30	96	-	-
20	878	33	96	-	-
21	886	25	96		
22	883	28	96	-	-
23	879	32	96	-	-
24	день святого Ио- анна, выходной	-	-	-	-
25	воскресенье	-	-	-	-
с 26 июня по 7 июля	не работали из- за опасности эпидемии	-	-	-	-
Июль					
7	2152	69	136	-	-
8	4206	89	96	-	-
9	воскресенье	-	-	-	-
10	4212	83	96	-	-
11	4201	94	96	-	-
12	4203	92	96	-	-
13	4204	91	96	-	-
14	5515	86	96	-	-
15	5516	85	96	-	-
16	воскресенье	-	-	-	-
17	5529	72	96	-	-
18	5618	115	96	-	-
19	5612	121	96	-	-
20	5613	120	96	-	-
21	5611	122	96	-	-
22	5786	92	96	-	-
23	воскресенье	-	-	-	-
24	5763	115	96	-	-

25	5902	125	159	-	-
26	5962	135	89	-	-
27	5922	174	90	-	-
28	5911	185	90	-	-
29	5912	184	90	-	-
30	воскресенье	-	-	-	-
31	5912	184	90	-	-
Август					
1	5785	201	162	35	3
2	5787	198	163	-	-
3	5786	191	165	5	1
4	5786	199	157	-	-
5	5781	204	196	-	1
6	воскресенье	-	-	-	-
7	5763	230	195	8	
8	5752	243	193	-	-
9	5749	249	181	8	1
10	5748	251	170	10	
11	5748	251	167	2	1
12	5740	259	128	39	
13	воскресенье	-	-	5	-
14	5711	261	142	8	
15	день Успения Богородицы, выходной	-	-	6	-
16	5653	279	175	1	-
17	5682	291	131	2	1
18	5609	277	221	-	-
19	5649	314	143	1	-
20	воскресенье	-	-	-	-

Длительный перерыв в работах в конце июня – начале июля был связан с опасениями возможной эпидемии. На одном из драгун Вологодского гарнизонного полка, прикрывавшего район строительства, была обнаружена язва, признанная врачом, обретавшимся в экспедиции «опасной». Между Наумовым, губернской канцелярией и даже Сенатом завязалась переписка. Все работы были приостановлены, а «команды разведены по разным местам». Вопрос встал о полной изоляции района работ и об устройстве «застав». В этом отношении очень интересно «определение» Сената от 11 июля, которое предписало в случае обнаружении действительной опасности эпидемии, ввести в Заволжье весь комплекс противоэпидемиологических мер. Сам же тайный советник усомнился в квалификации сво-

его «медицинского работника». И действительно, комиссия из 3-х полковых врачей, присланных из Казани, во главе со «старшим лекарем Крестьяном Шпером», признала эту болезнь не опасной. С 6 июля вновь началась «линейная работа» [15].

С 7 июля наступил наиболее продуктивный период с точки зрения использования рабочей силы. С 14 июля по 19 августа ежедневно, за исключением выходных, на линейной работе было занято одновременно не менее пяти с половиной тысяч работников, т.е. даже более того количества, которое планировалось использовать в первую смену. Однако, с начала августа в работе экспедиции, явно, обнаруживаются признаки кризиса. Гораздо больше стало больных. Видимо, сказались холодные ночи и перемены в погоде. За 19 дней умерло 8 человек. Если за всю вторую половину июня и весь июль не было ни одного беглого, то за 19 дней августа ушло с работ 130 человек. Из них только 1 августа бежало 35 человек, а 12 августа - 39.

В соответствии с утвержденным проектом, работы в 1732 г. должны были осуществляться на участках «от Алексеевского до Красного Яра» и «от Сергиевского до Тарханского леса, а чрез Тарханский лес засеку, а от Тарханского леса до реки Кичуи линией». Наиболее удобным, по всей видимости, был первый участок. Его, исходя из текста указа, следовало сделать в первую очередь. К тому же здесь строители могли опереться на воинские гарнизоны и материальные ресурсы Самары и Алексеевского.

Строительные работы в 1732 г. развернулись на 2-х участках – от р. Самары до Сока (Красноярская крепость) - и от пригорода Сергиевска в сторону р. Кичуй [16]. Строительство первого - начали от Кинельского редута, устроенного несколькими километрами восточнее пригорода Алексеевского, на правом берегу р. Большой Кинель, неподалеку от ее впадения в Самару. Провести прямую линию от Кинельского редута к Соку не удалось, но строители попытались максимально придерживаться ее, уводя вал и ров от кратчайшего направления только в случае крайней необходимости. Как и планировалось, при пересечении р. Падовки был устроен «редут Красный и при высоком месте и с которого по линии до Кинельского редута и до Красного Яра ежели захочутца маяки можно видеть». Участок должен быть завершиться крепостью, выстроенной на берегу реки Сок, при впадении в нее Кондурчи. Были ли устроены на всем протяжении этого участка маяки, неизвестно? Любопытно, что в начале июля руководству экспедиции пришлось поменять направление строительства. Выше говорилось, что линию начали возводить от устья Большого Кинеля. Но, после противоэпидемических мер и последовавшего за этим «конского падежа» в Алексеевском и в стоящих под пригородом воинских командах, решили вывести работных людей и воинские силы из опасной зоны и строительство повели от Сока на юг к р. Самаре [17].

Итоги работы первой смены были отражены в особой ведомости. Запись в ней гласила, что всего выкопано рва и насыпано вала «не в отделку»

от р. Сок к Самаре на 25 верст. Из этого числа «в отделке плакаверка отделано малого вала [или бруствера] на две версты 400 сажен. Банкету сделано на 12 верст, рва окончено на 11 верст...». Кроме того, ерыклинские солдаты заготовили 7200 бревен строительного леса по рекам Соку и Кондурче [18].

От сезона прошлого 1731 г. недостроенной осталась Красноярская крепость, возводившаяся на правом берегу р. Сок при впадении в нее Кондурчи. Однако, в конце лета 1732 г. у руководителей экспедиции возникли серьезные сомнения в правильности выбора места под это оборонительное сооружение. В донесении в Сенат от 21 августа Ф.В. Наумов сообщил мнение И. Бибикова о том, что крепости лучше быть на левом берегу, т.е. в урочище Красный Яр «отколь зачата линия к Алексеевску». Вместе с тем капитан-поручик показал весьма взвешенный и серьезный подход к решению данного вопроса. Его аргументация в пользу переноса крепости состояла, во-первых, в том, что в новом месте крепость будет действительно привязана к линии и, во-вторых, там «вода лучше». Но вместе с тем, он допускал, что вся территория в самаро - сокском междуречье, вплоть до устьев Большого Кинеля и Кондурчи могла быть отведена в хозяйственное пользование жителям Самары и Алексеевского, так что и крепость у Красного Яра строить будет не на чем. Бибиков, видимо, не располагал конкретными данными о размежевании земель в этом районе в конце XVII – начале XVIII вв., но знал, что оно было. Там же, где в прошлом году был «заложен палисадник крепости место хотя и удобно, но за поемными лугами привязать к линии неудобно» [19].

Уже в первые дни строительства выявились трудности, связанные с нехваткой опытных инженеров. В процессе производства линейных работ необходим был постоянный контроль за их качеством, соблюдением всех фортификационных требований. Фронт строительства был чрезвычайно узким, рабочая сила растянулась вдоль линии на значительное расстояние. 20 июня Бибиков писал Миниху, прося казенных лошадей для своих подчиненных: «...требуется нужда смотреть во всех местах, дабы по профилям было сделано окурратно, а пешим усмотреть невозможно» [20]. К тому же, с 28 июля надолго выбыл из строя инженер прапорщик Вельяминов-Зернов, заболевший «жестокой горячкой» [21].

Серьезные проблемы возникли в применении в условиях Заволжья принятой в первой трети XVIII в. технологии сооружения укрепленных линий. На степном участке междуречья Самары и Сока, практически не удалось обнаружить дерн для укрепления откосов бруствера и рва. Поэтому пришлось прибегнуть к плакированию – механическому упрочнению их поверхностного слоя. Этот способ по канонам тогдашней фортификационной науки вполне можно было использовать, хотя он гораздо хуже защищал укрепления от водяной и ветровой эрозии. Но для такого плакирования (делать «плакверк» или «отделка плакаверка», как писали инженеры экспедиции), нужно было много воды для увлажнения наружного

слоя поверхностей вала и рва. Как только строительство удалилось от Самары и Сока вглубь степной территории, воды стало не хватать. Возить ее издалека было, практически, невозможно. Поэтому Бибиков и его инженеры придумали весьма оригинальный способ плакирования, суть которого была изложена в рапорте капитан-поручика в Канцелярию главной артиллерии и фортификации: «...крутости бруствера как наружная так и внутренняя обделываетца за неимением дерна плака верк и за отдалением воды оной плака верк делаеца приставлевая доски к крутостям и крепко с малою поливкою водою убивают чекмарями и ручными бабами дабы земля крепче садилась и по лекалом за недовольною водою делать невозможно» [22]. Более литературно этот же способ изложил Наумов, обращаясь к Миниху: «...чтоб остановки не учинить в отделке линии... делают таким образом, что весь вал с обе стороны обнея досками и за доски сыплют чернозем и поливают водою и убивают чекмарями и от того немалая мешкота происходит а паче, что воду не блиско возить» [23]. Судя по этим двум, дополняющим друг друга описаниям, строители использовали метод скользящей опалубки, нередко используемый в современном строительстве.

Природа, практически, степного района задала строителям еще одну сложную задачу. Площадку на уровне земной поверхности между внутренним откосом рва и бруствером, шириной в несколько футов, полагалось укреплять либо палисадником, т.е. забором, либо посаженными по ней кустарником и деревьями «терновником или кленом и липнягом или другим к тому способным». Это была общепринятая практика. Но в окрестностях строительства леса не было, кроме малорослого дикого «вишневаго», который для этих целей совершенно не годился. Поэтому, руководство экспедиции просило Канцелярию главной артиллерии и фортификации разрешить вместо живого дерева использовать колья ветлы и осокоря, которые вполне могли приняться и разрастись в «живой плетень» [24]. Нужно отметить, что Миних с полным пониманием и одобрением отнесся к таким вынужденным изменениям в технологии линейных работ [25].

Во вторую смену предполагалось задействовать уже 10000 присланных крестьян. Однако в реальности к работам явилось немногим более половины - только 5635, которых продержали до 20 октября. Кроме них были использованы пригородочные солдаты – около 1000 человек из тех, которые не были заняты в первую смену [26]. Ведомости о ежедневной занятости рабочей силы не сохранились.

Рабочие второй смены должны были завершить сооружение вала на самаро-сокском участке. В итоге протяженность рва и вала здесь была доведена до 29 верст 206 сажен [27], что не совсем понятно, т.к. общая протяженность линейного участка от Кинельского редута до Красноярской крепости составляет всего 25 верст (около 26,7 км). Возможно, в отчетные документы просто вкралась ошибка. На участке, который был начат в конце августа, от пригорода Сергиевск к р. Кичую, продолжалось строитель-

ство вала и рва от Казанского оврага, то есть от тех укреплений, которые были возведены осенью 1731 г. Линия здесь перевалила через р. Кондурчу и подошла к Тарханскому лесу, где были устроены засеки. Характерно, что на этом, весьма протяженном участке, в 1732 г. не было устроено ни одного редута, фельдшанца или крепости. По всей видимости, для войск, охранявших эту территорию, помимо Верхнекондурчинского редута, указанного еще на картах 1731 г., был построен второй - Малопавский на р. Малой Павке. Кроме того, неподалеку имелся еще один редут, возведенный еще до организации Закамской экспедиции, – Липовский.

На участке между частично построенной Красноярской крепостью и пригородом Сергиевским строительные работы в 1732 г. году не велись. Для того, что бы хоть как-то защитить это направление, использовался редут Ольшанский на правом берегу Сока.

Во вторую смену на строительстве должны были задействовать больше людей, чем в первую. В связи с этим, сразу же обнаружилась нехватка инструментов, значительная часть которого вышла из строя в июне - августе. Наумов сообщал Миниху, что в Казани инструментов нет и если их не пришлют, то все работы встанут. Для изготовления необходимого инвентаря в самой экспедиции были собраны все кузнецы, налажено свое производство, где ремонтировались лопаты и кирки, пришедшие в негодность. И все же положение оставалось тяжелым. Сообщалось, что, часть рабочих «...за неимением землю...роют сошниками и деревянными лопатами накладывают» [28]. Тяжба о поставках инструмента затянулась практически до конца осенней смены. Еще 12 октября Миних пытался заставить губернские власти выслать его в экспедицию, возлагая ответственность за это дело лично на губернатора [29].

Весь ход работ на линии в 1732 г. был представлен в отчетах Бибикова в Канцелярию главной артиллерии и фортификации [30]. Интересно сравнить эти материалы с отчетами генерал-майора Дебриньи, в это же время руководившим инженерами на строительстве Украинской линии. Последний, в отличие от Бибикова, прекрасно понимал великую силу хорошо составленного документа. Его отчеты прекрасно оформлены, подробны, содержат массу статистического материала, сведенного в таблицы, многочисленны и вполне естественно должны были вполне соответствовать вкусу педантичного Миниха. Бибиков же в своем бумаготворчестве вполне соответствовал характеристике, данной ему при аттестации в Инженерной школе, «в деле своем не отправен» [31], что, впрочем, не помешало ему в октябре 1732 г. получить очередной чин капитана [32], а ко времени Семилетней войны вырасти в одного из лучших военных инженеров России.

Вновь, как и в прошлом году, одной из самых сложных оставалась задача финансирования экспедиционных расходов. Сенатский указ, направленный в Казанскую губернию, обязывал местные власти направить для

пригородочных солдат, занятых на линейной работе, из 4-х гривенного сбора на заработную плату 5000 рублей, да тем же солдатам, возившим лес и припасы из «неположенных в штат доходов» 3600 рублей. Но и этих денег явно было недостаточно. Да и из них, в начале осени 1732 г. Наумов взял у казанского дворянина, привозившего в экспедицию деньги, 500 рублей на мелочные расходы и на дачу приказным служителям и геодезистам 2000 руб. Проблему финансирования этих статей разрешил сенатский указ, появившийся в начале января 1733 г. Он позволил руководству экспедиции брать на канцелярские расходы и на жалованье приказным людям и геодезистам по 1000 руб. ежегодно [33].

Но общие затраты на содержание закамской ландмилиции были намного выше. Для содержания 4-х полков в 1732 г. была назначена сумма в 48000 рублей, из которых, судя по указу 12 октября 1732 г., только 9811,6 руб. покрывалось за счет 4-гривенного налога [34]. Всего же на содержание ландмилицких украинских и закамских полков и «на обретающихся при них генералитет» по императорскому указу и приговорам Сената от 12 октября и 16 ноября 1732 г. затраты составили 301192, 97 руб. в год [35].

Значительные средства уходили на выплаты мобилизованным крестьянам и на другие расходы. Руководство экспедиции на время летних работ заготавливало крупные запасы продовольствия. В принципе работники должны были сами обеспечивать себя продуктами. Но для тех, кто этого не смог сделать, запасли 5000 четвертей круп. Этот провиант получали работные люди, которые не привезли достаточно своих продуктов, но руководство экспедиции, соответственно, уменьшало им выдачу жалованья. Кроме того, в район строительства завозилось большое количество вина [36].

Завершая работы 1732 г. руководство экспедиции не забывало о необходимости подготовки к новому сезону. Осенью 1732 г. Наумов обратился в Сенат с просьбой разрешить в «будущее лето» те ландмилицкие полки, которые должны были участвовать в строительстве, не ставить на земляные работы, а занять их «для себя строить, где имеется поселены быть всякое строение на Красном Яре, где линия отделана и на Соку» [37]. По просьбе тайного советника, вместо Друковцева в экспедицию с повышением чина перевели симбирского канцеляриста Афанасия Киндякова [38], который в 1733 – 1736 гг. осуществлял всю практическую работу по размежеванию земель.

После завершения работ и роспуска полков со строящейся линии, руководство и постоянные сотрудники экспедиции остались в Заволжье. Лучшим вариантом для «зимних квартир» был Симбирск, центр одноименной провинции и сравнительно крупный по тем временам город, с большим фондом удобных жилых помещений. К тому же он находился относительно недалеко от района строительства. Штаб Наумова в Симбирске

разместился в 93 купеческих дворах, да еще 196 понадобилось на квартиры для «разных команд» [39].

Можно сделать вывод, что именно в 1732 г. развернулись полномасштабные строительные работы по сооружению новой оборонительной линии. Их организацию и проведение, несмотря на многочисленные трудности и неисправности можно признать вполне удовлетворительными. Вместе с тем, для руководства экспедиции, центральных и местных казанских властей этот год явился временем осознания того, что данное предприятие дело гораздо более сложное и трудоемкое, чем это задумывалось ранее.

Литература

1. См: Дубман Э.Л. У истоков Закамской экспедиции // Краеведческие записки. Вып. X. Самара, 2003; Его же. Военный инженер Илья Бибииков и строительство Новой Закамской линии // Самарский край в жизни и творчестве выдающихся личностей. Сборник статей и материалов III Международной научно-практической конференции «Самарский край в контексте мировой культуры. Идеи и судьбы». 10-15 июня 2003 г. Самара, 2003; Его же. Начало работ Закамской экспедиции в Заволжье в 1731 г. и первый проект строительства новой оборонительной линии // Историки и история в меняющемся мире. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Е.И. Медведева. Самара, 2003; др. работы.

2. Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л.38-53, 82-85.

3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (далее ПСЗ-1). Т. VIII. № 5993. С. 659.

4. РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 89-90об.; РГВИА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 69. Л. 1—2об.; Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа, 1997. С. 92.

5. РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 162.

6. РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 118.

7. Сборник Императорского Русского исторического общества (далее Сборник РИО). Т. 104. С. 302–304.

8. Сборник РИО. Т. 104. С. 303.

9. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее А ВИМАИВиВС). Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 352-352об.

10.РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 216-216об.

11.РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 253.

12.А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 467.

13.А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 523.

- 14.РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 216об.-217.
- 15.РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 253; Сенатский архив. Т. 2. СПб., 1889. Указы 1732 г.
- 16.Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 349. Оп. 45. Д. 2279.
- 17.РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 253; Сенатский архив. Т. 2. СПб., 1889. Указы 1732 г.
- 18.РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 218об.
- 19.РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 214об.-215.
- 20.А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 426.
- 21.Там же. Л. 575.
- 22.Там же. Л. 575.
- 23.Там же. Л. 577об.
- 24.А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 523об., 575, 577об.
- 25.А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 87. Л. 294.
- 26.РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 25об.
- 27.РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 208.
- 28.А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 577.
- 29.А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 607; Д. 87. Л. 293-294.
- 30.А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 467, 523-525.
- 31.А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 299.
- 32.А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 104. Л. 26.
- 33.РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 2-5.
- 34.Дэн В.Э. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке. Т. 2. М., 1902. С. 182.
- 35.Дэн В.Э. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке. Т. 2. М., 1902. С. 182.
- 36.РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 24об.
- 37.РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 22-22об.
- 38.Сборник РИО. Т. 104. С. 403.
- 39.РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 288, 289.

ОБРАЗОВАНИЕ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ И СОСТАВ ЕЕ НАСЕЛЕНИЯ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Самара. Самарский государственный университет

Лесостепное и степное Заволжье занимает обширную территорию, которая в середине XIX в. оформилась как цельное образование и составила Самарскую губернию. Волга для данного региона является не просто наиболее однозначно определенной границей, а естественным рубежом, долгое время защищавшим от кочевых набегов. Оседлые жители пришли в этот край, исключая редкие поселения по самому берегу великой реки, не только позже, чем на волжское правобережье, но даже позднее, чем на территории, окружающие Заволжье с севера и востока: Закамье, Башкирию и Приуралье. С юга Заволжье очерчено природно-климатической зоной, за пределами которой не велось традиционное для России хлебопашество и начинались промысловая Нижняя Волга и сухая прикаспийская степь, переходящая в полупустыню.

Разнородность административной принадлежности рассматриваемой территории до образования Самарской губернии не способствовала концентрации документальных материалов по прошлому Заволжья в одном месте. Время до середины XIX в. вообще слабо представлено в архивохранилищах поволжских городов, пострадавших от пожаров. Однако имеется значительный массив источников по этому времени в фондах архивов Санкт-Петербурга, Москвы, Оренбурга и Ульяновска. К сожалению, архивные материалы по истории заселения и освоения Самарского края с XVIII в. и до образования губернии долгое время оставались вне поля зрения исследователей [1].

Могло сложиться представление, что решение верховной власти о создании Самарской губернии было принято внезапно, в одночасье. Однако у этого вопроса имелась предыстория, он был вызван объективными причинами и прошел обстоятельное обсуждение.

В ходе реформы местного управления, начатой Екатериной II, Заволжье оказалось поделенным между различными территориальными образованиями, в составе которых и находилось до середины XIX в. В 1780 г. было создано Симбирское наместничество (губерния). В него вошла северо-западная часть территории Заволжья: Ставропольский и луговые части Сызранского и Самарского уездов. Северо-восточные заволжские уезды (Сергиевский, Бугульминский, Бугурусланский и Бузулукский) оказались в Уфимском наместничестве, учрежденном в 1781 г. и преобразованном в 1796 г. в Оренбургскую губернию. В ее составе упразднились Сергиевский и Бугурусланский уезды, но последний в начале XIX в. был восстановлен.

Юг Заволжья более полувека составлял левобережные половины Хвалынского, Вольского и Саратовского уездов. Они находились в Сара-

товском наместничестве, учрежденном в 1780 г., разделенном в 1796 г. между Астраханской и Пензенской губерниями, но восстановленном в 1797 г. под именем Саратовской губернии. В 1835 г. из заволжских частей трех вышеназванных уездов были образованы два новых, Николаевский и Новоузенский уезды.

Административное устройство заволжских территорий на уездном уровне внешне казалось унифицированным по общероссийскому образцу. Однако, значительная часть здешнего населения и его земли оставались вне ведения гражданских властей, а подчинялись непосредственно военному начальству в Оренбурге: казаки Оренбургского войска, ставропольские крещеные калмыки, башкиры на восточных окраинах Заволжья. Это военно-служилое население делилось на кантоны, «кои составляют род округа, в коем выбранные из народа люди и старшина управляют оным, составляя чрез сие род народного суда, пекшегося для выкомандировки войска на линию в полной силе, как сбором команд, равно вооружением, содержанием и приводом оных». Расписание пяти казачьих кантонов было составлено в 1798 г. оренбургским военным губернатором О.А. Игельстромом. Из них два (3-й и 5-й кантоны) размещались в заволжских уездах Симбирской и Оренбургской губерний и из-за отдаленности от пограничных линий обычно назывались внутренними. Они делились на станицы, которые здесь, как правило, не были отдельными поселениями, а являлись казачьими общинами в совместных местах жительства с горожанами и крестьянами. Так, казаки г. Самары составляли Самарскую станицу 5 кантона [2].

Доля военно-служилых сословий и их роль в хозяйственном освоении края постоянно снижалась из-за постоянного притока переселенцев-крестьян. Благодаря совместному воздействию таких социальных и политических факторов, как правительственные меры по закреплению Заволжья в составе России, желание помещиков увеличить свои владения и доходы, стремление хлебопашцев уйти на свободные земли, к концу первой трети XIX вв. произошло коренное изменение демографической ситуации в левобережной части Самарского края в отношении плотности и этнического состава населения. Перечисленные факторы продолжали действовать и в предреформенные 1830-1850-е годы, но приняли своеобразное конкретно-историческое выражение. К тому же к ним добавилось мощное влияние экономического характера в связи с превращением Заволжья в одного из главных российских поставщиков товарного хлеба.

Именно на исходе первой половины XIX в. сложился комплекс объективных причин, повлекших принятие решения о создании особой заволжской губернии. К ним относятся: 1) стремление властей одновременно поддержать и удержать под своим контролем переселенческое движение, 2) окончательная утрата краем военно-пограничного значения и ликвидация здесь служилого населения, 3) трудность управления обширными губерниями при резком росте числа их жителей, 4) возросший экономический потенциал территории и ее естественного центра торгово-промышленного притяжения, каким стала Самара.

До середины 1830-х гг. наблюдение и ответственность за переселенческие дела возлагались на Министерство финансов и его местные учреждения. Затем государственное участие и контроль в процессе заселения края усилились вследствие реформы казенной деревни, в осуществлении которой важное место отводилось переселенческой политике: «Министерство государственных имуществ с самого образования своего (26 декабря 1837 г. - Ю.С.), убедившись в необходимости облегчить участь нуждающихся в угодьях крестьян малоземельных губерний и обратить излишние руки с одних мест к обрабатыванию обширных пустопорозжих пространств в многоземельных губерниях, распорядилось выпуском значительных партий переселенцев...» Для этих переселений предназначались, прежде всего, заволжские территории Оренбургской и Саратовской губерний [3].

Проблемы переселенцев не раз создавали трудности у местных властей, не справлявшихся с большим притоком людей, а потому не раз требовавших его ограничения и даже временного прекращения. Однако, даже получаемое время от времени согласие центральных правительственных учреждений на подобные ограничения мало что меняло. Появление на свободных землях самовольных переселенцев из числа казенных крестьян все равно заставляло и руководителей столичных ведомств, и губернских чиновников оформлять эти переходы, чтобы не потерять из виду налогоплательщиков и не довести их до разорения.

Накопившиеся нерешенные вопросы заставили министра государственных имуществ П.Д. Киселева дать поручение в 1842 г. действительному статскому советнику Райскому составить специальную записку о состоянии крестьян-переселенцев. За этим последовали командировка того же Райского в Саратовскую губернию в 1843 г. для изучения вопроса на месте, принятие по просьбам губернских казенных палат и самого Министерства государственных имуществ новых правил о переселениях, высочайше утвержденных 8 апреля 1843 г. [4].

Мероприятия, схожие с теми, что осуществляло киселевское министерство, проводило в отношении своих крестьян также удельное ведомство. Приток переселенцев обеспечивался и помещиками, выводившими своих крепостных на свободные земли, в т.ч. полученные по пожалованиям от верховной власти.

Вместе с тем впервые за историю Заволжья правительство в 1840-х гг. прибегло к массовому выводу отдельных групп населения за пределы данного региона, хотя разговоры об этом велись давно. Еще в наказе самарского, ставропольского и оренбургского дворянства в Уложенную комиссию 1767 г. содержалось требование передачи помещикам земель, отведенных жителям крепостей от Самары до Оренбурга. Здешних же казаков дворяне предлагали выселить дальше на восток. В 1801 г. землемер В.И. Ильинский сделал представление генерал-прокурору «о положении

калмыцких земель и сколь оне выгоды будут иметь, ежели перевести их на другие Оренбургские земли, а сию заселить коронными крестьянами» [5].

По Положению об Оренбургском казачьем войске, утвержденному императором 12 декабря 1840 г., были упразднены его внутренние кантоны в Заволжье, а казачьи земли при городах Самаре, Ставрополе, Бузулуке и других крепостях прежней Самарской линии передавались Министерству государственных имуществ. По указу от 8 марта 1841 г. началось выселение казаков бывших внутренних кантонов на восток на новую пограничную линию [6].

Многовековая история казачества в Самарском крае была прервана, а в 1842 г. калмыки вслед за казаками были выведены из Заволжья. Обитавших на его восточных окраинах башкир выселение не затронуло. Однако, самовольно занятые выходцами из Башкирии на рубеже XVIII - XIX вв. земли по Узеням и другим южным степным рекам изымались в казну для наделения государственных крестьян и помещиков. Взамен этой группе башкир отводилось ограниченное пространство степи Николаевского уезда на вершинах рек Иргиза и Каралыка (в современных Большеглушицком и Большечерниговском районах) [7].

Ликвидация иррегулярных войск на заволжских территориях привела к освобождению значительного числа сельскохозяйственных угодий, в том числе в Симбирской губернии, считавшейся еще с 1801 г. малоземельной и не подлежащей массовому заселению. Теперь же в ее Самарском и Ставропольском уездах образовался резерв, обеспечивший новых поселенцев на несколько десятилетий. Но это порождало административные проблемы.

Левобережье Симбирской губернии требовало иных способов и даже органов управления, чем ее давно обжитая и уже перенаселенная нагорная сторона. Так, в начале второй трети XIX в. на территории Симбирской губернии вообще не оставалось государственных крестьян, которые, согласно мнению Государственного Совета, утвержденному 16 января 1835 г. Николаем I, были переданы в удельное ведомство со своими землями и угодьями. Соответственно здесь не было и учреждений, ведавших казенным землевладением. Но когда Ставропольское Калмыцкое войско, подчиненное мимо уездных гражданских властей Военному министерству, было упразднено, то его территория перешла под контроль особого правительственного органа, созданного в 1844 г., - Временного Управления казенными землями Симбирской губернии при Министерстве государственных имуществ. Заселение этих земель велось по особым правилам, принятым в 1846 г., а первые переселенцы были допущены в 1849 г. [8].

В Саратовской губернии также проявлялся контраст правого и лугового берегов, хотя на ее юге он был заметно сглажен. Одновременно пропал смысл держать под контролем военных властей Оренбургской губернии, озабоченных пограничными и среднеазиатскими делами, ее западные уезды, лишившиеся служилого населения. Да и в целом быстрый рост населения и экономического значения Заволжья делали все более ощутимыми трудности

управления существующими обширными губерниями. Естественным стало появление идеи создания отдельной губернии на левобережье Волги.

Еще в 1820-е гг. разрабатывался, но не получил хода проект разделения Оренбургской губернии «с прибавками некоторых частей Пермской и Симбирской губерний на две губернии и область». В 1842 г. сенатор А.Н. Пещуров совершил ревизию Оренбургской губернии, результаты которой были сообщены Комитету Министров. В представленном рапорте как раз указывалось на административные затруднения, вызванные тем, что «на-родонаселение здешней губернии быстро увеличивается чрез поселения казенных крестьян, а между тем средства полицейского и судебного управлений остаются без всякой перемены и усиления». При рассмотрении журнала заседаний Комитета император Николай I 10 августа 1843 приказал: «Сообразить и представить проэкт разделения помянутой губернии на две, с прирезкою Самарского уезда Симбирской губернии». Министр внутренних дел, получивший это повеление, предложил, «по соображению... географических и статистических сведений об Оренбургской и прилегающих к ней Симбирской и Казанской губерний», составить Самарскую губернию из четырех уездов Оренбургской (Мензелинский, Бугульминский, Бугурусланский, Бузулукский), двух Симбирской (Самарский, Ставропольский) и Казанской (Спасский, Чистопольский) губерний [9].

Слабая сторона этого плана состояла в том, что в случае его выполнения создавалась очень разнородная по составу губерния, охватывающая и давно обжитое Закамье, и продолжавший осваиваться север Заволжья, и заметную часть собственно башкирских земель. На проект последовали настойчивые возражения генерал-губернатора В.А. Обручева, среди которых было и указание на то, что «разноплеменность и разноподчиненность», создающие трудности управления Оренбургской губернией, перейдут теперь и на Самарскую [10].

Первоначальный вариант состава Самарской губернии не был реализован и из-за тесной увязки с весьма сложным вопросом реорганизации всей Оренбургской губернии. Однако, идея не была похоронена, а приобрела географические очертания, более соответствующие реальным административным задачам.

2 мая 1850 г. Министерство внутренних дел довело до сведения разных ведомств новое повеление императора: «Учреждение новых губерний начать с одной Самарской...» [11], а также собственные предположения об устройстве ее из заволжских уездов Симбирской (Ставропольского и Самарского), Саратовской (Николаевского и Новоузенского) и Оренбургской губерний (Бугульминского, Бугурусланского и Бузулукского). При этом правобережная часть Самарского уезда на Самарской Луке оставалась в Симбирской губернии и включалась в Сызранский уезд. Заволжские селения последнего (в современном Приволжском районе), в свою очередь, передавались Самарскому уезду.

Состав Самарской губернии ограничивался в окончательном варианте только теми уездами, которые рассматривались как многоземельные и продолжали оставаться территориями массового заселения. Следовательно, таковой становилась и вся губерния целиком. Некоторым исключением являлся Ставропольский уезд, который еще во времена Екатерины II был скомпонован из двух разнородных по времени заселения и степени обжитости половин, разделенных исторической границей Заволжья и Закамья - Старой Закамской линией. Но эта особенность не носила принципиального характера, так как и в других заволжских уездах уже имелись отдельные районы с плотным и давним (до 100 и более лет) оседлым населением. Создание новой губернии выключало из числа многоземельных Саратовскую и Симбирскую губернии, оставшиеся без луговых сторон, тем самым, сокращая объем обязанностей тамошних органов управления за счет упразднения функций по организации переселений. Это же позволяло сократить расходы указанных губерний, а освободившимися суммами компенсировать затраты на содержание самарских губернских учреждений.

То, что вопрос об управлении дальнейшим освоением заволжских территорий был одним из важнейших при создании новой губернии, подтверждается следующим обстоятельством. Хотя от имени императора Министерство внутренних дел ставило перед всеми руководителями центральных ведомств одинаковый вопрос, не встретится ли с их стороны «каких-либо неудобств или затруднений к осуществлению сказанного предположения в настоящее время», но решающим оказался обстоятельный отзыв Министерства государственных имуществ, ведавшего между прочими делами о переселениях. 10 августа министр внутренних дел граф Л.А. Перовский сообщал управляющему указанным министерством Н. Гамалее, что именно «по всеподданнейшему докладу отношения ко мне Вашего Превосходительства от 22 июня» Николай I «повелеть соизволил приступить ныне же к образованию Самарской губернии и привести эту меру в действие, если возможно, с 1 января будущего 1851 года» [12].

Важным обстоятельством, ускорившим создание губернии за Волгой и определившим будущий административный центр, был быстрый, если не сказать стремительный, рост Самары и подъем ее экономического значения, что обуславливалось, прежде всего, развитием товарного производства зерна в крае и хлебной торговли. Переломным стал 1833 год, отмеченный высоким урожаем при одновременном подъеме цен на хлеб, особенно на твердую пшеницу - «белотурку». После него началась, по словам современников, «настоящая белотурочная лихорадка». В 1835 г. был поднят, а в 1840 г. решен вопрос об изменении плана города Самары 1804 года, поскольку прежде «не существовало еще хлебной пристани, и хлебных амбаров на плане назначено не было», теперь же число последних достигло нескольких сот, и ежегодные закупки хлеба, вывозимого отсюда, простирались до 3-5 млн. пудов [13].

В 1835 г. император утвердил новые правила сбора здесь городских доходов и расходов, что было опять-таки следствием развития хлебной торговли, а также новые штаты самарской городской администрации, полиции и органов самоуправления. Но уже в 1841 г. срочно понадобилось и было получено высочайшее позволение на изменение этих штатов из-за большого притока людей. Официально постоянное население в Самаре за 1830-е гг. выросло в полтора раза (что уже было немало), превысив 13 тыс. чел., а к 1851 г. достигло 15 тыс. жителей. Но реальная его численность была на порядок выше. С весны до зимы в город и его округу стекалось на заработки около 100 тыс. человек, и даже зимой в Самаре оставалось с учетом пришлых не менее 25 тыс. обитателей [14].

Если до XIX в. заволжское расположение Самары сдерживало ее развитие, и она заметно уступала Симбирску, Сызрани и Саратову, поставленным на безопасной горной стороне, то теперь та же географическая ситуация оборачивалась для нее своими выгодами. К тому же выявилось необыкновенное удобство Самарской пристани. Через нее в середине века проходило две трети грузооборота (в стоимостном выражении) всех пристаней по луговому берегу Волги ниже устья Камы. Получение ранга главного административного центра Заволжья было вполне естественным шагом, закреплением реального исключительного положения Самары в крае, а не просто волевым актом.

Сроки, назначенные царем для подготовки к открытию основных губернских учреждений, были выдержаны. 6 декабря 1850 г. император подписал указ об образовании Самарской губернии, который было решено обнародовать 20 декабря. Предусмотренная заранее дата 1 января 1851 г. действительно стала днем начала существования новой губернии.

Таким образом, в предреформенные годы XIX в. завершилось превращение Заволжья в одну из коренных российских территорий. Это официально было признано в мнении Государственного Совета, утвержденном 14 ноября 1850 г. Николаем I и относившим Самарскую к числу «внутренних губерний Империи» с «нормальными» чиновничьими штатами «второго разряда» [15].

В Заволжье сложилась система местных органов власти, унифицированная по образцу центральных регионов страны и просуществовавшая до 1917 г. Управление краем утратило военные и внешнеполитические стороны, стало исключительно внутренним делом. За внешней оболочкой происходивших административных перемен скрывались серьезные сдвиги в численности и составе населения, в уровне хозяйственного и культурного развития Заволжья. Регион превратился в неотъемлемую часть России, сохранив определенные хозяйственные, этнические и культурные особенности.

Точно и подробно продолжавшийся в первой половине XIX века рост населения Самарского Заволжья и изменение его распределения по различным уездам и территориям представлены ниже:

Население Заволжья (с 1851 г. - Самарской губернии)							
Уезды	Начало XIX века [16]		2-я четверть XIX века [17]		1850-е гг. [18]		
	чел. об. п.	в % от всего населения Заволжья	чел. об. п.	в % к началу века	чел. об. п.	в % к началу века	в % от всего населения Заволжья
Бугульминский	61414	15,77%	110259	179,5%	174809	284,6%	11,56%
Бугурусланский	78853	20,25%	191168	242,4%	238734	302,8%	15,79%
Бузулукский	42074	10,81%	212560	505,2%	297823	707,9%	19,69%
Итого на северо-западе Оренбургской губернии (с 1851 г. - на северо-востоке Самарской)	182341	46,83%	513987	281,9%	711366	390,1%	47,04%
Ставропольский	82058	21,08%	138503	168,8%	175829	214,3%	11,63%
Заволжские части Самарского и Сызранского уездов (с 1851 г. Самарский уезд)	55775	14,32%	*	*	166596	298,7%	11,02%
Итого на заволжских землях Симбирской губ. (с 1851 г. на северо-западе Самарской)	137833	35,40%	*	*	342425	248,4%	22,64%
Николаевский	*	*	211548	*	276577	*	18,29%
Новоузенский	*	*	116283	*	181923	*	12,03%
Итого на северо-востоке Саратовской губ. (с 1851 г. - на юге Самарской)	69186	17,77%	327831	473,8%	458500	662,7%	30,32%
Всего на территории Самарской (с 1851 г.) губернии	389360	100%	*	*	151229 1	388,4%	100%

Примечание: *) - нет данных по сопоставимой территории

За время, прошедшее от Генерального межевания рубежа XVIII - XIX вв. до образования Самарской губернии в 1851 г., население Заволжья выросло почти в 4 раза. Естественно, что такое увеличение обеспечивалось не столько естественным приростом, сколько постоянным притоком переселенцев.

Особенно интенсивно заселялись степные южные (Саратовское Заволжье) и юго-восточные районы (Бузулукский уезд) края, остававшиеся в XVIII в. малолюдными и увеличившие к середине XIX в. численность жителей в 7 раз. Но и на других территориях, сравнительно более давнего освоения, количество обитателей стало заметно больше: на заволжских землях, входивших в состав Симбирской губернии - в 2,5 раза, в Бугульминском уезде - в 2,8 раза, в Бугурусланском - в 3 раза.

При этом заметно возросла плотность населения. Так, в Ставропольском уезде она поднялась по сравнению с периодом Генерального межевания с 7,9 до 17,65 чел. на кв. версту при вхождении в Самарскую губернию. Он по-прежнему оставался самым густонаселенным среди рассматриваемых уездов. Однако по данному показателю к нему вплотную приблизились не только Бугульминский уезд (16,88 чел. на кв. версту), не сильно отстававший и при Генеральном межевании (5,6 чел. на кв. версту), но даже Бугурусланский и Бузулукский (15,19 - 15,25 чел. на кв. версту), которые были весьма редко заселены на рубеже XVIII-XIX вв. (соответственно 4,7 и 1,9 чел. на кв. версту).

Уезд губернского города, даже с учетом жителей административного центра отставал по плотности населения и от западных, и от восточных соседей - 14,22 чел. на кв. версту. Без учета городских жителей плотность заселения Самарского уезда снижалась до 12,11 чел. на кв. версту. Это объясняется наличием свободных земель не только в южной степной части этого уезда, но и к северу от губернского города. В последнем случае речь идет прежде всего об угодьях, изъятых у выселенного калмыцкого войска.

По-прежнему самая незначительная плотность населения наблюдалась в южных уездах Заволжья, Николаевском (9,17 чел. на кв. версту) и Новоузенском (4,33 чел. на кв. версту). Но и эти сравнительно невысокие цифры значительно превышают данные Генерального межевания, когда на большей части Степного Заволжья плотность не достигала 0,5 чел. на кв. версту.

Сословный состав населения Заволжья в середине XIX в. и его изменение по сравнению с периодом Генерального межевания представлен следующими расчетами, которые произведены на основании данных, собранных из разнородных источников, а потому исходят из несовпадающих оценок общей численности населения Самарской губернии. Однако в целом абсолютные и относительные цифры представляются достаточно близкими к действительным [19]:

Сословия	середина XIX в.		начало XIX в.	
	чел.	%	чел.	%
Привилегированные сословия в т.ч.:	14121	0,92%	2917	0,75%
ДВОРЯНЕ ПОТОМСТВЕННЫЕ	1598	0,10%		
дворяне личные	1393	0,09%		
Духовенство	10204	0,67%		
служащие–недворяне	926	0,06%		
Непривилегированное неподатное население в т.ч.:	98566	6,44%	37431	9,60%
нижние чины регулярных войск и члены их семей	4055	0,27%		
служащие в иррегулярных войсках и члены их семей	57454	3,76%		
отставные солдаты и солдатки	37057	2,42%		
Податные сословия в т.ч.:	1416665	92,63%	349381	89,6%
почетные граждане	22	0,001%		
купечество	12573	0,82%		
мещане и цеховые	40985	2,68%		
иностранцы подданные	127	0,01%		
колонисты	88992	5,82%		
государственные крестьяне и однодворцы	789809	51,64%		
удельные крестьяне	246061	16,09%		
помещичьи крестьяне и дворовые люди	234179	15,31%		
исключенные из разных ведомств и вольноотпущенники	3917	0,26%		
Всего	1529352	100%	389729	100%

Основную массу жителей края, как и прежде, составляли представители непривилегированных податных сословий. На городские сословия (почетные граждане, купечество, мещан, цеховых, иностранных подданных) приходилось 3,5 % населения, на крестьян – 89,1 %. Среди последних в Заволжье традиционно преобладали государственные крестьяне, которые вместе с иностранными колонистами и вольноотпущенниками составляли две трети здешних крестьян. Второй по численности среди сословных групп крестьян были удельные и лишь третьими – помещичьи, хотя дворяне продолжали весьма активно переводить своих крепостных на новые земли.

Данные о численности представителей различных религий и народов являются менее точными, поскольку учет населения по конфессиям и национальностям носил неофициальный характер. В результате переселений и естественного прироста конфессиональный состав населения Заволжья в

границах Самарской губернии приобрел к середине XIX в. следующие очертания [20]:

Конфессии	Чел.	%
православные	1283420	83,92%
католики	31516	2,06%
протестанты	57618	3,77%
мусульмане	152908	10,00%
иудеи	125	0,01%
язычники	3756	0,25%
всего	1529343	100%

Преимущественно в крае росло православное население. За всю волну переселений 1824-1834 гг. в Бугурусланском и Бузулукском уездах, в левобережной части Саратовской губернии не возникло ни одного нового поселка мусульман или протестантов. Однако следует число православных считать завышенным за счет старообрядцев и разного рода преследуемых сект, а также за счет только формально крещеных язычников и мусульман.

Не говоря уже о раскольничьем центре общероссийского масштаба, каким являлся Иргиз в Николаевском уезде (здесь в одном только уездном городе на 2689 православных обоого пола приходилось 2278 приверженцев поморского согласия [21]), в других районах Заволжья также было немало старообрядцев и сектантов. По сведениям 1842 г. (явно заниженным), в западных городах и уездах Оренбургской губернии было выявлено старообрядцев беглопоповцев и беспоповцев, а также молокан [22]:

УЕЗДЫ И ГОРОДА	мужчин	женщин	обоого пола
Бугульма	55	64	119
Бугульминский уезд	136	162	298
Бугуруслан	129	125	254
Бугурусланский уезд	1437	1747	3184
Бузулук	8	8	16
Бузулукский уезд	600	733	1333
Всего в западных городах и уездах Оренбургской губернии	2365	2839	5204

Старообрядчество и сектантство находили себе приверженцев и на самом юге Заволжья. В Новоузенском уезде в 1845 г. числилось 441 раскольников обоого пола и 385 молокан. Приверженцы поморского согласия (беглопоповцы) уже издавна оседали здесь на Узенях, а также прибывали с берегов Иргиза. «Молоканство пришло из Балашовской округи», то есть с правобережья Саратовской губернии [23].

Национальный состав жителей края, каким он представлялся губернским статистикам в середине XIX в. [24], представлен ниже:

Национальность	Чел.	%
русские	1052013	68,75%
малороссы	45000	2,94%
поляки	1385	0,09%
вотяки	1062	0,07%
мордва	127398	8,33%
чуваши	60318	3,94%
татары	95454	6,24%
тептяри	36520	2,39%
башкиры	20934	1,37%
немцы	89134	5,83%
казахи	750	0,05%
евреи	125	0,01%
всего	1530093	100%

Следует оговориться, что в статистических данных того времени не совсем точно определялись этническая принадлежность, особенно грани между представителями близких по языку или культуре этнических групп. Это приводило к разночтениям в одновременных источниках. В опубликованной тогда же справочной литературе приводились и иные сведения об удельном весе русского и украинского населения в губернии (соответственно 67,50% и 4,05%); уточнялось, что «польское» население является по сути белорусами; давалась более высокая доля мордвы (9,26%), видимо, за счет ее части, практически слившейся с русскими и другими народами; тептяри не выделялись в отдельную этническую группу и считались башкирами или татарами, причем вообще предлагалась несколько иная перегруппировка тюркского населения за счет смешанных и переходных групп (3,56% - чувашаи, 5,23% - татары, 4,00% - башкиры) [25].

По мнению некоторых исследователей, башкиры Бугульминского уезда утрачивали башкирское самосознание, а здешние башкироязычные тептяри им никогда и не обладали. К концу XIX в. большей частью башкиры и тептяри северо-восточной окраины Заволжья относились к татарскому этносу [26].

Выводы современных исследователей о том, что в татаро-чувашской среде на территории Самарского и Ставропольского уездов происходила также ассимиляция чувашей, подтверждаются источниками середины XIX в., отмечающих у последних «более склонности к татарам». Что касается ассимиляции заволжской мордвы, то она шла в ином направлении. Современники приводили в качестве типичного примера «два селения в Самарском уезде, Спиридоновку и Кануевку, в которых ныне состоит до 4 тыс. жителей, происходящих за самым малым исключением из мордвы, но они во всех официальных сведениях признаются за русских по невозможности отделить их число от сих последних» [27].

Другие варианты подсчета национального состава Заволжья, не совпадающие полностью ни с одной из указанных опубликованных статистических работ, можно встретить в неопубликованных документах, хотя они составлялись одновременно с приведенными выше и в одних и тех же местных учреждениях. В 1857 г. при подготовке рукописного описания Самарской губернии для предполагавшейся поездки членов императорской семьи по Волге общая численность населения губернии оценивалась в 1479081 чел. Из их числа русскими (видимо, вместе с малороссами) показаны 1079713 чел. или 73%, мордвой - 133265 чел. или 9%, чувашами - 58595 чел. или 4%, татарами - 76189 чел. или 5%. На долю «других инородцев, как то: башкир, тептярей, колонистов и пр.» в сумме приходились оставшиеся около 130 тыс. чел. или до 9% жителей [28].

Несомненным остается при разных вариантах подсчета общий вывод, что при сохранении многонационального характера и культурного разнообразия жителей переселения в первой половине XIX века определили значительное преобладание в заволжском крае русского православного населения. Не только в новой губернии в целом, но во всех ее уездах русские составили этническое большинство. Свыше половины жителей они составляли в уездах Бузулукском (89%), Николаевском (77%), Самарском (75%), Ставропольском (74%), Бугурусланском (60,5%). Лишь на северо-восточной и южной окраине губернии их было менее половины общей численности уездов Бугульминского (39%) и Новоузенского (38%) [29].

В трех уездах вторым по численности народом после русских была мордва: Бугурусланском (18%), Самарском (14%), Бузулукском (4%). В двух уездах вторыми по числу жителей шли немцы, а именно в Новоузенском (33,5%) и Николаевском (12%). Еще в двух уездах вторыми по количеству были башкиры (в Бугульминском уезде - 29%) и татары (в Ставропольском - 12,5%).

Кроме вышеперечисленных, лишь в редких случаях доля представителей других народов составляла в уездах более $\frac{1}{15}$ части всех жителей. В этой связи следует назвать в Бугульминском уезде татар (15%), мордву (7,5%), чувашей (7%), а также украинцев Новоузенского (20,5%), мордву Ставропольского (11%) и Николаевского (8%), чувашей Бугурусланского (9%) уездов.

Нетрудно заметить, что практически все районы компактного проживания нерусского населения в Заволжье сложились в предшествующие этапы его освоения, то есть в течение XVIII - начала XIX вв. Они сохранялись в новых условиях преимущественно русской колонизации в основном благодаря естественному приросту этого населения и притоку соплеменников в уже существующие села и деревни. При этом постоянно шел и ускорялся процесс сближения этносов, заселивших рассматриваемый край.

Образованные представители местной администрации отмечали в начале 1850-х гг.: «В отношении свойств этого (заволжского – Ю.С.) населе-

ния должно сказать, что оно при всем разнообразии своего исторического происхождения уже достаточно слилось между собою, усвоило общие черты в характере. Развитие торговли и хлебопашества, принявшего промышленное (товарное - Ю.С.) направление, более всего благоприятствовало в этих отношениях, возбудив новые потребности и новые понятия... Вследствие того здешний крестьянин является уже потребителем значительного количества фабричных предметов и всякого рода изделий, необходимых для его хозяйственного быта, доставляемых теперь из верховых губерний... При таком направлении быстро изглаживаются те особенности внешней и внутренней жизни народа, которые обыкновенно остаются неизменяемыми в местах, более удаленных от промышленных (торговых - Ю.С.) центров». Подобные процессы приводили к тому, что «общие черты русского поселения принадлежат в некоторых отношениях также инородцам», хотя «последние удерживают многие им только свойственные особенности»[30]. Таким образом, к середине XIX в. четко обозначились тенденции хозяйственного и культурного сближения различных этнических групп, обусловленные в значительной мере не только фактом совместного проживания, но и развитием товарного производства.

Литература

1. См.: Смирнов Ю.Н. Материалы по истории заселения и освоения Самарского Заволжья в архивах России // Архивный фонд Самарской области как информационный ресурс общественно-экономического развития региона. Самара, 2003; Его же. Вопросы освоения Заволжья во второй трети XVIII - середине XIX веков в историографии // История и историки в меняющемся мире. Самара, 2003.
2. ОР РНБ. Ф. 550 ОСРК. F.IV.37. С.30; ОР РНБ. Ф. 1000 СЕП. Оп. 3. Д. 161. Л. 2об.; ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 8227. Л. 1.
3. РГИА. Ф. 381 Оп. 2. Д. 523. Л. 63
4. РГИА. Ф. 381 Оп. 2. Д. 359. Л. 1 и об.; Д. 523. Л. 59, 66.
5. ГАУО. Ф. 147. Оп. 4. Д. 11. Л. 23об.
6. ОР РНБ. Ф. 120 «Бычковы». Оп. 1. Д. 2477. Л. 3, 8об.; Ф. 571 «Перовские». Оп. 1. Д. 13. Л. 18об.
7. ОР РНБ. Ф. 608 «Помяловский И.В.» Оп. 2. Д. 136. Т.1. Л. 243-321об.
8. ГАУО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 25. Л. 3; РГИА. Ф. 381 Оп. 2. Д. 791, 943.
9. ОР РНБ. Ф. 571 «Перовские». Оп. 1. Д. 13. Л. 6об.-7.; ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12365. Л. 2, 26, 33 и об.
10. ОР РНБ. Ф. 120 «Бычковы». Оп. 1. Д. 2401. Л. 22.
11. РГИА. Ф. 383. Оп. 9. Д. 7674. Л. 44.
12. РГИА. Ф. 383. Оп. 9. Д. 7674. Л. 73.

13. НА РГО. Раз. 34. Д. 6. Л. 36 об.; РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 63. Л. 3 об., 5 об., 29 и об.

14. Там же. Л. 87; РГИА. Ф. 1287. Оп. 5. Д. 1018; Ф. 1152 Оп. 3. 1841 г. Д. 87.

15. РГИА. Ф. 1341. Оп. 80. Д. 475. Л. 8, 12

16. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1287-1288, 1303, 1316, 1305, 1338, 1348, 1366, 1410, 1422, 1430; Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала (Вторая половина XVIII - первая половина XIX в.). М., 1984. С. 52; Кириков С.В. Человек и природа степной зоны. Конец X - середина XIX в. (Европейская часть СССР). М., 1983. С. 69.

17. Ведомость о народонаселении России по уездам губерний и областей, составленная из всеподданнейших отчетов Губернаторов при статистическом отделении Совета Министерства Внутренних Дел. СПб., 1850. С. 44-45; Ср: Кеппен П.И. О числе жителей в России в 1838 году // ЖМВД. 1839. Ч. 33. Кн. 10. С. 154, 159, 160.

18. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1864. Т. 36. Самарская губерния. С. XXVII-XXVIII; Ср: Лясковский Б.Э. Материалы для статистического описания Самарской губернии // ЖМВД. 1860. Ч. 43. Кн. 8. Отд. 3. С. 55; Кеппен П.И. Девятая ревизия: Исследование о числе жителей в 1851 г. СПб., 1858.

19. Лясковский Б.Э. Указ. соч. С. 57-58; РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 932, 1287-1288, 1303, 1316, 1305, 1338, 1348, 1366, 1410, 1422, 1430, 1432, 1874, 1876; Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1960. Т. V. С. 387-390; Русская старина. 1870. Т. 2. Изд. 3. С. 135; Новиков А. Заволжский кордон // Волга. 1995. № 10. С. 173.

20. Лясковский Б.Э. Указ. соч. С. 59.

21. НА РГО. Раз. 36. Д. 23. Л. 44.

22. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 11882. Л. 6 об. - 10.

23. НА РГО. Раз. 36. Д. 23. Л. 61, 65.

24. Лясковский Б.Э. Указ. соч. С. 60-63, 71, 75, 81, 89.

25. Список населенных мест. С. XXXVIII.

26. Исхаков Д.М. Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в XVIII-XIX вв. // Советская Этнография. 1980. № 4. С. 29-30.

27. Исхаков Д.М. Расселение и численность татар. С. 30; НА РГО. Раз. 34. Д. 6. Л. 24 об., 27.

28. Подсчитано по: НА РГО. Раз. 34. Д. 6. Л. 18.

29. Список населенных мест. С. XXXVIII.

30. НА РГО. Раз. 34. Д. 6. Л. 19-20.

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ, ОБЩЕСТВА И ПРОСВЕЩЕНИЯ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ. В ИСТОРИОГРАФИИ

*Самара. Самарская государственная академия
культуры и искусств*

В России XVIII – первой половины XIX вв. были осуществлены важные реформы, которые обеспечили создание и развитие системы народного образования в масштабе государства. Продолжаются споры о цели и результатах этих реформ, об их значении в истории страны. Целью данной статьи является анализ степени изученности вопросов, касающихся проблем взаимоотношения власти, общества и школы в указанное время. Здесь показаны основные результаты исследования этих реформ, существующие взгляды на их социально-политические цели и последствия, на ту роль в их осуществлении, которую сыграли органы государственной власти и группы русского общества.

Отсчет истории России и русской культуры нового времени традиционно ведется с первой четверти XVIII века. Критерии оценки состояния общества не могут ограничиваться экономической и политической сферами. Важнейшим показателем этого состояния является и культурная среда, особенно такой ее пласт как образование и воспитание. Хозяйственные, военные и административные реформы начала XVIII в. нельзя было завершить и закрепить без возвращения целой генерации инженеров, офицеров и управленцев, а следовательно без создания при Петре I светской профессиональной школы. Последняя была дополнена в 30-60-е гг. этого столетия немногочисленными закрытыми сословными учебными заведениями, а также Московским университетом с подведомственными ему двумя гимназиями в старой столице и Казани.

Для подавляющего большинства населения даже в городах доступными оставались только традиционные формы обучения, воспроизводившие в новых поколениях традиционное общество и культуру, которые затем с трудом поддавались изменению даже под сильным воздействием экономических и политических факторов. Более того, сила культурной инерции приглушала или просто гасила перемены как в торгово-промышленной, так и в социально-правовой областях.

Несомненным кажется вывод, что только создание новой массовой общеобразовательной школы могло закрепить результаты уже проведенных преобразований в русской общественно-экономической жизни и подготовить почву для будущих перемен. В силу различных причин начальный этап становления общегосударственной системы образования в Рос-

сии протянулся с 1780-х до 1850-х гг. Изучение данной стороны российской истории указанного периода имеет несомненную научную важность. Следует учесть и то, что среди отечественного вклада в мировую культуру бесспорной ценностью признаются достижения нашей науки и образования во второй половине XIX – XX вв., а они были бы невозможны без опыта народного просвещения, накопленного в ходе школьных реформы в царствования Екатерины II и ее внуков, Александра I и Николая I.

Имеется довольно значительная специальная литература, посвященная русской культуре и просвещению. В этой литературе введен в научный оборот обширный корпус источников, сделаны интересные наблюдения и выводы. Наиболее полно оказались исследованы прежде всего собственно педагогические и правовые вопросы истории русской школы: проекты и законы, педагогические взгляды и административное управление, устройство отдельных учебных заведений, пособия и методики.

Еще в дореволюционное время появились труды Д.А. Толстого и С.В. Рождественского по истории подготовки в правительственных кругах и дальнейшего осуществления образовательных реформ XVIII в. [1]. Влияние западноевропейских просветителей на эти реформы рассматривалось исследователями как в указанных обобщающих трудах, так и в специальных работах Я.К. Грота, М.Ф. Шугурова и др. [2]. В XX в. выходят книги о роли в становлении народной школы Академии наук (Смагина Г.И.) и Казанского университета (Шуртакова Т.В.) [3].

Существуют интересные работы о ходе школьных реформ в отдельных регионах. Внимательно были изучены учебные заведения Петербургской и других северных губерний [4]. Вышли труды по истории учебных заведений Москвы, других городов и территорий: Поволжья, Воронежского края и др. [5].

Были предприняты попытки создания хронологических справочников возникновения учебных заведений России. Как ни покажется странным на первый взгляд, но более ранний из этих опытов П.И. Кеппена остался более удачным, точным и интересным, чем последующие, например, Н.А. Лебедева, что объясняется разницей в профессиональном и научном уровне составителей [6].

Интересные работы созданы по проведению школьных реформ в отношении отдельных сословий, в т.ч. государственных и удельных крестьян [7]. По церковным учебным заведениям существуют исследования П.В. Знаменского и Б.В. Титлинова об их положении до реформирования в 1808 г. и после [8]. Обобщена история гимназического образования [9].

Полезный труд Е.П. Карновича раскрывает состояние статистики просвещения в России на середину XIX в. Опубликованы статистические данные о состоянии грамотности и образования в XIX в. по стране в целом (Рашин А.Г.) и по отдельным губерниям, в т.ч. Самарской (Варенцов В.Г.),

а также количественные сведения по школьному делу конца XVIII в. (Белявский М.Т.) [10].

Важные грани проблемы освещают биографические описания видных государственных деятелей, с именами которых связаны как либеральные, так и охранительные образовательные реформы разных лет. В это связи можно назвать книги о министрах просвещения П.В. Завадовском и С.С. Уварове, попечителе Казанского учебного округа М.Л. Магницком, диссертационные исследования о деятельности того же Уварова, а также еще одного попечителя Казанского округа – М.Н. Мусина-Пушкина [11]. Есть работы и о деятелях народного просвещения, стоявших у истоков общеобразовательных школ в провинциальных городах Поволжья [12].

Нельзя отрицать ценность уже накопленного и осмысленного наукой материала. Однако в исторической литературе прослеживается недооценка значения реформ образования для развития страны в целом, слабое внимание к механизмам их проведения, односторонность и идеологическая заданность оценок. Недостаточно изученными оставались вопросы сложных взаимоотношений власти, общества и школы в ходе создания и реформирования системы общеобразовательных учреждений.

Перечисленные выше особенности присущи работам и дореволюционных авторов, и советских ученых, и современных исследователей. Приведем самые наглядные примеры.

В историографии, посвященной общему ходу исторического развития и реформ в России, отдельным периодам или конкретным попыткам государственных преобразований стало общим местом упоминание школьных реформ вскользь, вплоть до полного умолчания о последних. Так, столь разные историки, как А. Брикнер и В.О. Ключевский, оба подчеркивали в царствование Екатерины II создание новых закрытых учебных заведений и обходили вниманием собственно школьную реформу. В некоторых работах, вышедших в последние десятилетия, не повезло преобразованиям Александра I в области просвещения. В одних трудах эти реформы даже не рассматриваются в ряду других государственных преобразований (Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988). В других говорится только о высшей школе, а министерство народного просвещения представлено как учреждение, не заботившееся о деле народного образования и заслуживающее одних насмешек (Минаева Н.В. Правительственный конституционализм и переломное общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982).

Наряду со сложностью поиска источников по рассматриваемым вопросам и недооценкой значения школьного дела, нерешенность этих вопросов была вызвана идейными спорами в русском обществе. Полемика по данным вопросам началась сразу после начала школьной реформы 1780-х гг. Интересно, что тогда одновременно высказали свои точки зрения на реформу три самых известных российских историка второй половины XVIII в.

Иван Никитич Болтин увидел в ней первый шаг к отмене крепостного права и гражданским свободам: «Прежде должно учинить свободными души рабов, говорит Руссо, а потом уже тела. Мудрому сему правилу последовала великая Екатерина: желая снять узы с народов, скипетру ее подверженных, предначинает сие великое и достойное ее намерение освобождением душ их от тяжкой и мрачной неволи невежества и суеверия. Не на иной конец устроятся, по высочайшей ее воле, по всему государству училища для нижних чиновосостояний, дабы приуготовить души юношества, в них воспитываемого, к восприятию сего великого и божественного дара, дабы учинить их достойными вольности и способными к снесению ее» [13].

Август-Людвиг Шлёцер давал более критичные оценки и разделил царствование императрицы по отношению к народному просвещению на два периода. Первый оказался временем пустого и вредного прожектерства: «Планы, собственно, были хорошими; но исполнение планов вследствие благосклонности, давления или случая часто доверялось людям, разум и чувства которых они в то время (около 1764 г. и т.д.) не затрагивали...» Шлёцер продолжал: «Тут появлялись вещи, ... проектируемые камердинерами, от которых каждому, кто имел какое-либо представление о тех вещах и был честен в отношении России, должно было стать страшно и жутко». Хотя «почти изо всего ничего не вышло», но по поводу состояния этих учебных заведений посылались «за границу бурные похвалы; немецкие, голландские и французские неосведомленные или даже оплаченные газетчики под звон труб печатали их: и сотни других писателей повторяли, и даже заносили это легкомыслие в компендиумы...» [14].

Со временем Екатерина II, считал Шлёцер, «сама поняла, что все, что до сих пор произошло при ее правлении с такими большими расходами во имя истинного просвещения народа ее безграничной империи, не совпало с ее намерениями. Убежденная в необходимости использования других средств, создания других учреждений и выполнения многих больших дел, императрица, наверное, уже опросила об этом многих ученых и уважаемых мужей: и, наконец, разумно выбрала лучшее среди этого». Шлёцер предрекал школьной реформе, начатой в России в 1780-е гг., большое будущее: «Теперь, кажется, находятся на пути, который обещает больше прогресса, чем все другие русские проекты, предпринятые в течение 20 лет: и каждый, кто несколько знает мир из истории и отважится пророчествовать..., согласится, что из всех дел, которые отличают правление Екатерины II, ни одно не окажет на потомков более непреходящего влияния, ни одно не будет более тщательно занесено в мировые анналы, чем 1) победы Румянцева над турками и 2) создание школ по всей империи. Благодаря последнему вернулись времена Ярослава (Мудрого – Л.А.), который сделал своих русских именно с помощью таких учреждений более образованными людьми, чем были в то время итальянцы, французы, немцы и британцы».

Михайла Михайлович Щербатов в знаменитом памфлете «О повреждении нравов в России» подверг резкому осуждению образовательную политику императрицы: «Множество учиненных ею заведений, являющихся для пользы народной заведенных, в самом деле не суть, как токмо знаки ея славолюбия, ибо, естли бы действительно имела пользу государственную в виду, то, учиня заведения, прилагала бы старания и о успехе их, но, довольствуясь заведением и уверением, что в потомстве она яко основательница оных вечно будет почитаться, о успехе не радила и, видя злоупотреблении, их не пресекала» [15].

Начавшиеся с Щербатова критические выпады против той или иной школьной реформы, а также сразу против всех этих реформ стали непременным мотивом в историографии второй половины XIX – начала XX вв. Авторы, дававшие определенно положительную, даже несколько идеализированную оценку поступательному развитию народного образования в России от Екатерины до пореформенной России, совместным усилиям власти и общества в этом процессе, оставались в меньшинстве (Довнар-Запольский М.В. Реформа общеобразовательной школы при императрице Екатерине II. М., 1906). Однако это не означало, что критически настроенное большинство стояло на единых позициях. Высокопоставленные чиновники от образования (министр просвещения Д.А. Толстой, директор училищ столичной губернии А.С. Воронов), не могли не упрекнуть своих предшественников, хорошо представляя по роду своей деятельности допущенные недостатки при создании и развитии отечественной школы. Однако такая критика носила больше технический, нежели идейный характер.

В выступлениях сторонников русской церковно-приходской школы также было немало критического запала в адрес всех реформаторов школы прошлых царствований за откровенно светский и «немецкий» характер вводимого образования. Для лидера этого направления С. Миропольского, члена училищного совета при Святейшем Синоде, даже образовательная политика Николая I с активным привлечением духовенства в общеобразовательную школу и имени православия в триединую формулу «официальной народности» оказалась мало приемлемой. Не случайно он насытил яркими картинами безобразий, творимых в дореформенных училищах свои работы [16]. «Очерк истории церковно-приходской школы от первого ее возникновения на Руси до настоящего времени» и «Школа и государство. Обязательность обучения в России».

Источники, на основании которых делал свои обобщения Миропольский, были более чем сомнительны. Это не мешало активно ссылаться на его сочинения представителям противоположного идейного лагеря. Так, Миропольского обильно цитировали В.И. Чарнолуский и Г.А. Фальборк, получившие известность своими публикациями в народнических и либеральных изданиях, а также широко тиражировавшие свои взгляды через такую авторитетную и популярную энциклопедию, как словарь Брокгауза

и Ефрона. В их работах, хотя и в дозволенных цензурой рамках, выражалось откровенное недовольство именно использованием школы в качестве орудия «узкой националистическо-правовой политики государства», явное неприятие как правительственной, так и церковной опеки над школой [17].

Кроме критики состояния образования в течение всего периода екатерининского, александровского и николаевского царствований, взгляды последовательных консерваторов и радикально настроенных реформаторов соприкасались и в вопросе о реакции русского общества на школьные реформы XVIII – первой половины XIX вв. Глубокое расхождение правительственных целей и усилий с настроениями широких масс в изучаемую эпоху однозначно усматривали и те, кто выступал с осуждением власти, лишавшей доступа к образованию задавленный крепостническим гнетом народ [18], и те, кто считал, что этот народ не принимал новую школу в силу глубинных православных традиций. По Миропольскому, реформы школы разрушили «равенство образования, соединявшее все сословия допетровской Руси в одно целое», в результате чего «новое образование отделило народ от высших сословий» [19].

Более осторожной и избирательной выглядела позиция умеренных либералов. По их мнению, в период «просвещенного абсолютизма» Екатерины и Александра «народной школе посчастливилось обратить на себя исключительное внимание в благожелательном смысле, и в течение этого времени не было недостатка в различных мероприятиях, клонившихся к ее пользе и возможному процветанию». «Эпоха наиболее тяжелого для школ режима» пришлось на 1820-е – первую половину 1850-х гг. Она стала «временем скорее разрушения, чем развития школы», когда, «если и терпелось ее прозябание, то лишь как необходимое зло». Признавая необходимость исключительно светского характера высшего и среднего образования, эти авторы отдавали должное и духовенству за его заботы о начальной школе [20].

По вполне понятным причинам обличительный пафос любого толка (народнического, либерального, консервативного, националистического) из дореволюционных трудов уже в марксистской интерпретации оказался к месту в советской исторической и педагогической литературе, посвященной народному образованию XVIII – первой половины XIX вв. Достаточно выразительным можно считать следующее положение: «Напуганное размахом крестьянской войны и французской революцией, правительство в 1786 г. приняло проект об открытии народных училищ в городах, стараясь привлечь на свою сторону купечество и городское мещанство. Эти училища организовывались не столько для обучения грамоте, сколько для воспитания верноподданных с помощью закона божьего и изучения специально составленной учебной книги «О должностях человека и гражданина»... Школьная реформа Екатерины не встретила сочувствия среди насе-

ления» [21]. Серьезных доказательств этому умозаключению, конечно, не предпослано. Впрочем, автора не смутил и тот факт, что школьная реформа началась за несколько лет до начала революции во Франции.

Более серьезные советские исследователи общественной мысли и культуры не допускали таких бездоказательных и безапелляционных суждений. Признавали они, правда, с неизбежными оговорками, и прогрессивный характер новой народной школы. Однако отрицание искренности намерений коронованных реформаторов заставляло и их искать иную общественно-политическую подоплеку, чтобы не сойти с позиций официальной историографии. Действительно, Екатерина II задала загадку, неразрешимую в рамках марксистского социологического подхода. Последний не отстранялся в сомнениях перед оценкой мероприятий Петра I и его наследников, в том числе Екатерины II, по созданию профессиональной и словесной школы как соответствующих интересам самодержавного государства и господствующего класса. Объяснить подобным образом появление всеобщих бесплатных общеобразовательных народных школ было невозможно.

Один из путей выхода из создавшегося затруднительного положения для критиков екатерининской политики, был предложен еще дореволюционными исследователями. Так, П.Н. Милуков считал «деятельность комиссии народных училищ» ответом Екатерины II на вызов Н.И. Новикова и его сторонников, открывших две частные общеобразовательные школы в Петербурге [22]. Тезис о «вызове» русских просветителей, брошенном самодержавию в школьном деле [23], об осуществлении реформирования образования «под давлением прогрессивной общественности» [24] беспрепятственно был воспринят в советской историографии: «Правящие круги и сама императрица с беспокойством следили за ростом общественного самосознания, за расширением деятельности Новикова, за распространением религиозно-нравственных исканий. Необъявленной задачей реформы народного образования 1782-1786 гг. было подчинение правительственному контролю и влиянию этой важнейшей области духовной жизни» [25].

Показав, как они считали, вынужденный со стороны самодержавия характер школьных реформ, многие советские исследователи считали, что тем самым была доказана и искомая классовая сущность правительственных мероприятий: «Политика самодержавно-крепостнического государства в рассматриваемое время влияла на состав предметов, изучавшихся в школах, на цели их изучения, была направлена на насаждение в школах охранительных идей, на борьбу с проявлениями свободомыслия и критики самодержавно-крепостнического строя» [26]. Становилась при этом возможной оценка Устава народных училищ 1786 года как «отражавшего интересы господствующего дворянского сословия» [27], которая совершенно не вытекает из его текста.

В некоторых работах последних лет продолжает звучать ставшая в советское время привычной интерпретация образовательных реформ начала XIX века: «Все это создавало видимость буржуазной реформы школы, доступности образования для всех сословий Российской империи. Однако видимость эта была обманчивой, и буржуазный характер проводимых мероприятий значительно ограничивался сохраняемыми феодальными чертами» [28]. Однако появляются взвешенные и более объективные объяснения тех трудностей, которые действительно тормозили развитие народного образования в стране в правление Александра I. «Начальное образование передано было в основном заботам общества, а общество не прониклось еще в полной мере идеей пользы просвещения. Должно было пройти не одно десятилетие, чтобы мысль о необходимости просвещения народа была воспринята самим народом», - пишет Е.К. Сысоева [29]. Высокая значимость и прогрессивность образовательных реформ этого царствования подчеркивается, по мнению В.А. Федорова, привлечением к их разработке М.М. Сперанского, которому поручали самые ответственные участки государственного управления [30]. Как считает Ф.А. Петров, результативность этих реформ подчеркивается также тем, «что в отличие от двух других ключевых вопросов России – освобождения крестьян и введения конституционного строя – в области народного образования правительство Александра I добилось наибольших успехов» [31].

Даже, казалось бы, незыблемая еще с давних времен негативная оценка политики Николая I в области культуры, на которой сходились и либералы, и консерваторы, и народники, и марксисты, выглядит не столь бесспорно, как прежде. Так, убедительно звучит мнение исследователей, что в целом «вторая четверть века, совпавшая полностью с Николаевским царствованием, стала временем подъема в культуре русской провинции», а определенную положительную роль в этом процессе сыграла даже известная триада графа Уварова [32]. Последний, как утверждает Ф.А. Петров, имел «собственную программу развития народного образования в основу которой были положены не только назидательно-запретительные принципы, но и научно-просветительские идеи» [33].

Совсем недавно школьная политика второй четверти XIX в. рассматривалась как абсолютное препятствие на пути прогресса, поскольку «тормозила распространение образования», хотя и «бессильна была его остановить» [34]. Внимательное следование за источниками привело более объективных исследователей к выводу, что именно к 1830-40-м гг. следует отнести «факт появления организованной сельской школы» в России. В этом факте проявились усилия и государственных ведомств, и духовенства, и образованных помещиков, вроде тех, кто создал Комитет грамотности при Московском обществе сельского хозяйства [35]. Подчеркивается, что в результате развития школьного дела в городе за вторую четверть XIX в. практически не осталось уездных городов, где бы не было уездных училищ

[36]. Изложенные выше выводы вполне согласуются с данными по селам и городам Поволжья и Заволжья, полученными автором данной статьи [37]. Материалы центральных и местных архивов позволили ввести новые источники в изучение даже таких неожиданных для дореформенной деревни явлений просвещения, как участие сельских учителей и рядовых жителей в научных изысканиях [38].

Развернутую формулировку оценки всего николаевского царствования предложил Б.Н. Миронов: «...При Николае I получило дальнейшее развитие многое из того, что начинало осуществляться при Екатерине II и Александре I в сфере прав сословий, укрепления законности в управлении, распространения образования, ограничения крепостничества – все это готовило почву для следующего либерального царствования». Ближе к нашей теме оценка становится еще благожелательней: «В целом вторая четверть XIX в. – время расцвета литературы, науки, искусства, образования». Автор разъясняет при этом, что имеет в виду все уровни образования: высшего, среднего «и народного просвещения» [39].

Такой взгляд на эпоху Николая I является частью общей концепции Миронова. Он, во-первых, считает, что из всех социально-политических сил страны именно «российское самодержавие являлось лидером модернизации, бесспорным проводником экономического, культурного и социального прогресса в стране». Во-вторых, он отводит образовательным реформам место в одном ряду с важнейшими государственными преобразованиями. В-третьих, он приходит к выводу, «что распространенное в литературе мнение о том, что царизм тормозил развитие просвещения не соответствует действительности», а потому «не развитие народного образования отставало от потребностей народа, а, наоборот, потребности народа в образовании отставали от возможностей, которые создавала существовавшая система народного просвещения» [40].

Отход от идеологических догм недавнего прошлого следует оценить положительно. Правда, он не всегда сопровождается привлечением новых важных источников. Некоторые авторы ограничиваются повторением накопленного в досоветское время материала, вводя новые сведения весьма локального звучания и мало связанные с основной темой. Например, для показа школьной политики Екатерины II, к известным по литературе фактам деятельности правительства в области светского образования механически присоединяются сведения об усилиях одной из местных епархий по улучшению работы своих учебных заведений [41]. Попытка дать общую картину духовного образования в России ограничилась тем, что уже опубликованные материалы по училищам различных конфессий были дополнены архивными источниками только по мусульманским школам [42].

Вообще замечается тенденция роста числа работ, авторы которых практически обходят стороной дела центральных архивов, возможно, посчитав их исчерпанными предшественниками. Такой вывод был бы более

чем преждевременным. Даже по школьной реформе Екатерины II, казалось бы, наиболее изученной, остались неразработанными как отдельные важные документы, так и целые их пласты. Все они за многие десятилетия редко использовались исследователями. Лишь в единичных случаях были использованы из архивных фондов Комиссии об учреждении училищ общероссийские данные и некоторые т.н. «полугодовые ведомости» по Рязанской губернии [43] и Москве [44], причем не полностью, а только в части содержащихся в них сведений о числе учащихся и их сословном составе. Журналы и определения Комиссии в плане интересовавших ее вопросов прорабатывала и Г.И. Смагина[45]. Попытка как можно более полно привлечь архивные документы Комиссии об учреждении училищ и ряда других учреждений, имевших отношение к политике в области просвещения в XVIII – начале XIX вв., по одному из крупных регионов страны (Юго-востоку Европейской России) была предпринята в монографии автора данной статьи [46].

Научные споры, затрагивающие взаимоотношения власти, общества и школы в России конца XVIII - первой половины XIX вв., и обширный круг источников, позволяющих подойти к их решению, определяют основные пути исследования поставленной темы. Становится очевидным, что школьные реформы, осуществленные в России до отмены крепостного права, были нацелены не только на удовлетворение потребностей дня, но и на стратегическую перспективу постепенной модернизации традиционного строя русской жизни. В этом отношении они выполнили свою задачу, сыграв важную роль в интеллектуальной и идейной подготовке будущих Великих реформ, которые были вызваны не только хозяйственными или военными, но и изменившимися моральными и культурными потребностями страны. Российский абсолютизм все время от Екатерины II до Александра II, по сути, не переставал оставаться «просвещенным» в прямом смысле этого слова, то есть понимающим необходимость широкого распространения образования и принимающим на себя ответственность за это. Перечень основных проблем, выделенных в данной статье, накопленный в литературе и обозначенный здесь материал показывают непреходящую научную значимость продолжения изучения вопросов сложных социальных, политических и культурных факторов отечественной истории, сконцентрированных в емком, многозначном термине «просвещение».

Литература

1. Толстой Д.А. Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 года // Записки имп. Академии Наук. СПб., 1883. Т.XLVII. Приложение. №2; Толстой Д.А. Городские училища в царствование Екатерины II // Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. Т.XLI. №2. СПб., 1886; Рождественский С.В. Очерки по истории систем

народного просвещения в России в XVIII-XIX веках. Т.1 // Записки историко-филологического факультета имп. Санкт-Петербургского университета. СПб., 1912. Ч.СIV.

2. Грот Я.К. Заботы Екатерины II о народном образовании, по ее письмам к Гримму // Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. Т.XX. СПб., 1880; Шугуров М.Ф. Дидро и его отношения к Екатерине II // Осмнадцатый век. М., 1868. Кн.1.

3. Смагина Г.И. Академия наук и Российская школа (вторая половина XVIII в.). СПб., 1996; Шуртакова Т.В. Руководство Казанского университета развитием начального и среднего образования в учебном округе в 1805-1836 гг. Казань, 1959.

4. Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 год включительно. СПб., 1849; Его же. Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1829 по 1853 год. СПб., 1854; Петров К. История Олонецкой дирекции до 1808 года // ЖМНП. 1866. Ч.132. №12; Отто Н. Училища и грамотность в Вологодской губернии до открытия гимназии // ЖМНП. 1866. Ч.132. №11; Сухомлинов М.И. Заметки об училищах и народном образовании в Ярославской губернии // ЖМНП. 1863. Ч.117. №1.

5. Эйнгорн В.О. Московское главное народное училище в конце XVIII в. // ЖМНП. 1910. Новая серия. Ч.26. №4; Столетие Московской 1-й гимназии. 1804-1904 / Сост. И.О. Гобза. М., 1903; Рабинович М.Д. К истории просвещения в России в конце XVIII в. (Саратовская солдатская гарнизонная школа в 1793 г.) // Исторический архив. 1958; Афанасьев П.А. Школы среди инородцев Казанского края до Н.И. Ильминского // ЖМНП. 1913. Новая серия. Ч.48. №12; Артемьев А.И. Казанские гимназии в XVIII столетии // ЖМНП. 1874. Кн.173, 174, 176; №5,7,11; Харлампович К. Казанские новокрещенские школы (К истории христианизации инородцев Казанской епархии в XVIII в.). Казань, 1905; Артамонова Л.М. К 175-летию народного образования в Самаре // Самарский земский сборник. 2000. №1; Ее же. Калмыцкая школа в Ставрополе // Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. 1996. №2; Пыльнев Ю.В., Рогачев С.А. История школы и народного просвещения Воронежского края. XVIII - начало XX века. Воронеж, 1999.

6. Кеппен П.И. Опыт хронологического списка учебным заведениям, состоящим в ведении Министерства народного просвещения (с 1424 по 1826 год) // Материалы для истории просвещения в России. СПб., 1827. Т.3; Лебедев Н.А. Исторический взгляд на учреждение училищ, школ, учебных заведений и ученых обществ, послуживших к образованию русского народа с 1025 по 1855 год. СПб., 1875.

7. Раев А. О мерах к распространению образования между государственными и удельными крестьянами // ЖМГИ. 1860. Кн.75. №9-11. Отд.2.

8. Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 г. СПб., 2001; Титлинов Б.В. Духовная школа в России в XIX столетии. К столетию духовно-учебной реформы 1808-го года. Вып.1-2. Вильна, 1908-1909.

9. Алешинцев И.А. История гимназического образования в России. СПб., 1912.

10. Карнович Е.П. О разработке статистики народного просвещения в России. СПб., 1863; Рашин А.Г. Грамотность и народное образование в России в XIX и начале XX в // Исторические записки. М., 1951. Т.37; Варенцов В.Г. О состоянии народной грамотности в Самарской губернии // Памятная книжка Самарской губернии за 1863-1864 гг. Самара, 1864; Белявский М.Т. Школа и система образования в России в конце XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия историко-филологическая. 1959. №2.

11. Виттекер Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999; Хотеев В.Ф., Чернета В.Г. Первый министр народного просвещения Российской Империи Петр Васильевич Завадовский. М., 1998; Феоктистов Е.М. Материалы для истории просвещения в России. Магницкий. СПб., 1865; Шевченко М.М. Политика самодержавия в области народного просвещения и печати в 1848-1856 годах. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; Галиуллина Р.Х. Михаил Николаевич Мусин-Пушкин - попечитель Казанского учебного округа (1827-1845 гг.) Автореф. дис... канд. ист. наук. Казань, 1987.

12. Арнольд М. К материалам для истории просвещения в России в эпоху Александра I. Учреждение в Саратове гимназии и первые ее директора: Шестаков и Ченькаев. Тифлис, 1870; Артамонова Л.М. Первый учитель и штатный смотритель уездного училища в Самаре XIX века Василий Онуфриевич Барщевский // Самарский край в жизни и творчестве выдающихся личностей: Сб. статей и материалов. Самара, 2003.

13. Болтин И.Н. Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. СПб., 1788. Т.2. С.236-237.

14. Russische Schul Projekte // Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. Т.XLI. №2. СПб., 1886. С.133-134. Примечания Шлёцера.

15. Щербатов М.М. О повреждении нравов в России (подлинный авторский текст) // О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. М., 1983. С.126.

16. Миропольский С. Очерк истории церковно-приходской школы от первого ее возникновения на Руси до настоящего времени. СПб, 1910; Его же. Школа и государство. Обязательность обучения в России. СПб, 1883.

17. Фальборк Г.А., Чарнолуцкий В.И. Народное образование в России. СПб., 1900. С.7-8, 12, 35-36, 40.

18. Фальборк Г.А., Чарнолуцкий В.И. Указ. соч. С.20-21.

19. Миропольский С. Очерк истории церковно-приходской школы от первого ее возникновения на Руси до настоящего времени. СПб, 1910. С.217.

20. Князьков С.А., Сербов Н.И. Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II. М., 1910. С.IV, 190, 237; Ткачук В. Рец. на кн.: Князьков С.А., Сербов Н.И. Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II. М., 1910 // Исторический вестник. 1911. №5. С.657-658.

21. Сычев-Михайлов М.В. Из истории русской школы и педагогики XVIII в. М., 1960. С.92, 96.

22. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. М., 1995. Т.3. С.353-354.

23. Белявский М.Т. Школа и образование // Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч.2. С.272-273.

24. Антология педагогической мысли в России XVIII в. М., 1985. С.22.

25. Краснобаев Б.И. Очерки истории русской культуры XVIII века. М., 1987. С.84.

26. Белявский М.Т. Школа и образование. С.293.

27. Антология педагогической мысли в России XVIII в. С.22.

28. Яковкина Н.И. История русской культуры. Первая половина XIX века. СПб., 1998. С.15.

29. Сысоева Е.К. К истории начального образования в России в первой четверти XIX в. (Училищный устав 1804 г.: идеи и их реализация) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1998. №5. С.29.

30. Федоров В.А. Михаил Михайлович Сперанский // Российские реформаторы (XIX – начало XX в.). М., 1995. С.43.

31. Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. М., 1998. Кн.1. С.198.

32. Козляков В.Н., Севастьянова А.А. Культурная среда провинциального города // Очерки русской культуры XIX века. М., 1998. Т.1. Общественно-культурная среда. С.140, 142.

33. Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. М., 2000. Кн.3. С.196.

34. Эймонтова Р.Г. Просвещение в России первой половины XIX века // Вопросы истории. 1986. №10. С.93.

35. Кузнецов С.В. Культура русской деревни // Очерки русской культуры XIX века. М., 1998. Т.1. Общественно-культурная среда. С.239; Лысикова О.В. Государственная и частная благотворительность в народном просвещении начала XIX в. // Благотворительность и милосердие. Саратов, 1997; Артамонова Л.М. Участие духовенства в развитии начальной сельской школы дореформенной России // Четвертые Иоанновские Чтения.

Самара, 2000; Ее же. Церковь и образование во второй половине XVIII - первой половине XIX вв. // Пятые Иоанновские Чтения. Самара, 2001; Ее же. Благотворительность православного духовенства в отношении общеобразовательных школ российской провинции первой четверти XIX в. // Седьмые Иоанновские Чтения. Самара, 2003.

36. Кошман Л.В. Город в общественно-культурной жизни // Очерки русской культуры XIX века. М., 1998. Т.1. Общественно-культурная среда. С.31,68.

37. Артамонова Л.М. Политика создания сельских школ при Николае I и ее реализация в юго-восточных уездах Европейской России // Самарский земский сборник. 1999. №1.; Ее же. Открытие первой школы в уездной Самаре начала XIX века // Краеведческие записки. Вып.IX. Самара, 2000; Ее же. Самарское уездное училище и отношение к нему местного общества в начале царствования Николая I // Самарский земский сборник. 2002. №1.

38. Артамонова Л.М. Начало школьного образования и научных исследований в Усольской вотчине в конце XVIII - первой половине XIX вв. // Самарский земский сборник. Вып.3. Самара, 1996; Ее же. Сбор крестьянами правобережных селений Самарского края сведений для Русского географического общества в 1847 г. // Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. 1996. №3.

39. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). СПб., 1999. Т.2. С.217.

40. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. Т.2. С.226-227.

41. Титков Е.П. Образовательная политика Екатерины Великой. М., 1999.

42. Вишленкова Е.А. Духовная школа в России первой четверти XIX века. Казань, 1998.

43. Белявский М.Т. Школа и система образования в России в конце XVIII в. С.112.

44. Лепская Л.А. Состав учащихся народных училищ Москвы в конце XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 9. История. 1973. №5.

45. Смагина Г.И. Указ. соч. С.94, 96, 97, 104.

46. Артамонова Л.М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX вв. (Юго-восточные губернии Европейской России). Самара, 2001.

ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КРУЖОК САМАРЫ И ЗАДАЧИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВА

Самара. Московский государственный университет сервиса. Самарский филиал

В 1879-1881 годах в России сложилась революционная ситуация.росло народное возмущение усилившимся гнетом царизма и господствовавших классов. Резко усилилось крестьянское движение, выразителем интересов и чаяний которого в это время выступили различные революционные народнические организации. Наиболее крупной из них была «Народная Воля», имевшая отделения в пятидесяти городах страны и насчитывавшая около пятисот членов.

Революционные кружки возникли не только в среде интеллигенции и студенчества, но также получили довольно широкое распространение в армии, охватив, в основном, низшие слои офицерства.

Как видно из программы Военно-революционной организации, являвшейся самостоятельной революционной структурой, «...организация признает себя солидарною с партией «Народной Воли»...; согласна в случае народного восстания, принять в нем участие... с целью захвата верховной власти для устройства народного представительства» [1, л. 80 об].

Своими главными целями Военная организация считала «объединение и урегулирование деятельности революционных сил в армии; привлечение наибольшего числа активных деятелей и союзников; установление правильного общения с социально-революционной партией всей России для взаимной помощи и поддержки» [1, л. 80 об].

Большое значение в военно-революционной среде придавалось агитации в войсках. Жандармские документы свидетельствуют, что «со временем в главных городах империи предполагалось образовать... офицерские кружки, подчиненные военно-окружным центрам и выработать для них специальный устав, а до тех пор в видах приготовления почвы, допускались и единичные попытки. Таким характером отличалась деятельность некоторых офицеров в Саратове, Самаре, Москве и других местах» [2, л. 51].

Обращая большое внимание на агитацию в воинских подразделениях, программа Военно-революционной организации в то же время отмечала, что «та тяжелая, господствующая в нашей армии, дисциплина, которая уничтожает в солдате, на время официального и даже частного разговора его с офицером, самый человеческий образ, - лишает офицеров возможности деятельной пропаганды между нижними чинами, и потому в нашу организацию могут входить только офицеры, нижние же чины, за исключением подпрапорщиков, не могут быть допускаемы в организацию» [1, л. 80

об]. По мнению составителей программы, «пропаганду между солдатами... могут с успехом вести члены союза рабочих, которым в этом деле мы можем лишь оказывать поддержку указаниями относительно данного положения солдат и способствовать конспирации. Со своей же стороны, мы ограничиваемся приобретением популярности и уважения среди солдат, что легко достигается гуманным обращением с ними» [1, л. 80 об]. В другом документе военно-революционного сообщества офицерам предлагалось «или выслуживаться, занимая важные места», или же «обратить внимание на приобретении популярности между солдатами» [2, л. 3 об].

Согласно указаниям руководителей Военно-революционной организации, «для большей безопасности» следует «ограничиться лишь самым необходимым числом членов». Так, например, кружок может состоять не более чем из 5-7 человек и иметь тесную связь с местной центральной группой, из представителей которых составляется Военно-Революционный Центр, который должен знать все о деятельности и составе кружков, о прибыли и убыли его членов, но именно состав кружков для него должен «оставаться тайной» [1, лл. 80 об-81 об].

К сожалению, революционное движение в Самарской губернии в начале 80-х годов XIX века изучено еще недостаточно. «Белым пятном» для нас остается и военно-революционное подполье Самары первой половины 80-х годов XIX века.

Начавшийся в стране общественный подъем оказал влияние и на войска, расквартированные в Самаре. В конце 1880 года в Самаре в 159-м Гурийском пехотном полку был организован кружок, где под руководством поручика Василия Ильинского и вольноопределяющегося Егора Лазарева стали устраиваться «с преступной целью собрания», которые посещали некоторые офицеры. В их число входили также врач Чаушанский и поручик Литвинов [1, л. 51,52].

Первые сведения о существовании этого кружка были получены Департаментом Полиции от известного провокатора Сергея Дегаева в конце 1882 года. Не зная входящих в него офицеров, Дегаев сообщил лишь о том, что этот кружок посещал офицер по фамилии Ильинский. И здесь следствие пошло по ложному пути. Было возбуждено дело против поручика Федора Ильинского, который отрицал все выдвигаемые против него обвинения. Однако, несмотря на это, он был вскоре уволен в отставку. Через некоторое время жандармы выяснили, что в 159-м Гурийском пехотном полку есть его однофамилец поручик Василий Ильинский, который «к вольноопределяющемуся Лазареву имеет более близкие отношения..., так как он заведовал в полку Учебной командой, в коей состоял... Егор Егоров Лазарев с октября 1878 по май 1879 года; этот же Ильинский был в более близких отношениях и с врачом Чаушанским» [3, л. 190,191].

По показаниям Дегаева, Ильинский во время расположения полка в Самаре находился в подчинении у вольноопределяющегося Егора Лазарева

и считался руководителем кружка. Он даже «предложил Исполнительному Комитету (Исполнительный Комитет «Народной Воли» - С.Ф.) свои услуги на всякий террористический факт» [3, л. 190].

Постепенно жандармам удалось собрать следующие данные: в конце 1880 года и позднее в квартире поручика Василия Ильинского, незадолго перед тем возвратившегося из саперного лагеря при селении Усть-Ижора, собирался кружок любителей чтения, который состоял из врача Владимира Чаушанского, поручика Алексея Литвинова, вольноопределяющегося Егора Лазарева, привлекавшегося по процессу 193-х, и поручика Вишневецкого. Была сделана попытка вовлечь в этот кружок поручика С.П. Катеринина и подпоручиков И.С. Трезвинского и М.Н. Штемпеля. Было также выяснено, что в декабре 1881 года в Самаре на имя Чаушанского получено «возмутительное воззвание» с надписью печатными буквами: «...Прочтите и передайте Руш...Вишн...Ильин... Возможно большее распространение» [4, л. 23 об,39]. Кроме того, было установлено, что Чаушанский постоянно общался с «неблагонадежными» лицами и поддерживал отношения «с некоторыми из обвиняемых по производящемуся в Самаре делу о распространении запрещенных изданий» [5, л. 251,251 об].

Укреплению связей военно-революционного кружка с местным подпольем во многом способствовал Е.Е. Лазарев, в будущем известный деятель партии эсеров. Выйдя в 1880 году в отставку, он не прекратил связей с офицерским кружком, и поселился недалеко от Самары на своей родине в селе Грачевке. (Сегодня – с. Грачевка Оренбургской области. Тогда же с. Грачевка входила в Бузулукский уезд Самарской губернии – С.Ф.). Приезжая в город, он всегда останавливался у Василия Ильинского, а тот в свою очередь часто ездил гостить к Лазареву.

Проживая среди крестьян, Лазарев неоднократно распространял слухи о переделе земли и высказывал «преступные суждения по поводу покушения на цареубийство» [5, л. 251]. Будучи выходцем из крестьян, он хорошо понимал их нужды и чаяния и не раз выступал в качестве поверенного по их делам у мировых судей и в мировом съезде. Такая деятельность Лазарева вызвала интерес к нему полиции. 17 августа 1880 года за ним вновь учреждается надзор полиции. Против Лазарева было возбуждено и вскоре прекращено дознание. Однако, учитывая его политическую неблагонадежность, по постановлению Особого Совещания от 3 мая 1882 года Лазарев был оставлен под гласным надзором полиции еще на два года.

На основании показаний Дегаева, характеризовавшего Лазарева как «энергичного народовольца», находившегося в приятельских отношениях с осужденным «государственным преступником» Михаилом Грачевским, который и рекомендовал Дегаеву Лазарева, и сведений о том, что последний вел пропаганду среди офицеров Гурийского полка, Лазарев по постановлению Особого Совещания от 22 июля 1884 года был подчинен гласному надзору полиции в Восточной Сибири сроком на три года и водво-

рен на жительство в селе Тазнауровском Читинского округа Забайкальской области.

Укрепляя связи с местным революционным подпольем, кружковцы в то же время наладили довольно широкие связи с другими военно-революционными группами. Деятельность центрального военного кружка и связанных с ним групп направлялась известным народовольцем Савелием Златопольским и поручиком артиллерии Николаем Похитоновым. Поручик 159-го Гурийского пехотного полка Алексей Литвинов, являясь агентом центрального военного кружка, принимал также участие в пропаганде во 2-м гренадерском Ростовском полку, расположенном в Москве. Здесь он был связан с прапорщиком Давидом Элиавой, которому привозил инструкции. Тот в свою очередь имел контакты с кружком в Константиновском Военном Училище, в состав которого входили Суворов, Губаревич-Радобыльский, Яковлев, Новицкий, а также со студентом С.-Петербургского университета Якимовым. С помощью Литвинова Элиава пытался вовлечь в революционную работу подпоручика 7-го гренадерского Самогитского полка Крутецкого, подпоручика 4-го гренадерского Невсвижского полка Юрасова, а также подпоручика Ростовского полка Виноградова. Но эти лица оказались непригодными для революционной пропаганды и с ними были прекращены всякие связи.

Не обращая внимания на временные неудачи, Суворов и Литвинов вскоре привлекли к работе в московском кружке подпоручика Лейб-Атаманского полка Синягина и портупей – юнкера Бергау. К военно-революционному кружку в 159-м Гурийском пехотном полку примкнули есаул Николаев, фельдшер Темирского военного лазарета Борисов, поручики Голубев и Котов.

Стремясь активизировать деятельность военно-революционных кружков, Похитонов в январе 1883 года обратился с предложением о совместных действиях к студенту Московского университета Василию Распопину, который являлся членом общества переводчиков и издателей, на статьи которого позднее будет ссылаться В.И. Ленин [6]. Однако воспользоваться его услугами не удалось, так как Элиава, который был связан с Распопиным, в апреле 1883 года был переведен из Москвы в другой полк.

Вследствие предательских показаний С. Дегаева многие революционные кружки, в том числе и Военной организации, были разгромлены. Произведенным расследованием виновность лиц, входивших в военно-революционный кружок в 159-м Гурийском пехотном полку, расквартированном в Самаре, была вполне доказана. Поручик Алексей Литвинов был выслан «за государственное преступление» в Восточную Сибирь на пять лет. Врач Чаушанский в январе 1882 года по распоряжению военного министра переведен в 7-й Кавказский линейный батальон, расположенный в укреплении Хунзах Дагестанской области, а поручик Василий Ильинский

был подчинен гласному надзору полиции в г. Оренбурге на один год, считая таковой с 17 июля 1885 года.

Не удовлетворившись расследованием деятельности кружка, власти в сентябре 1882 года перевели 159-й Гурийский пехотный полк из Самары в Оренбург, где по сведениям жандармов в это время «не существовало никаких политических кружков и прекращение всякой связи полка с Самарой сделали маловероятным образование в полку какого-либо противозаконного кружка...» [7, л. 115].

Таким образом, в начале 80-х годов XIX века Самара представляла собой один из важных центров военно-революционной пропаганды народолюбческих идей в стране.

Безусловно, подобные меры затрудняли и тормозили рост революционных настроений в армии, но остановить этот процесс не могли. В последующем, представители разных радикальных политических сил России стремились привлечь армию на свою сторону в борьбе против деспотизма, вовлекая офицеров и солдат в военно-революционные организации. И эта пропаганда (наряду с другими факторами) оказалась успешной. В конечном итоге, армия в значительной степени перестала быть оплотом самодержавия.

Литература

1. Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф.468.Оп. 1. Д. 110.
2. ГАСО. Ф.468.Оп. 1. Д. 44.
3. Государственный архив Российской Федерации. (ГАРФ). ДП-7. Ф. 102. Оп. 181. Д. 350. Ч. 3.
4. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 21. Оп. 1. Д. 17.
5. ГАРФ. ДП-7. Ф. 102. Оп. 1. Д. 350. Ч. 4.
6. См.: Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 191.
7. ГАРФ. ДП-7. Ф. 102. Оп. 1. Д. 350. Ч. 1.

УЧАСТИЕ ГОРОДСКИХ ДУМ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ 1904-1905 ГГ.

Самара. Самарский государственный университет

Большинство исследователей системы местного управления пореформенной России солидарны в том, что городские думы провинциальных городов России в массе своей были политически индифферентны, в основном благодаря преобладанию купечества в своем составе [1]. В силу этого, интерес представляет отклик городского самоуправления на общеполитические события 1905 года. Городские учреждения полноправно включились в широкое демократическое движение, объяснялось это тем, что наиболее активные гласные городских дум и весь состав городских управ были людьми настроенными вполне либерально. С другой стороны, в событиях 1905 года они выступили, прежде всего, за совершенствование системы городского самоуправления.

Городские думы первым делом высказались за расширение своей автономии в хозяйственной деятельности. Отчасти правительство пошло на встречу пожеланиям городской и земской общественности. Высочайшим указом 12 декабря 1904 года земским и городским учреждениям было обещано «возможно широкое участие в заведовании разными сторонами местного благоустройства» [2]. Чуть позже, 18 февраля 1905 года высочайшим указом Николая II городским думам разрешалось направлять в Совет министров проекты любых реформ в сфере местного управления. Городские думы городов Поволжья с готовностью откликнулись на это предложение, особенно в свете начавшейся первой русской революции. Городские думы сразу же сформировали комиссии для обсуждения проекта городской реформы. Так, в отчетном докладе комиссии Симбирской городской думы остро критиковалась городская реформа 1892 года, которая фактически подчинила органы самоуправления местной администрации. В докладе говорилось, что губернатор накладывает запреты при любых попытках городских дум косвенно обсудить политические вопросы. Более того, гласные городских дум неоднократно заявляли, что администрация зачастую предъявляет категорические требования и по хозяйственным вопросам. Уже к апрелю 1905 года Симбирская дума подготовила проект городской реформы для Совета министров. В нем говорилось о том, что следует реформировать правительственную власть «всцело захваченную чиновной бюрократией» [3]. Кроме того, необходимы следующие реформы: предоставление свободы слова, союзов, прямое и всеобщее избирательное право, упразднение сословий. По общему мнению городской думы, необ-

ходимо было передать все местные дела в ведение города и земского самоуправления.

На заседаниях всех городских дум Среднего Поволжья весной и летом 1905 зазвучала резкая критика системы городского самоуправления. Заявлялось, что до реформы 1892 года, городские думы, при всех своих недостатках, например, преобладание купечества, пользовались относительно полной свободой в своей хозяйственной деятельности. На заседания дум в 1905 году заявлялось, что зачастую губернская администрация предъявляет органам самоуправления руководящие, а иногда и категорические требования в сугубо хозяйственных вопросах. Например, улучшение водопровода, замощение улиц. Так как текущих средств у городов не хватает, приходится ходатайствовать в Петербурге о займах и ждать ответа месяцами и даже годами. Зачастую невозможно без одобрения правительства потратить крупные суммы из запасного капитала даже в экстренных случаях, например при эпидемии, голоде.

Губернатор прямо влиял на составление городского бюджета – фактически плана деятельности на будущий год, зачастую инициативы городских дум месяцами ожидали одобрения правительственной власти. Самая главная характеристика реформы 1891 года, в которой сходились все либеральные общественные деятели и часть консерваторов, – эта реформа еще более починила органы самоуправления местной администрации в лице губернатора. Ряд исследователей конца XIX века прямо заявили, что «с 1892 года губернаторы стали начальниками органов самоуправления и цензорами их действий» [4]. Большинство современников и самих городских деятелей соглашались, что статус городских и земских учреждений 1890-х годов, совершенно не соответствует устоявшемуся в юридической науке понятию об общественном самоуправлении [5]. Именно за ликвидацию этих недостатков высказались городские думы в 1905 году.

Правительство опасалось «излишней» политической активности самоуправления. Особым циркуляром от 12 апреля 1905 года Министерство внутренних дел предупредило городские думы, что проекты преобразований не должны содержать антиправительственных и «незаконных» высказываний. Кроме того, данный циркуляр запрещал городским думам приглашать при обсуждении преобразований посторонних лиц, а сами проекты «незамедлительно» направлять в министерство [6]. На первое из этих требований Симбирская городская дума возразила, что Городовое положение 1892 года позволяет городским думам решать, будут ли приглашены посторонние или нет [7]. Затем решением думы двери зала заседаний были оставлены открытыми. Симбирский проект преобразований городского хозяйства был отправлен в столицу 11 июля 1905 года, а уже 15-16 июля 1905 года Симбирский городской голова М. Волков участвовал во Всероссийском съезде городских представителей. Вернувшись из Москвы, городской голова доложил основную резолюцию съезда: «все действия прави-

тельства таковы, что не оставляют сомнений в отрицательном отношении к реформам» [8]. Симбирская дума единогласно одобрила все остальные постановления съезда городских представителей, в том числе, необходимость конституционного правления и двухпалатного законодательного собрания. Администрация Симбирской губернии попыталась ограничить «свободомыслие» городской думы. Для этого присутствие по городским делам напомнило, что высочайший указ 18 февраля 1905 года разрешал городским думами выдвигать проект преобразований, но эти проекты не должны противоречить существующим законам. На этом основании присутствие отменило постановление думы, поддерживающее резолюции Съезда городских представителей. Отметим, что и сам съезд прошел в Москве с серьезными осложнениями. Официальное разрешение на его проведение было получено с громадным трудом, а через несколько дней работы съезд был закрыт распоряжением правительства, без объяснения причин [9]. Таким образом, губернская администрация последовательно отстаивала правительственную линию, по возможности ограничивая политическую активность городского самоуправления в событиях 1905 года.

В конце августа 1905 года городские думы Среднего Поволжья отзывались о проекте «булыгинской» думы как о «первом почине в деле призыва общественных сил служению Родине» [10]. Но уже при детальном знакомстве с проектом будущего парламента, все городские думы отметили явно недостаточное представительство от городов, в проекте горожане, представляющие 13% населения России избирали всего 7% депутатов парламента. Этот вопрос был одним из важнейших на московском Съезде городских и земских деятелей, в сентябре 1905 года. В нем приняли участие все головы губернских городов. На съезде было принято решение добиваться изменения избирательного закона, «совершенно не соответствующего желанием общества» [11].

Наивысший накал политических страстей имел место в октябре 1905 года, в обстановке Всеобщей политической стачки. 12 октября городской голова Самары призвал гласных добиваться созыва Учредительного собрания и распустил заседание думы. Тогда же неожиданную политическую активность продемонстрировала уездная Ставропольская городская дума. В ноябре 1905 года она высказавшегося за участие в выборах городской думы всех жителей Ставрополя, имеющих недвижимость. Об этом, через губернатора было направлено ходатайство в Министерство внутренних дел [12]. Министерства уклончиво ответило, что «данный вопрос будет рассмотрен при предстоящем пересмотре, во исполнении высочайшего указа от 12 декабря 1904 года, действующего ныне Городового положения» [13]. Ходатайство Ставропольской городской думы имело общероссийский резонанс: в журнале «Городское дело», в 1909 году при разборе недостатков российского городского самоуправления оно приводилось наряду с некоторыми другими [14].

Таким образом, несмотря на невысокую политическую активность городских дум провинциальных городов, они также полноправно включились в события 1905 года. При этом их требования не были радикальными. В первую очередь гласные высказались за преодоление недостатков Городового положения 1892 года, затем, по мере углубления кризиса 1905 года - за либеральные права и свободы, за парламент и конституцию. То есть, отразили взгляды умеренно-либерального лагеря.

Литература

1. Институты самоуправления в России: историко-правовое исследование. М., 1995. С. 3-4.
2. ГАУО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 158. Л. 16об.
3. Там же. Л. 20-21об.
4. Градовский А.Д. История местного управления в России // Градовский А.Д. Собрание сочинений. В 2 т. СПб., 1869. Т. 2. С. 16.
5. Звягинцев Е.А. Как нужно преобразовывать наши городские думы. М., 1909.
6. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5124. Л. 43.
7. Городовое положение, высочайше утвержденное 11 июня 1892 г. СПб., 1893. Ст. 74.
8. ГАУО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 158. Л. 24об.
9. Там же. Л. 38.
10. Михайловский А.Г. Как лучше устроить городскую жизнь. М., 1906. С. 123.
11. ГАУО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 158. Л. 38.
12. ГАСО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 803. Л. 24.
13. Там же. Л. 16.
14. Городское дело. 1909. №1. С. 49.

**КРЕСТЬЯНЕ И ВЛАСТЬ В 1917 ГОДУ: СТАРАЯ ПРОБЛЕМА В
НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ (ПО
МАТЕРИАЛАМ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Самара. Самарский государственный университет

Последнее десятилетие XX – начала XXI века насыщено поворотами во всех сферах жизни российского государства и общества. Это породило кризис гуманитарных наук. Он возник вследствие одномоментного отказа от общеобязательной прежде «марксистско-ленинской» концепции истории. Кризис отразил и другие тенденции. Например, «взрыв» исторического знания, который выявил новые направления интересов историков – к истории повседневности, микроистории, компаративистике, клиометристике (исторической информатике), гуманитарной исторической географии и т.п. Мир предстал нелинейным, многомерным, но целостным.

Смена научной парадигмы актуализировала разработку адекватной методологии познания. Возросла роль личностного фактора в познавательном процессе. Для историка открылись возможности выступать со своим видением исторических процессов. Однако, методологический плюрализм породил ряд новых проблем. В частности, усиление субъективизма в исторических исследованиях. Крайним его выражением стали сомнения в статусе исторического знания, в объективности исторических исследований. Впрочем, возможно, это обусловлено не столько кризисом методологии, сколько развитием самой исторической науки. Историки приходят к признанию идеи множества путей к постижению истины. Плюрализм становится атрибутивным условием процесса приращения научных знаний [1].

Существенные изменения в подходах и оценках в наибольшей степени затронули историю России XX столетия. Прежде всего, историю русской революции, созданную советскими историками. Её каркас прогнулся и рухнул. Обнажились грани, которые камуфлировались идеологией и официальной историей. В частности, проблема «крестьянство и власть в 1917 году».

В контексте историографического экскурса в современную историческую литературу она трактуется двояко: как проблема «крестьяне и власть» и как проблема «власть и крестьяне». В такой постановке она впервые была сформулирована в середине 90-х годов [2].

Перемена мест ключевых понятий в формуле ведет к трансформации её смыслового наполнения. Парадигма «крестьяне и власть» понимается как необходимость специального исследования стремлений крестьян утвердить за собой право создавать и право первенствовать во властных структурах в соответствии со своими крестьянскими интересами. Пара-

дигма «власть и крестьяне» понимается как необходимость специального исследования отношений центральных и местных органов государственной власти – Временного правительства, губернских, уездных, волостных комиссаров и земств, в 1917 году претендовавших на роль легитимных восприемников власти монарха и его администраций на местах – губернаторов, исправников, земских начальников – к попыткам крестьян утвердиться во власти в волостях, уездах и губерниях, наконец, в государстве. Дискурс остается действительным и в диспозиции к созданному в октябре 1917 года большевистскому временному правительству – СНК и его революционным комитетам (ревкомам), а также к их комиссарам в губерниях, которые размышлениями о легитимности своей власти себя не утруждали.

Современная историография проблемы «крестьяне и власть» в 1917 году в рамках Средневолжского региона, одним из центров которого является губерния Самарская, характеризуется первоначальными попытками рассматривать её как самостоятельную, а не только как часть общей проблемы «власть и общество», интенсивно разрабатываемой современными историками, в том числе, и самарскими.

До обобщающих историографических исследований по истории революций 1917 года в поволжских губерниях, подобного опубликованному куйбышевскими историками В.А. Шестаковым и П.С. Кабытовым в 1979 году, современной историографии ещё далеко [3]. Аналога упомянутой монографии, несмотря на известную методологическую амортизацию её выводов, в Поволжье нет. Сборники статей не в счет. Единственным исключением можно считать монографию астраханского историка Н.М. Ушакова [4], но она посвящена, в основном, историографии проблемы во второй половине XIX века, и лишь в незначительной степени затрагивает начало XX века.

Вместе с тем историографическое исследование истории 1917 года интенсивно продолжается. Появляются содержательные публикации российских историков [5].

На материалах Поволжья современные исторические и историографические исследования по этой теме принадлежит перу Н.Н. Кабытовой. В докторской диссертации и в известной монографии она затронула широкий спектр аспектов проблемы «власть и общество» в 1917 году. В этом же русле ею проделан обстоятельный анализ советской, постсоветской и доступной зарубежной литературы и источников. Немало внимания Н.Н. Кабытова уделила проблеме «власть и крестьянство» в Поволжье [6]. Поволжское крестьянство в её публикациях впервые в региональной историографии предстало полноправным субъектом исторического процесса, а не только как союзник пролетариата, как было до недавних пор, или того хуже – как «дикое поле», на просторах которого состязались политики разных толков в завлечении в партийные сети социально-биологических проstackов.

Историографические итоги изучения указанной проблематики в Поволжье подведены Н.Н. Кабытовой в статье «Итоги и перспективы изучения революции 1917 года в российской провинции» [7]. Она указала не только на дискуссионность, но и на недостаточную изученность ряда вопросов, составляющих суть предмета. По её мнению, «историки сильно преувеличили влияние общественной рефлексии и недооценили значение народной архаики». «Проблема конфликта модернизаторства властной и интеллектуальной элиты с традиционализмом социума, – подчеркивает Н.Н. Кабытова, – чрезвычайно актуальна как с научно-познавательной стороны, так и в связи с современной общественно-политической ситуацией» [8]. С этими замечаниями нельзя не согласиться. Вместе с тем, несмотря на значительную исследовательскую работу, проделанную по проблеме «власть и общество в российской провинции в 1917 году», Н.Н. Кабытова склонна к мысли, что ряд вопросов требует дальнейшего изучения. В том числе, проблема «крестьянство и власть».

Мне относительно неплохо известны источники по проблеме в рамках средневожских губерний (Казанская, Симбирская, Самарская). Имею в виду источники архивные и опубликованные. Особый интерес для меня всегда представляла губерния Самарская. Поиск некоторых материалов по истории самарского крестьянства 1917-1918 годов, который был начат ещё в середине 70-х, занял десятилетия. Например, только к концу 80-х годов мне удалось собрать полную коллекцию протоколов добольшевистских губернских и уездных крестьянских и сословных съездов 1917 года – от первых уездного и губернского до фрагментов четвертого губернского крестьянского и сословного. Вместе с протоколами июньских заседаний губернского земства и ноябрьскими 1917 года протоколами совещания председателей и секретарей волостных земских собраний и управ Самарского уезда, они составляют замечательные, в известной мере, бесспорные свидетельства устремлений самарского крестьянства от архаики и патернализма к преодолению косности и политического бескультурья, к демократическому земству, к переустройству сельской жизни на действительно демократических началах. Особенно важно отметить – через тернии острых социальных конфликтов и уравнилельного психоза 1917 года идею демократизации земств и Учредительного собрания крестьянам, представленным в тогдашней самарской власти, удалось довести до реализации. Это – Факт. Факт не только самарско-губернский, но и общероссийский.

Протоколы содержательны и рефлексивны. Представители самарского крестьянства в волостных, уездных и губернском земствах знали реальные проблемы жизни губернии, в частности, крестьянской, и выработывали разумные проекты их решений. Поведение земских крестьян в лучшем смысле слова было жертвенным и расчетливым.

Эти дискуссионные в историографическом плане оценки относятся к участию крестьян в обсуждении в земстве и на крестьянских и сослов-

ных съездах проблем организационных, политических, социальных, культурнических, продовольственных, земельных и многочисленных других, которые их занимали. Факты свидетельствуют, что крестьяне не только дискутировали, но и воплощали свои замыслы в жизнь. Замечу, что участниками прений, запротоколированных в этих источниках, были крестьяне, к 1917 году ставшие политиками, кооператорами, земскими агрономами, учителями, врачами. Из их среды выдвигались крестьянские лидеры, понимавшие значение и смысл земских идей. Они верно оценивали полувековой российский земский опыт, и полагали, что опираясь на него можно успешнее обустроить жизнь.

Есть у меня опыт чтения протоколов комитетов бедноты, сельских советов конца 20-х годов и протоколов колхозных собраний начала 30-х, составленных в губернии. По социальной «генетике» и хронологии составители этих советско-большевистских по формату протоколов, наследовали обустроенные предшествующей властью и земством (равно – обществом), дореволюционным и постфевральским, волостные территории. По «почтовому адресу» протоколы нередко совпадали до селений Самарской губернии, ставшей в мае 1928 года Средне-Волжской областью. Однако, впечатления от их содержания в сравнении с земскими и добольшевистскими крестьянскими съездовскими, разительно отличаются. Признаюсь, что более сильного шока, который довелось пережить в конце 70-х – начале 80-х годов от соприкосновения с подобными архивными источниками, (точнее, потрясения идеологических «догм», крушение которых позже вызовет кризис советской исторической науки, с попыток определить истоки которого начата статья), я не испытывал ни до, ни после. Прущий со страниц комбедовских и колхозных протоколов политико-мифологический абсурд, ощущаемый едва ли не физиологически, поражал первобытным уровнем «архаики». Он не оставлял ни одного шанса против недавней «архаики» земской. Комбедовский и сельсоветско-колхозный уровень «архаики» находился, вероятно, в совершенно иной цивилизационной плоскости. Ощущение шока возникло от несовпадения образов главных «героев» – бактраков и бедняков, воспетых большевистской пропагандой, и уровнем их политической культуры, зафиксированным протоколом. Назвать уровень «культурным» можно лишь условно. Вместе с тем стало понятно, почему в государственном архиве области было так много спецхранных запретов. Причем, запреты были наложены именно на фонды с материалами по истории самарского крестьянства 1917-1918 годов, будто эти источники представляли сугубый интерес для иностранных разведок. А по сути, запрет был охранительным стремлением тогдашнего режима не допустить распространения демократических земских идей, которыми были проникнуты многие самарские крестьянские документы периода 1917 – 1918 годов. В ситуации свободного доступа к источникам любому мыслящему историку становились виднее неоправданные утраты, ставшие следствием

насилия над земствами, совершенного местными большевиками вслед за разгоном Учредительного собрания в Петрограде.

Несовпадение идеологического мифа и реальности было столь очевидным в пользу земства, что перед глазами до сих пор без труда возникает картинка безграмотного химического карандаша, «запечатлевающего» советско-колхозный протокол 1929 года, и в том же ряду другая – протокол уездно-волостной земский 1917 года, исполненный на печатной машинке! Тот и другой были созданы самарскими крестьянами. Но какими разными! Такого уровня «архаики» десятилетие спустя после большевистской революции, открывшей народу все блага «цивилизации», как уверяли со страниц тысяч книг, брошюр и газет советские историки, писатели и журналисты, моё тогдашнее сознание без сотрясения не смогло вместить. Пафос советско-колхозного протокола соответствовал «генеральной линии» правящей коммунистической партии. Но в реальную проблематику, которой так виртуозно владели земские крестьяне, не попадал. Между тем, первобытный уровень «народной архаики», протокол отражал впечатляюще.

В связи с этими наблюдениями возникают мысли, что, вероятно, есть архаика и архаика. Комбедовско-сельсоветско-колхозная «архаика» конца 20-х годов была, образно говоря, семью метрами ниже «архаичного» уровня представлений крестьян о демократии в комитетах народной власти и волостных земствах 1917 года. Трудно избавиться от сознания, что маркируемые советскими историками с 20-х годов кулацкими, эсеровскими, соглашательскими и т.п. идеологическими «лейблами» крестьяне исполнительных комитетов народной власти и волостных земских управ, были крестьянской «элитой», которой удалось усвоить азы земской демократии. Однако именно эти первые крестьянские демократы стали первыми жертвами большевистской революции, спровоцировавшей всплеск «народной архаики» комбедов, сельсоветов и большевистских партячек.

Из современных российских публикаций по истории российских революций, появившихся во второй половине 90-х годов, выделю работы, авторы которых наиболее инновационно продвигают познание проблемы «крестьянство и власть». Имеются в виду работы В.М. Лаврова (1996), О.Г. Буховца (1996), В.П. Булдакова (1997), Л.Г. Протасова (1997), С.В. Ярова (1999), А.А. Куреньшева (2000), В.В. Кондрашина (2001), И.В. Нарского (2001), Л.Н. Литошенко (1927, 2002), Н.А. Окатова (2002) [9]. Продуктивно над проблемами истории крестьянства в 1917 году (крестьянское движение, крестьянские организации, крестьянство и власть, крестьянский менталитет) работают историки Тамбова, Пензы, Казани, Саранска. Об этом свидетельствуют материалы республиканских, всероссийских и международных конференций [10].

Для истории революции 1917 года в Самарской губернии проблема «крестьяне и власть» остается актуальной во многих исследовательских

аспектах. Например, хронология, статистика и историческая география крестьянского движения в губернии в 1917 году не воссозданы до сих пор. Этот пробел становится особенно заметен на фоне плотной исследованности этой проблемы на материалах самарской деревни периода 1905 – 1907 и 1918 – 1922 годов [11].

Остается в тени и вопрос о динамике создания комитетов народной власти, волостных земств и советов крестьянских депутатов. Недостаточно изучен процесс демократизации уездных и губернского земств, создания волостных земств и историческая география губернских выборов в Учредительное собрание. Недостаточно исследована история Самарского губернского Комитета народной власти, в частности, его социальный и персональный составы, роль и влияние самарского крестьянства на процесс его организации и деятельности, а также история комитетов на местах – в уездах, волостях и селах. Эти сюжеты нуждаются в дальнейшем изучении. О том, что актуальность этих вопросов «уловлена» и исследуется, свидетельствуют своевременные публикации самарского историка А.Б. Щелкова [12]. Его исследования имеют непосредственное отношение к проблеме «крестьяне и власть» (и – «власть и крестьяне»), хотя автор и не ставит эту проблему как специальную.

Важным шагом к решению этих задач стала бы публикация полных текстов протоколов самарских губернских крестьянских и всесословных съездов 1917 года, протоколов демократизированного земства, материалов по крестьянскому движению 1917 года. Опубликованных материалов явно недостаточно для того, чтобы объективнее представить реалии реформ и революций 1917 – начала 1918 годов в одной из крупнейших губерний Средневолжья – Самарской. Публикация архивных источников, несмотря на существенное продвижение [13], остается фрагментарной. Тамбовские историки в прошлом году сумели издать сборник материалов по крестьянскому движению в 1917-1918 гг. [14], получивший высокую оценку специалистов. Неопубликованные самарские материалы не менее выразительны.

Литература

1. Сахаров А.Н. Историческая наука на перепутье // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 8-9; Он же. Новая политизация истории или научный плюрализм? (О некоторых тенденциях историографии истории России XX в.) // Там же. С. 17 и др.; Поляков Ю.А. Историческая наука: Время крутых поворотов // Там же. С. 29-30.

2. См.: Дьячков В.Л., Есиков С.А., Канищев В.В., Протасов Л.Г. Крестьяне и власть (опыт регионального изучения) // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). М., 1996. С. 146-154.

3. Шестаков В.А., Кабытов П.С. Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции в Поволжье. Саратов, 1979.

4. Ушаков Н.М. Власть и крестьяне России на путях модернизации (XIX – начало XX века): Проблемы историографии. Астрахань, 2001.

5. Кочетков Г.Н. Россия в 1917 году выбор пути исторического развития (историография проблемы) // Европейская историография XX века. Ярославль, 1992; Антропов А.А. Отечественная историография Февральской революции. 1985-1992 годы // История Советской России: новые идеи, суждения. Тюмень, 1993; Заболотный Е.Б. Революция 1917 года на Урале (историография). Тюмень, 1995; Курас Л.В. Октябрьская революция в Сибири 1917 – середина 1918 г. в отечественной исторической литературе и источниках. Улан-Удэ, 1995; Булдаков В.П. Историографические метаморфозы «Красного Октября» // Исторические исследования в России: тенденции последних лет. М., 1996; Шадский О.Д. Зарубежная историография российского крестьянства и крестьянских движений в 1918-1921 годах: Историографический обзор. Тамбов, 2000; И др.

6. Кабытова Н.Н. Власть и общество в российской провинции в 1917 году. Самарский университет, 1999 (2002). С. 73, 88, 147 и др.

7. Вестник Самарского государственного университета. 2000. №3.

8. Там же. С. 35.

9. Лавров В.М. «Крестьянский парламент» России (Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917-1918 годах). М., 1996; Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996; Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели. М., 1997; Окатов Н.А. Россия в трех революциях. Ч. 2. Тамбов, 1999; Яров С.В. Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада России в 1918-1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб., 1999; Куреньшев А.А. Крестьянство и его организации в первой трети XX века. М., 2000; Литошенко Л.Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001; Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918-1922 гг. М., 2001; Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М., 2001.

10. Историческая наука в меняющемся мире. Вып. 2. Историография отечественной истории. Материалы междунар. науч. конференции 30 мая – 3 июня 1993 г. Казань, 1994; Крестьянство и власти в России в 1917-1994 гг.: Тезисы докладов и сообщений междунар. науч. конференции. Ростов-на-Дону, 1994; Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII-XX вв. Материалы междунар. конференции. Тамбов, 2002; Историки и история в меняющемся мире. Материалы конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения профессора Е.И. Медведева. Самара, 2003; Крестьянство и власть Среднего Поволжья. Программа VII межрегиональной конф. историков-аграрников. Саранск, 2003 и др.

11. Сперанский Н.Н. Крестьянское движение в годы первой русской революции // 1905 год в Самарском крае. Самара, 1925; Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX века. Самара, 1990 (1999); Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность...; Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М., 1997; Кабытова Н.Н., Кабытов П.С. В огне гражданской войны (Самарская губерния в конце 1917 – 1920 гг.). Самарский университет, 1977; Аншакова Ю.Ю. Крестьянские восстания в Среднем Поволжье в 1918 – 1920 года. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 1998; Кондрашин В.В. Указ соч.; Мякотин А.А. Крестьянство и советская власть в 1921 – 1927 гг. (По материалам средневожских губерний). Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2002 и др.

12. Щёлков А.Б. Финансовое обеспечение губернского Комитета народной власти в 1917 году // Исторические исследования. Вып. №4. Самара, 2002; Он же. Формирование Комитетов народной власти в Самарской губернии в 1917 году // Самарский край в контексте российской истории. Самара, 2002; Он же. Борьба за власть в 1917 году в октябре-декабре 1917 года // Историки и история в меняющемся мире. Самара, 2003 и др.

13. Самарское Поволжье в XX веке. Документы и материалы. Самара, 2000; Кабытов П.С., Курсков Н.А. Борьбы за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917 – 1918 гг.) Самарский университет, 2002. И др.

14. Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917 – 1918). Документы и материалы. М., 2003.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ВЗАИМОПОМОЩЬ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ (1920-е ГОДЫ)

Самара. Самарский государственный университет

С переходом к новой экономической политике ослаб властный пресинг (репрессивный, фискальный) в деревне. Крестьяне получили возможность самоорганизации. Самой массовой общественной организацией в 1920-е гг. стали крестьянские комитеты взаимопомощи (кресткомы). Анализ их деятельности представляет значительный интерес для изучения механизмов власти и самоуправления в нэповской деревне.

Кресткомы были сформированы по инициативе государства в условиях крайнего хозяйственного разорения. С отменой реквизиций стала недееспособной «военно-коммунистическая» система социального обеспечения, основанная на переразверстке. Натуральный налог, заменивший продразверстку, определялся минимальными потребностями города и армии. Поэтому центральная власть, провозгласив НЭП, искала способы мобилизации ресурсов деревни на нужды её малообеспеченных слоев. В соответствии с Декретом СНК от 14 мая 1921 г. должны были формироваться волостные и сельские крестьянские комитеты общественной взаимопомощи. Важнейшей их функцией было перераспределение продовольствия. Кроме того, они должны были оказывать трудовую помощь и защищать права сельчан, в том числе от притязаний органов власти. В Декрете СНК и пояснявшей его инструкции Наркомата социального обеспечения (НКСО) от 27 мая 1921 г. подчеркивалось, что кресткомы являются инициативными, независимыми от администрации организациями [1].

В периодической печати, циркулярах НКСО летом – осенью 1921 г. порой утверждалось, что создание кресткомов является развитием традиционных форм взаимопомощи, получивших особое распространение в деревне в годы войны [2]. В действительности, комитеты были внешней по отношению к крестьянскому «миру» структурой, созданной для того, чтобы заменить мирскую взаимопомощь новыми формами, установленными государством.

В Самарской губернии засуха и голод заставили местную власть форсировать усилия по организации кресткомов. В июне 1921 г. определились масштабы продовольственной катастрофы. Циркулярные письма центрального руководства в это время свидетельствовали, что в борьбе с ней губернии придется рассчитывать на собственные ресурсы. Надежды на помощь голодающим были связаны с перераспределением продовольствия аппаратом кресткомов. На кампанию по их формированию было мобилизовано 300 губернских и уездных партработников [3]. К началу осени 1921

г. были проведены выборы в 251 волостной и 1.406 сельских комитетов общественной взаимопомощи [4]. С момента организации они были подчинены административным структурам. Кресткомы стали низовым аппаратом губернской комиссии помощи голодающим, созданной в июне 1921 г. Первым заданием, которое получили комитеты, было продовольственное самообложение. Собранные продукты (преимущественно корнеплоды, зерновых не было уже в июле 1921 г.) позволили открыть питательные пункты. Большая их часть приходилась на Бузулукский уезд, где сетью столовых были охвачены все волости и многие села. Однако продовольственные запасы крестьян были невелики. Например, в Бугурусланском уезде было собрано 5.302 пуда продуктов - менее 100 пудов на волость [5]. Большинство питательных пунктов вскоре было закрыто. С сентября 1921 г. их снабжение возлагалось на потребительскую кооперацию (Губсоюз) [6]. Организационное обеспечение работы столовых осуществляли кресткомы; они подыскивали помещения, оборудовали кухни, подвозили топливо, доставляли продовольствие со складов. Другой важнейшей функцией комитетов было выявление наиболее нуждающихся в помощи, прежде всего детей, и прикрепление их к питательным пунктам. Комитеты производили запашку полей безлошадных, семей красноармейцев, инвалидов. Зимой 1921 – 1922 гг. в связи с крайним ужесточением голода эта деятельность замирает. В это время комитеты взаимопомощи лишь регистрировали случаи голодных смертей, собирали суррогаты, оказывали помощь в доставке пайков [7].

Кресткомы сыграли большую роль в борьбе с голодом. По мере его преодоления среди представителей местной власти и в массе крестьян нарастает критическое, «ликвидационное» отношение к этим структурам. В выступлениях руководящих работников общим местом становится тезис о том, что комитеты лишь «содержат аппарат и занимаются благотворительностью». В 1923 – 1924 хозяйственном году кресткомы губернии 42.571 руб. (53,8% расходов) направили на содержание социальных учреждений (главным образом, детдомов). Далее следовали расходы на аппарат (16,9%) и помощь маломощным хозяйствам (13,3%) [8]. В разоренной губернии с массовой беспризорностью превращение кресткомов в «благотворительные» организации было морально и социально оправданным. Тем не менее, губернской и уездной властью оно расценивалось как нежелательное, поскольку не соответствовало задачам комитетов. Кроме того, «филантропическая» деятельность осуществлялась ими под давлением волисполкомов. Другие мероприятия – сбор членских взносов, трудовая помощь, общественная запашка – также производились в административном порядке. Кресткомы становятся исполнительным аппаратом волостных советов.

С хозяйственным возрождением деревни возросла ее социально-политическая активность. В 1924 г. на перевыборах Советов, волостных беспартийных конференциях повсеместно зазвучали требования создания

крестьянских союзов. Стремление крестьянства к общественному самоопределению, ярко в них проявившееся, потребовало от власти «опережающих» действий. Осенью 1924 г. высшее партийное руководство провозгласило реализацию «Нового курса», получившего официальное наименование «Лицом к деревне». Важным его аспектом было «оживление» комитетов взаимопомощи, превращение их из «подсобного орудия» низовой власти в самостоятельные организации.

В соответствии с Положением от 25 сентября 1924 г. комитеты подлежали реорганизации в крестьянские общества взаимопомощи (КОВ). Общества формировались на основе коллективного – добровольного, а не индивидуального членства. Приоритетной их задачей была не «собесная» деятельность (материально-продовольственная помощь малообеспеченным крестьянам), а производственная помощь и кооперирование сельских жителей.

С реорганизацией кресткомов в крестьянские общества взаимопомощи административное давление на них ослабевает. Тем не менее, они оставались исполнительным аппаратом. Важнейшие мероприятия обществ осуществлялись под нажимом партийно-советских структур. Показателем равнодушия к ним крестьян была ситуация со сбором членских взносов. В 1927 г. он составил 8.538 руб. – 12% общего прихода волостных и сельских обществ, менее 3 коп. на одного члена общества [9].

По мере укрепления крестьянских хозяйств важной задачей обществ становится ограничение хозяйственного индивидуализма. Они должны были содействовать (организационно, материально) развитию коллективного труда. Простейшей его формой была общественная запашка. Большинство КОВ производили общественные посевы. В 1925 г. в Самарской губернии 140 кресткомов, представившие отчеты о деятельности, произвели запашку 572 дес. (4 дес. на общество) [10]. Урожайность на общественных полях была ниже, чем в крестьянских хозяйствах. Как правило, посевы производилось наиболее рутинным способом – по «ленивке». Из указанных 140 кресткомов лишь пять применяли широкорядный посев чистосортными семенами, один комитет перешел на пятиполье. Общественная запашка была формальным выполнением требований властей. В 1927 г. она на 62,5% производилась наемным трудом и исполу, что запрещалось государственной властью. Только в 37,5% комитетов запашка выполнялась «общественными силами», коллективным трудом [11].

Среди форм помощи кресткомов сельчанам преобладали мелкие (1 – 4 руб.) ссуды. Они не оказывали существенного влияния на состояние даже беднейших хозяйств. В 1926/1927 г. в губернии 3.248 хозяйств получили возвратные ссуды в размере 15.562 руб. (4 руб. 80 коп. на хозяйство). 819 хозяйств получили безвозвратные ссуды, - ее средняя величина составила 3 руб. 20 коп. [12]. Большинство комитетов было неспособно аккумулировать значительные средства на хозяйственные и социальные мероприятия.

В середине 1920-х гг. образцом для подражания, удостоившимся упоминания в печати, выглядел изобретательный комитет, осуществлявший довольно хитроумную «схему». Свой небольшой бюджет (10-15 руб.) он тратил на вступительные взносы крестьян в кооперацию. Они брали в кооперативе ссуду и возвращали долг кресткому; на эти средства он вводил в кооперацию других сельчан [13].

Бедняки считали комитеты (общества) взаимопомощи «своей» организацией, хотя и среди них встречалось «ликвидационное» к ним отношение. Критические замечания бедноты сводились к тому, чтобы увеличить объемы помощи и придать ей производственный характер (выделять кредиты на покупку с/х машин, передавать кресткомам мельницы и крупорушки и т.д.). Отношение к кресткомам середняков и состоятельных крестьян в основном характеризовалось словами: «Бедняки все лодыри, работать не хотят, а за помощью ходят, получают те, кто ничего не делает комитету», «крестком есть организация бедноты, середняку в комитете делать нечего, он никогда никакой помощи не получает» [14]. Действительно, в нэповской деревне существовал слой крестьян – «собесников», получавших регулярную помощь со стороны кресткома и не прилагавших значительных усилий для развития своего хозяйства. Характерно, что сельские жители называли их «мироедами» и даже «кулаками» [15]. Зажиточные и средние хозяева проявляли интерес к работе комитета в том случае, если он владел предприятием, обслуживающим их потребности. Сельские жители, особенно до середины 1920-х гг., имели слабое представление о назначении комитетов; ближайшим их аналогом считались комбеды. Это также определенным образом «настраивало» сельчан по отношению к кресткомам.

В сознании представителей власти (центральной и низовой) переход к НЭПу запечатлелся как требующее реванша поражение («Брест»). В массе крестьян с середины 1920-х гг. также нарастали критические умонастроения, вызванные с ростом их общественной активности, требований и ожиданий. Формировалась социально-психологическая почва для «свертывания НЭП». С 1926 г. государственные структуры начинают наступление на нэповский уклад. Кресткомы участвовали в антинэповских мероприятиях. Важной функцией комитетов становится «дефрагментация» крестьянства, организация бедноты для противостояния зажиточным хозяевам при проведении выборных, посевных и других массовых кампаний.

Развитие деревни все больше подчинялось потребностям индустрии. На общества взаимопомощи (наряду с другими властными и общественными организациями) возлагалось размещение в деревне индустриального и хлебного займов, создание семенных фондов, контрактация посевов, помощь беднякам в найме тягловой силы, прикрепление их к зажиточным хозяйствам, организация соревнования между хозяйствами и т.д. Роль кресткомов в этих мероприятиях не была значительной; они действовали как

«подсобный аппарат» низовых советов и партийных ячеек. Не было ощутимым их участие в кооперировании и коллективизации. В 1927/1928г. в Советской России затраты по кооперированию в среднем на комитет составили 2 руб. и по коллективизации – 10 руб., в сумме не превысив 1 млн. руб. [16].

Официальная доктрина постулировала «уходящий» характер крестьянского хозяйства, превосходство крупного производства. С началом сплошной коллективизации в информационных и постановляющих документах органов власти отмечалась «недостаточная загрузка тракторов в мелких колхозах и КОВ» [17], - это стало одной из причин ликвидации обществ.

Подводя итоги, отметим, что организация комитетов общественной взаимопомощи стала одним из проявлений «отката этатизма», начавшегося с переходом к НЭПу. Вместе с тем, кресткомы продолжали социальную практику «военного коммунизма»: на них возлагались функции отмененной переработки. Несмотря на НЭП, государство оставалось патерналистским. С момента формирования комитеты были подчинены властным структурам. До середины 1920-х гг. волисполкомы почти неограниченно распоряжались их аппаратом и фондами. В дальнейшем органы власти управляли кресткомами постановкой целей деятельности. Работа комитетов подчинялась задачам, которые власть на текущий момент считала приоритетными: распределение продовольственной помощи, содержание социальных учреждений, производственная помощь, общественно-политическая организация бедноты, кооперирование сельчан, поддержка коллективных хозяйств и т.д. На кресткомы возлагались фискальные мероприятия (сбор продналога, самообложение на нужды властных структур, размещение государственных займов), не входившие в состав их функций. Комитеты общественной взаимопомощи не стали инициативными организациями. Главной причиной этого было равнодушие к ним крестьян. В подчинении кресткомов государственному аппарату представители местной власти нередко видели единственный способ оживить их деятельность, хотя бы отчасти покончив с «проеданием фондов» аппаратом комитетов. «Пассивное» отношение к комитетам сельских жителей в значительной мере объяснялось их материальной слабостью. Средних и зажиточных сельчан, более активных и организованных, настораживала очевидная преемственная связь кресткомов с комбедами. Большинство функций комитетов взаимопомощи дублировалось низовыми советами, общиной и кооперацией. Стремление крестьянства к самоорганизации получило выражение в требованиях создания крестьянских союзов. Они должны были представлять интересы крестьянства перед властью, которая отождествлялась с рабочим классом и городом. Отмечались попытки создания крестьянских союзов на основе комитетов взаимопомощи, пресекавшиеся властями. Государственная власть поставила невыполнимую задачу, – подавляя соци-

ально-политическое самоопределение крестьянства, создать в деревне самодетельную организацию.

Можно заключить, что главной, хотя и неявной, функцией кресткомов было ограничение нэповского уклада в деревне. Они препятствовали дифференциации крестьянства, сдерживали индивидуализм. С отказом от новой экономической политики закономерным шагом стало упразднение крестьянских комитетов общественной взаимопомощи.

Литература

1. Известия. 1921. 18 мая.
2. ГАСО. Ф.Р-244. Оп.1. Д.74. Л.8.
3. Деятельность Самарской губернской комиссии помощи голодающим (декабрь 1921 – июнь 1922 гг.). Самара, 1922. С. 7.
4. ГАСО. Ф.Р-130. Оп.2. Д.15. Л.18; Деятельность Самарской губернской комиссии помощи голодающим (декабрь 1921 – июнь 1922 гг.). Самара, 1922.
5. На голодном фронте: Бугурусланский уезд в голодные 1921-1922 годы. Самара, 1922.
6. Отчет о деятельности Самарской губернской комиссии помощи голодающим (декабрь 1921-июнь 1922 гг.). Самара, 1922. С.7.
7. На фронте голода (1921 – 1922 гг.). Кн.П. Самара, 1922. С.183.
8. Отчет Самарского губисполкома XII-му губернскому съезду Советов за 1923 – 1924 хозяйственный год. Самара, 1925. С.23.
9. СОГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д.2672. Л.48.
10. Ленинец (Самара). 1926. №1. С.54.
11. СОГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д.2672. Л.50.
12. Там же. Л.51 об.
13. Ленинец (Самара). 1926. №1. С.55.
14. СОГАСПИ. Ф.141. Оп.1. Д.1658. Л.5 об-6 об.
15. ГАСО. Ф.Р-81. Оп.1. Д.928. Л.50.
16. Крестьянская взаимопомощь. 1929. №19. С.8.
17. Постановления III-го пленума Самарского окружного исполнительного комитета Советов. 15-18 декабря 1929 года. Самара, 1929. С.31.

ГОРОД КУЙБЫШЕВ В 1941-1945 ГГ.: РЕАЛИИ БЫТА ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Самара. Самарский государственный университет

В последние годы в отечественной исторической науке повседневность советского периода все более становится объектом исследований [1]. В обыденном сознании повседневность рассматривается, как социальная среда, в которой человек живет и которая его окружает. Рассекречивание ранее не доступных исследователям материалов позволяет глубже изучить различные стороны повседневной жизни населения регионов СССР. Город Куйбышев представляет в этом отношении один из интереснейших объектов изучения городской повседневности. Качественным рубежом стала Великая Отечественная война, кардинально повлиявшая на облик города, его инфраструктуру и административно-территориальную структуру, состав населения и качество жизни горожан. 21 августа 1943 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР г. Куйбышев выделен в самостоятельный административно-хозяйственный центр и отнесен к категории городов республиканского подчинения [2]. Особо следует выделить превращение г. Куйбышева в своеобразную «запасную столицу» [3]. Конечно, г. Куйбышев 1941-1943 гг. – это не Санкт-Петербург 1812 г., но размещение в городе на Волге ряда правительственных учреждений, Исполкома Коминтерна, дипломатических миссий и большого числа оборонных предприятий придало городской жизни новый колорит [4].

Уже с первых дней войны население города стало резко возрастать за счет эвакуированных. Бывший секретарь Куйбышевского горкома ВКП(б) С.А. Хропов вспоминал: «Мы, местные работники, думали, что война продлится недолго и эвакуированных будет немного и первые партии мы принимали в Куйбышеве с хлебом, солью, с цветами и размещали их в зимних дачах и санаторных помещениях, создавали для них все необходимые условия, которыми мы располагали» [5].

Однако численность эвакуированных значительно превзошла ожидания властей. За первые полгода войны население г. Куйбышева увеличилось с 390 тыс. человек до 529 тыс. [6]. Только на Безымянку – район сосредоточения военно-промышленных предприятий - с эвакуированными заводами прибыло 49 тыс. рабочих и служащих [7]. Осенью 1941 г. были введены ограничения на прописку беженцев и эвакуированных из прифронтовой полосы, прибывающих неорганизованным порядком [8]. Вокруг города были установлены милицейские и воинские заградительные кордоны, чтобы предотвратить возможность для эвакуированных остаться в городе. Но желающих остаться в Куйбышеве было очень много. Они выса-

живались в Чапаевске, Кинеле и добирались до Куйбышева на местных поездах или пешком, а в Куйбышеве устраивались на квартирах родных и знакомых [9].

Решением Куйбышевского горисполкома от 20 октября 1941 г. были запрещены въезд и прописка в городе всем эвакуированным, кроме прибывших вместе с предприятиями и организациями по специальному решению СНК СССР. Запрещение распространялось и на членов семей, проживавших вне города, глава которых работал в г. Куйбышеве. Все самовольно въехавшие и не получившие разрешения от милиции на прописку и ордера от райсоветов на занятие жилой площади должны были немедленно выселяться [10].

Пик численности населения города пришелся на 1943 г. (640 тыс. чел.), а затем – в 1944 г. – численность куйбышевцев в результате реэвакуации сократилась до 560 тыс. чел. [11]. Доля мигрантов среди населения была довольно велика, прежде всего за счет эвакуированных и пополнения кадрового состава предприятий. Например, рабочие строительно-монтажного треста №11, набирались из 27 областей и республик СССР [12].

К этому следует добавить большую массу переселенцев, передвигавшихся в тыл страны через Куйбышев. Только с 1 июля по 31 декабря 1942 г. – за время второй волны эвакуации – эвакуопункт г. Куйбышева обслужил 240979 человек [13].

Значительный рост численности населения города размещение здесь эвакуированных предприятий и учреждений, включая правительственные, а также воинских подразделений, госпиталей, значительно увеличили нагрузку на местную систему жизнеобеспечения, потребовав не только интенсификации работы ее основных служб, но и их развития.

Первоочередной проблемой являлось жилищное обустройство эвакуированных и принимаемых новых рабочих на предприятия. Их прибытие привело к обострению жилищной проблемы, которая и ранее не считалась решенной. К январю 1941 г. население г. Куйбышева увеличилось по сравнению с 1913 г. в 3 раза, а жилищный фонд за советский период – на 43%. В г. Куйбышеве до войны на человека приходилось 3,5 кв. м на человека (это было ненамного больше, чем в Сызрани и Чапаевске, где этот показатель был равен 3,4 кв. м) вместо 8,25 м², предусмотренных санитарными нормами жилья [14].

1 и 3 июля 1941 г. Исполкомы Куйбышевских областного и городского Советов депутатов трудящихся приняли решения о предоставлении жилой площади работникам авиазаводов. В соответствии с ними было решено предоставить районным исполнительным комитетам право уплотнения (подселения в квартиры дополнительных жильцов) проживающих граждан, как в государственном жилом фонде, независимо от подчиненности (за исключением жилого фонда военного ведомства, НКВД и НКГБ), а также в частновладельческом фонде. При уплотнении для временного рас-

селения и изъятия отдельных комнат, советские органы должны были оставлять в распоряжении основных квартиросъемщиков жилой площади не менее 5 кв. метров на каждого члена семьи, фактически постоянно проживающего в данной квартире [15].

Часть горожан, не желая «квартирного передела», стала срочно сдавать дополнительную жилплощадь в наем. В этой связи в середине июля 1941 г. горисполком решил предупредить всех владельцев домов, что всякое самовольное заселение жилых помещений (сдача помещений в наем, уплотнение) без соответствующего на то разрешения Исполкома (районного – мое) является незаконным. Было подтверждено, что в соответствии с постановлением ВЦИК и СНК СССР от 17.10.37 г. взимание платы за жилые помещения с квартиронанимателей в домах, принадлежащих отдельным гражданам на правах личной собственности или застройки, а равно в домах, арендованных ими у местных Советов, должно производиться по действующим в городе ставкам с надбавкой к этим ставкам не свыше 20%. Также устанавливалось, что владельцы и арендаторы домов из числа отдельных граждан, взимающие квартирную плату свыше установленных ставок, а равно квартиронаниматели во всех без исключения домах, систематически сдающие в наем жилплощадь в своих квартирах с целью спекуляции (извлечение нетрудовых доходов), подлежат уголовной ответственности, причем сдаваемые с целью спекуляции комнаты или часть комнаты, хотя бы эта площадь и не являлась излишком для съемщика, подлежат изъятию [16].

Всего, согласно июльским решениям местных партийных и советских органов, 11 тысяч прибывших на авиакомплекс получили 50 тыс. м² жилой площади за счет уплотнения и использования общежитий и культурно-бытовых помещений [17].

Жилищная проблема особенно обострилась с октября-ноября 1941г., когда в город и область хлынул поток населения из Центрального и Северо-Западного районов. Под жилье приспособлялось все, что могло служить этой цели: подвальные, складские, чердачные помещения, сараи, клубы, магазины, гаражи и т.п. Работница авиационного завода № 1 им. Сталина М.С. Гурович вспоминала: «В конце ноября утром наш эшелон прибыл на станцию «Безымянка». Вокруг огромный пустырь. К вечеру стали подходить грузовики и развозить людей по баракам, школам, на квартиры куйбышевцев на подселение, в ближайшие села. Нас с мужем определили в барак около Безымянки, в котором раньше жили заключенные. По всей длине барака - трехэтажные «нары». Все места были заняты. Мы расположились на полу. В бараке было холодно, грязно. Не было ни воды, ни пищи. Одолевали вши. Но настроение было боевое».

Похожие условия описывала и работница авиазавода № 18 К.И. Чаадаева: «Прибыли на Безымянку. Нас направили в село Кабановка Кинель-Черкасского района. Разместили по частным домикам. Жили вместе с хо-

зьявами в одной комнате. Люди были сознательные. Ни одного слова не было вымолвлено, зачем приехали или что их стесняли. В деревне жили недолго. В январе 1942г. привезли нас на ст. «Безымянка», разместили по квартирам, в полуземлянки бывших заключенных в 1-м особом районе. Зима 1941-1942гг. была суровая, стояли сильные морозы до 42 градусов. Каждая семья, как могла, занимала в этой землянке двухъярусные нары, как в плацкартном вагоне, только без перегородок. Грязь, холод, есть было нечего. В январе 1942г. от воспаления легких умер братишка, а отец погиб на фронте в июле 1942г. Мы остались втроем - мама, я и двухлетняя сестренка. Потом нас всех из землянки выселили. Каждой семье дали по отдельной комнате в бараке» [18].

В начале января 1942 г. работникам перебазированных в Куйбышев предприятий было передано 36790 кв. метров жилплощади и 6 домов общей площадью 3879 кв. метров. Работникам прибывшего подшипникового завода было разрешено переоборудовать под жилье 60 дач; 90 дач предоставлялось эвакуированному из Москвы коллективу ВТЭ-1. В целом эвакуированным в городе было выделено 381105 кв. метров. К январю 1942 г. только для работников авиазаводов было построено 133 тыс. кв. метров жилья [19].

И все равно жилья не хватало. В справке авиационного отдела Куйбышевского обкома, по состоянию на 15 мая 1942г. отмечалось, что авиационные предприятия области не подготовились к приему поступающей рабочей силы. Из 30 тысяч подлежащих расселению новых рабочих (без учета их семей), только 10 000 можно было устроить на производство. Завод им Фрунзе при ожидаемом пополнении в 11 000 человек имел свободного жилья всего на половину. По этой же причине директора других предприятий отрасли вынуждены были отправить обратно в районы 1770 человек из 6960 мобилизованных [20]. В июне 1942 г. руководитель 15 Главного Управления по куйбышевским авиазаводам Е. Кофман запретил принимать на винтовой завод новых работников, так как для них отсутствовала жилищная площадь [21].

Холостяков селили в огромные земляные бараки. Строили их для себя заключенные, работавшие на сооружении заводов. Внутри в четыре ряда двухъярусные деревянные нары на 250-300 человек. Печь отапливалась дровами. С прибытием эвакуированных заключенных выселяли, досрочно освобождали и отправляли на фронт. Зима 1941-1942 годов выдалась особенно суровой. Дров не хватало. По пути домой люди прихватывали на отопление все, что горит. В начале 1942 в одном из барачных авиационного завода, где проживало 196 человек и обычно одна половина обитателей барака была на работе, а другая отдыхала, случилась трагедия - барак загорелся. Пожар начался где-то у выхода, но моментально охватил все помещение. Запасной выход был закрыт наглухо. Спасти успели немногие.

Через 5-10 минут все было кончено. 96 человек, отдохавших после рабочего дня, сгорели заживо [22].

Одновременно в сельские районы была переселена часть горожан, не имевших прямых связей с промышленным производством, жилье которых также передавалось беженцам. Не все, предназначенные к переселению в сельскую местность, высказывали согласие с таким решением. Их настроения нашли отражение в донесении зам. наркома НКВД СССР Меркулова Куйбышевскому обкому ВКП(б). Заведующий складом лесоматериалов Гортопа Шибраев заявлял: «Сейчас меньше говорят о войне, а больше о выселении. Люди взволнованы массовым выселением, высказывают большое недовольство». Зам. главного энергетика завода «Автотрактородеталь» Мартынов замечал: «Москвичей надо гнать дальше в Сибирь и не беспокоить жителей г. Куйбышева, которые живут здесь десятки лет». Мария Родикова гневно отмечала: «Что же это творится – сюда едут люди, а отсюда выселяют собак. Посмотрите, какие упитанные рожи едут сюда, а тебя, как скотину какую-нибудь, гонят в деревню, там ведь и в хорошие времена голодали» [23].

Расселение и временное уплотнение сопровождалось многочисленными нарушениями, о чем свидетельствуют материалы, поступавшие в партийные и советские органы. Домоуправляющим 122 участка Ильиним была получена взятка с гражданки Кукаевой в сумме 300 руб. за предоставляемой ей лучшей комнаты Ильин был арестован, а дело передано в суд.

Жену красноармейца Литвякову выселили, не предоставив жилплощади. В Сталинском районе член ВКП(б) Чугайло была выселена из двухкомнатной квартиры в общежитие работниц завода КИНАП. Военнослужащий Н.Г. Волох находился с 25 июня по 21 июля 1941 г. на излечении в больнице, и в его отсутствие комната была открыта и передана другой семье. От подобных действий не были застрахованы даже представители номенклатуры. Из квартиры по улице Фрунзе была выселена семья секретаря Молотовского сельского РК ВКП(б) П.М. Лаптева, когда он был вызван в военкомат, а семья была в отпуске. Переселение было проведено заочно в 10-метровую комнату на уплотнение к гражданину Солдатову [24]. Сопrotивление горожан вызывали попытки насильственно переселить их в худшие по качеству комнаты и квартиры [25].

Перенаселенность несла с собой огромные, прежде всего санитарно-бытовые и психологические, трудности для проживающих. Совместное проживание в одном помещении нескольких семей было обыденным явлением, отрицательно сказывавшимся на моральном климате, о чем в те годы было не принято говорить. Большинство работников предприятий размещались либо в небольших, часто неудобных комнатах, коридорах, кухнях, нередко по 5-7 человек из разных семей, либо проживали в общежитиях, где в одном помещении порой ютились сотни человек. Жилищно-бытовая неустроенность общежитий определяла их психологический климат. В

войну фактически получила реализацию идея всеобщей коллективизации жилищного быта, ориентация на расширение контингента проживающих в общежитиях.

Необходимость быстрого обеспечения жильем, недостаток средств, материалов, рабочей силы предопределили главное направление в жилищном строительстве тех лет – возведение построек упрощенного, преимущественно барачного типа. В начале 1942 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О строительстве жилых домов облегченного типа из местных материалов». Более 60 млн. руб. отпускалось на строительство жилья для эвакуированного населения в городах РСФСР в 1942 г. [26]. А в следующем году только эвакуированным заводам в Куйбышеве на строительство домов было отпущено 50 млн. руб. [27]. Полнее стал использоваться кредит, увеличилось число индивидуальных и коллективных застройщиков, к производству стройматериалов привлекались промкомбинаты, артели, использовалось местное сырье [28].

Положение с жильем на промышленных предприятиях начинает улучшаться с 1943 г., когда стали строиться т.н. «юнгородки» для рабочих и дома для семейных инженерно-технических работников. Многие промышленные предприятия развернули жилищное строительство. Завод КАТЭК за годы войны построил 11 домов общей площадью 2420 кв. м, в которых поселились 486 чел. [29], подшипниковый завод построил 7500 м² жилья для своих работников [30].

Для быстро растущего города острой являлась транспортная проблема. 27 июня 1941 г. Куйбышевский горисполком изменил график часов трамвайного движения в связи с изменением часов работы отдельных предприятий [31]. Главной заботой горисполкома и горкома ВКП(б) стала перевозка рабочих на заводы, расположенные на Безымянке. В сентябре 1941 г. было решено соединить данный район с центром города путем строительства новой трамвайной линии и автодороги. В центре города одновангонные трамваи заменялись двухвагонными [32].

С ростом города и возникновением новых районов общая протяженность трамвайного пути в одиночном исчислении увеличилась с 52 км в 1940 г. до 70 км в 1944 г. Количество вагонов – с 154 до 180. Но ремонт вагонов проходил медленно. Выпуск их на линию сокращался, что сказалось на работе трамвая. Общий пробег вагонов снизился с 7915 тыс. вагонокилометров в 1940 г. до 3250 тыс. вагонокилометров в 1944 г. Количество перевезенных трамваями пассажиров уменьшилось с 90638 тыс. в 1940 г. до 38800 тыс. чел. в 1944 г. [33].

Уже в первое военное полугодие выявилась слабая транспортная база города. Трамвай и местные поезда не справлялись с перевозками. Нередкими были опоздания рабочих по этой причине. 29 января 1942 г. горисполком решил приступить к проектным работам и утвердил трассу троллейбусного движения «Маршрут №1»: от площади Революции по улице

Куйбышева, Льва Толстого до Вокзальной площади [34]. Темпы реализации проекта были поистине военными. 6 ноября 1942 г. была сдана в эксплуатацию первая троллейбусная линия. Троллейбус «ЯТБ-2» открыл регулярное движение от железнодорожного вокзала до площади Революции [35]. Распоряжением СНК СССР от 24 ноября 1942 г. было решено построить в четвертом квартале 1942 г. и первом квартале 1943 г. троллейбусную линию Куйбышев-Безымянка [36]. За 1944 г. троллейбусами было перевезено 687,3 тыс. чел. [37]. К 7 ноября 1944 г. была сдана в эксплуатацию электрифицированная железная дорога на участке Куйбышев-Безымянка длиной в 15 км [38], которая значительно помогла ускорить доставку работников на заводы.

Значительно обострилась в условиях войны проблема коммунально-бытового обслуживания населения. Уже в 1941 г. магистральные водопроводы г. Куйбышева и городская водопроводная сеть вместо душевой нормы водопотребления 100 л в сутки подавали на одного человека 52 л [39]. Подача воды осуществлялась, в основном, в центре города. О том, насколько ситуация была острой, свидетельствует письмо в СНК СССР на имя А.И. Микояна от председателя Куйбышевского горисполкома М.А. Пылева 19 ноября 1942 г.: «Коммунальное хозяйство в Куйбышеве находится в отсталом состоянии. Производственные мощности коммунальных предприятий не покрывают возросших потребностей города, т.к. население его за последнее время возросло с 400 тыс. до 700 тыс. чел. Наглядным примером отсталости является городской водопровод. При ежесуточной потребности в 200 тыс. м³ он способен подавать лишь 55000 м³, в т.ч. 20000 м³ грунтовых вод. Такая подача воды в город не обеспечивает потребности населения при минимальных нормах. Городской водопровод в ряде пунктов не обеспечивает тушение пожаров; городская сеть магистралей не имеет кольцевания; запасных резервуаров для воды в городе нет, энергоснабжение водонасосных станций одностороннее. Еще более слабо развита канализационная сеть. По всему городу канализировано всего лишь 1025 домовладений с населением 125 тыс. чел. или около 15%. Много труб водопровода и канализации имеют 50-летнюю давность. Дороги: из общей площади улиц и площадей города 7200000 м² покрыто дорожной одеждой (так в тексте – В.П.) 1870000 м² (25%). Асфальтовых покрытий лишь 350000 м² на весь город» [40].

Из всех отраслей коммунальной сферы относительно лучше развивалась ситуация в сфере водоснабжения, расширявшаяся преимущественно за счет строительства колодцев, бурения скважин, сооружения временных водопроводов. Для ускорения подачи воды в г. Куйбышеве увеличили скорость фильтрации, вводили упрощенную схему очистки (подача воды, минуя фильтры). В городе строились новые водопроводные сети и увеличивалась мощность насосных станций. Общее протяжение водопроводов

увеличилось с 14 км в 1940 г. до 35 км на 1 января 1945 г. Подача воды в сеть увеличилась с 17687 тыс м³ до 44081 тыс. куб. м. [41].

Увеличилась и канализационная сеть. Общая протяженность главных коллекторов увеличилась с 9 км в 1940 г. до 16 км в 1944 г. Пропуск сточных вод соответственно с 9200 тыс. м³ до 21262 тыс. куб. м. [42]. Но в целом мощности водопроводных и канализационных сетей не отвечала потребностям города, вследствие чего водопровод и канализация работали с большой перегрузкой, превышая проектную мощность. Нередко применялись так называемые канализационные стоки, по которым сточные воды без всякой очистки уходили в близлежащие водоемы.

Сократились возможности городского населения пользоваться услугами коммунальных прачечных и бань. В первое полгода войны пропускная способность бань увеличилась на 20%. Было решено, бани, принадлежавшие заводам, сделать открытыми для всех граждан, определив режим работы бань с 7 часов утра до 12 часов ночи [43]. Количество коммунальных бань сократилось с 8 в 1940 г. до 4 в 1944 г. В 1940 г. было обслужено 5200 тыс. посетителей, в 1944 г. – 1928 тыс. [44]

В решении проблем коммунально-бытовой сферы помогали руководители партийных и государственных органов СССР, размещенных в городе. С.А. Хропов, бывший в 1938-1942 гг. секретарем Куйбышевского горкома ВКП(б) вспоминал: «Однажды в повестку дня Совнаркома был включен вопрос об улучшении коммунального обслуживания. Мы, представители города и области, были заранее предупреждены об этом и имели время посоветоваться между собой. Вывод наш был такой: теми машинами и механизмами, что имелись в распоряжении городского хозяйства, обеспечить в городе надлежащую чистоту и порядок невозможно. Решили приобрести дополнительно пять автомашин и три-четыре тонны бензина ежемесячно. Конечно, этого было крайне недостаточно. Но мы посчитали: если идет война, все средства должны быть направлены на фронт.

Выслушав наше заявление, члены правительства переглянулись. Анастас Иванович Микоян поднялся из-за стола, сделал несколько шагов по комнате, произнес: - Скромновато.

Потом помолчал и вдруг предложил:

– Считаю, надо дать городскому хозяйству сорок автомашин и ежемесячно выделять по пятьдесят тонн бензина. Эти автомашины должны быть доставлены к зданию горисполкома завтра к девяти часам утра с оформленными нарядами на горючее.

Это предложение было единодушно принято. А на следующий день ровно в 8 часов 50 минут большая автоколонна остановилась возле горисполкома и состоялся прием машин» [45].

В значительной степени меры по благоустройству города носили административный характер. За нарушение правил благоустройства (загрязнение территории, нарушение правил застройки, подземных и наружных

сооружений, эксплуатации домов, общежитий, предприятий, магазинов и т.д.) должностные лица (директора промышленных и торговых предприятий, коменданты общежитий, начальники строек и др.) могли подвергаться штрафу до 200 руб.; при повторном нарушении привлекались к уголовной ответственности (по ст. 109, 11 УК РСФСР). Граждан, нарушающих правила благоустройства, органы милиции города могли оштрафовать от 10 до 25 руб. [46].

В условиях стесненности, скученности населения, бытовая неустроенность, антисанитария в местах общего пользования, недостаточности водоснабжения, освещения, отопления в сочетании с высокой продолжительностью рабочего дня, снижением качества питания создавалась опасность распространения остроинфекционных заболеваний. В г. Куйбышеве опасная противоэпидемическая обстановка сложилась в начале войны. В справке Куйбышевского горздравотдела 8 августа 1941 г. медики били тревогу: «В городе эпидемия. Массовые заболевания среди населения дизентерией и другими инфекциями. Эта эпидемия может в ближайшее время вывести из строя целые заводы. Город имел возможность не допустить эпидемии и ликвидировать эпидемические очаги; в настоящее время тоже имеет возможность, для этого требуется: 1) очистка города от нечистот и мусора; 2) обработка эпидемических очагов, вывоз больных на коечное лечение и дезинфекция помещений и одежды больных.

Горздрав сделать этого не мог и не может ввиду отсутствия бензина, резины на эпидемические кареты. 19 карет эпидстанции и станций скорой помощи стоят в бездействии. Все машины с лимита на бензин сняты и город поставили под явную угрозу в эпидемическом отношении... Особенно большой процент заболеваемости среди рабочих прибывших заводов» [47].

Одной из причин распространения дизентерии, завшивленности, кожных заболеваний являлся недостаток мыла для мытья рук и стирки белья [48].

В 1942 г. в городе был проведен месячник по очистке от мусора, проведено обследование общежитий, бань, вокзалов и предприятий общественного питания. Подворный обход позволял выявить подозрительных по тифу заболеваний и завшивленности [49]. Но в целом ситуация оптимизма не внушала. Особенно тревожной она была на заводах № 525, 24, 1, 42.

К.Ф. Мочалова, проверявшая в сентябре 1942 г. по заданию Куйбышевского обкома ВКП (б) завод № 525 Наркомата вооружений, отмечала: «Бытовые условия рабочих, живущих в землянках, ужасные. В землянках нарная система, нары в три яруса, большая скученность, постельного белья нет, рабочие спят на голых досках... кругом сыплется земля... масса блох, которые не дают возможности рабочим отдохнуть после работы... рабочие понимают, что война загнала их в эти землянки, но считают, что и при этих условиях можно было кое-что сделать и особенно в летний период» [50]. Положение на предприятии в декабре 1942 г. было признано Куйбышевским горисполкомом и городской противоэпидемической комиссией чрез-

вычайным и угрожающим вспышкой сыпного тифа. Только тогда было решено выделить дополнительно 5 тонн мыла для борьбы с завшивленностью, выделить работникам завода овощи и изготавливать из хвои витаминный настой для профилактики авитаминоза [51].

Эпидемические больные поступали в большом количестве вместе с эвакуированным населением. В г. Куйбышеве в 1942 г. привозные случаи заболевания сыпным тифом составили 41%, в 1943 г. – 50%. Больных брюшным тифом в расчете на 10000 населения увеличилось в 1942 г. по сравнению с 1940 г. в 3,1 раза, сыпным тифом – в 23,3 раза [52].

Меры и средства, направленные на борьбу с эпидемиями, носили ограниченный характер и позволяли, в лучшем случае, локализовать эпидемические очаги. С осени 1944 г. эпидемическая обстановка в Верхнем и Среднем Поволжье, в т.ч. в г. Куйбышеве, вновь ухудшилась. Вспышки сыпного тифа превратились в крупные очаги эпидемий, однако своевременных оперативных мер не было принято. В материалах ГАРФ имеется ряд документов, освещающих отношение властей к данной проблеме. Информация о резком увеличении числа заболеваний граждан сыпным тифом в октябре, ноябре и начале декабря поступила Л.П. Берии по линии НКВД 15 декабря 1944 г. Л.П. Берия по долгу службы отправил копии телеграммы секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову и заместителю Председателя СНК СССР К.Е. Ворошилову. На следующий день К.Е. Ворошилов поставил резолюцию, обращенную к наркому здравоохранения СССР Г.А. Митереву: «Что нам известно, какие меры предприняли?». Через три дня Л.П. Берия направил К.Е. Ворошилову новое сообщение: «УНКВД Куйбышевской области сообщает дополнительные данные о распространении эпидемии тифа. С 11 по 15 декабря сего года сыпным тифом заболело 311 человек, в том числе в г. Куйбышеве 292 человека. Зарегистрировано 48 больных брюшным тифом, из них 34 в г. Куйбышеве. В городе ни одна баня не работает из-за отсутствия топлива и света... Местные организации не принимают нужных мер к обеспечению бань топливом, в частности к вывозу дров из-за Волги. Хозяйственные органы не выполняют решения исполкома Горсовета о выделении транспорта для санпропускника, в результате чего больные госпитализируются несвоевременно». К.Е. Ворошилов, ознакомившись с донесением, вновь адресует его Г.А. Митереву: «Что сообщают наши представители о проделанной ими работе?». В деле отсутствует информация о том, был ли дан письменный ответ К.Е. Ворошилову. Зато есть просьба Г.А. Митерева в адрес заместителя Председателя СНК СССР Л.П. Берии дать указание соответствующим наркоматам об отправке в г. Куйбышев мыла, мануфактуры, бензина и мазута. 23 декабря 1944 г. на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова поступила докладная от секретаря Куйбышевского обкома ВКП(б) Жаворонкова о сделанном по преодолению начавшейся эпидемии и с просьбой выделить для области 280 т мыла, 300 т мазута, 50 т бензина, 100 тыс. м мануфактуры, 3500 одеял, 3500

матрацев, 3500 подушек и 10 т керосина. Только 5 января 1945 г. СНК СССР было дано распоряжение, подписанное В.М. Молотовым, удовлетворявшее просьбу на 50% [53]. Поэтому ликвидация эпидемии проходила с трудом и в основном за счет местных материальных средств.

Литература

1. См., напр.: Волков В.В. Концепция культурности, 1935-1938 годы: сталинская цивилизация и повседневность сталинского времени// Социологический журнал. 1996. № 1/2; Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне 1941-1945 годов. М., 2000; Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. М., 1999; Измозик В.С., Лебина Н.Б. Жилищный вопрос в быту ленинградской партийно-советской номенклатуры 1920-1930-х годов// Вопросы истории. 2001. №4; Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан. СПб., 2003; Ломагин Н. Неизвестная блокада. В 2 кн. СПб., 2002; Москва военная. 1941-1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995; Москва прифронтовая. 1941-1942 гг. Архивные документы и материалы. М., 2001; Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941 гг. М., 1998; Рожков А.Ю. В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. В 2 т. Краснодар, 2002; Российская повседневность. 1921-1941 гг. Новые подходы. СПб., 1995; Шинкарук С.А. Общественное мнение в Советской России в 30-е гг. (По материалам Северо-Запада). СПб., 1995; Янковская Г. Эвакуация// Родина. 2004. №6; Яров С.В. Горожанин как политик. СПб., 1999 и др.

2. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф.656. Оп.22. Д.21. Л.454.

3. См.: Данилов В.Н. Самара-Куйбышев – запасная столица страны в годы Великой Отечественной войны: организация защиты// Самарский край в контексте Российской истории. Сб. ст. Самара, 2001; Павлов А.Е. Запасная столица. Самара, 1995; Храмков Л.В., Храмкова Н.П. Самарская земля в годы военного лихолетья. Самара, 2003 и др.

4. В октябре 1941 г. в город прибыли в эвакуацию Госплан СССР, часть аппарата ЦК ВКП(б), СНК СССР и ЦК ВЛКСМ, ряд отделов Наркомата обороны СССР (Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф.2558. Оп.6. Д.43. Лл.211-212Д.44, Л.61; Д.60. Л.4). В связи с прибытием в город правительственных учреждений и повышением интенсивности движения транспорта было решено увеличить количество постов регулирования уличным движением в городе и пригороде с 12 двухсменных до 35 суточных. (ГАСО. Ф.56. Оп.2. Д.39. Л.61). Было решено 23.10.41 г. увеличить часы торговли в ресторанах и столовых, кафе-закусочных открытого типа с 7 часов утра до 2-х ночи, а торговлю в кафе-закусочной на Куйбы-

шева, 81 вести круглосуточно (ГАСА. Ф.56. Оп.2. д.39. л.62). 20 октября в г. Куйбышев прибыл в эвакуацию дипломатический корпус из 13 посольств и 6 миссий. Все посольства были размещены в центральной части города в старинных особняках (ГАСО. Ф.56. Оп.47. Д.11. Лл.23-26.).

5. СОГАСПИ. Ф.651. Оп.9. Д.70. Л.622.
6. ГАСО. Ф.2551. Оп.10. Д.36. Л.14.
7. СОГАСПИ. Ф.714. Оп.1. Д.849. Л.46.
8. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп.5. Д.105. Л.4.
9. СОГАСПИ. Ф. 651. Оп.9. Д. 70. Л.624.
- 10.ГАСО. Ф.2558. Оп.7. Д.314. Л.68; Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Самара, 1995. С.38
- 11.ГАСО. Ф.2195. Оп.2. Д. 440. Л.10.
- 12.ГАСО. Ф.Р-3985. Оп.1. Д.24. Л.15.
- 13.ГАСО. Ф. Р-4073. Оп.1. Д.3. Л.4.
- 14.ГАСО. Ф.Р-2148. Оп.1. Д.2825. Л.1 (об.); Р-2521. Оп.1. Д.76. Л.94; СОГАСПИ. Ф. 651. Оп.9. Д.70. Л.653.
- 15.ГАСО. Ф.56. Оп.2.Д.38. Лл.38-39.
- 16.ГАСО. Ф.56. Оп.2. д.38. Лл.64-65.
- 17.Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп.43. Д.1054. Л.115; ГАСО. Ф.56. оп.39. Д.8. Лл.42-43.
- 18.Безымянка. Строки, опаленные войной. Книга воспоминаний ветеранов Кировского района г. Самары. Т.1. Самара, 1997. С. 22, 81.
- 19.РГАСПИ. Ф.17. Оп.43. Д.1054. Лл. 1, 53; Оп.88. Д.133. Л.9.
- 20.СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 33. Д. 249^а. Л. 53-56.
- 21.СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 33. Д. 289. Л. 309.
- 22.Безымянка. Строки, опаленные войной...С.313, 316.
- 23.СОГАСПИ. Ф.656. Оп.19. Д.7. Лл. 9395.
24. ГАСО. Ф.56. Оп.2. Д. 38. Лл.144-145.
- 25.ГАСО. Ф. 56. Оп.2. Д.48. Л.89 об.
- 26.Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. М., 1976. С.554.
- 27.СОГАСПИ. Ф.1816. Оп.1. Д.33. Л.45.
- 28.РГАСПИ. Ф.17. Оп.43. Д.1072.Л.184.
- 29.Вперед. 1945. 29 декабря.
- 30.СОГАСПИ. Ф.656. Оп.36. Д.410. Л.113.
- 31.ГАСО. Ф.56. оп.2. Д.38. Л.34.
- 32.ГАСО. Ф.56. Оп.2. Д.38. Л.191-193
- 33.ГАСО. Ф.Р-2521. Оп.1. Д.75. Л.53.
- 34.ГАСО. Ф.56. Оп.2. Д.55. Л.50.
- 35.Волжская коммуна. 1942. 11 ноября.
- 36.СОГАСПИ. Ф.656. Оп.20. Д.44. Лл.241-242.
- 37.ГАСО. Ф.Р-2521. Оп.1. Д.75. Л.64.
- 38.ГАСО. Ф.56. Оп.47. Д.28.

39. ГАСО. Ф. Р-2195. Оп.2. Д.42. Л.20.
40. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.5446. Оп.43. Д.1205. Л.13.
41. ГАСО. Ф. Р-2195. Оп.2. Д.42. Л.20; Ф.Р-2521. Оп.1. Д.75. Л.64.
42. ГАСО. Ф.Р-2521. Оп.1. Д.75. Л.68.
43. ГАСО. Ф.56. Оп.2. Д. 39. Л.231.
44. ГАСО. Ф.Р-2521. Оп.1. Д.75. Л.57.
45. Волга в гневе. Куйбышев, 1970. С.44-45.
46. ГАРФ. Ф.5446. Оп.43. Д.1205. Лл.122-126.
47. Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Самара, 1995. С. 321-322.
48. СОГАСПИ. Ф.656. Оп.34. Д. 149. Л.124.
49. Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Самара, 1995. С. 333-334.
50. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 33. Д. 29/39. Л. 132.
51. ГАСО. Ф. 56. Оп. 2. Д. 57. Лл. 248, 251-253.
52. ГАСО. Ф.Р-2148. Оп.2. Д.25. Л.2; Шматов Е.Н. Лечебно-профилактическое обслуживание городского населения Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)// Актуальные проблемы развития общества: новые подходы и перспективы. Самара, 2003. С.51.
53. ГАРФ. Ф.5446. Оп.48. Д.3377. Лл.2-8.

ПАРТИИ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ, ОБЩЕСТВО

Безгина О.А

ИЗ ИСТОРИИ КООПЕРАТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ (На примере Самарской губернии)

Тольятти. Волжский университет им. В.Н.Татищева

В 60-е годы XIX века в России зародилось движение, ставшее впоследствии уникальным феноменом социальной и экономической истории. Речь пойдет о кооперации, которая начала развиваться в России по примеру европейских кооперативных обществ, к 1918 году по количеству кооперативных организаций вышла на первое место в мире, а в 20-е годы стала одним из основных средств выведения страны из экономического кризиса.

В дореволюционном кооперативном движении России можно выделить три основных этапа: 1 этап – 60-е годы XIX века – конец XIX века. Для этого этапа характерны малочисленность кооперативов, неопределенность их целей и задач, недостаточная разработанность правовой базы кооперации.

Первые потребительские общества организовывались по инициативе дворянства и интеллигенции, первоначально поддавшихся модной идее кооперирования, но зачастую не сумевших впоследствии грамотно организовать работу кооперативов. Потребительские кооперативы действовали в городах, среди чиновничьего сословия, фабрично-заводских и железнодорожных служащих, и находились в зависимости от администрации предприятий. Кредитные кооперативы учреждались на средства местных властей и земства, главным образом, в сельской местности, с целью обеспечения крестьянского населения доступным кредитом.

В первый период отсутствие у населения навыков к самостоятельной финансово-экономической и производственной деятельности, недостаток грамотных руководителей, несовершенство уставов сказывались на качестве работы кооперативов.

Кооперативное дело в Самарской губернии складывалось и росло на общем фоне экономической и политической жизни России, культурной отсталости, особенно сельского населения, которые тормозили развитие и рост кооперативного движения.

Потребительская кооперация в Самаре началась с общества потребителей, возникшего в 1868 году [1]. Организатором его был Андрей Николаевич Хардин – впоследствии лидер Самарского комитета кадетской партии. Этот факт подтверждает мнение о том, что первые потребительские

общества в России возникали «сверху», по инициативе просвещенных людей. Не случайно первые потребительские общества называли «дворянскими» или «барскими». По неизвестным нам причинам это общество, просуществовав недолгое время, было распущено.

Архив первого Самарского общества потребителей куда-то исчез, не осталось ни одного документа. Главный источник сведений о нем – «Самарский справочный листок» – газета, выходившая в то время. Из нее мы узнаем, что отношение жителей Самары к первому потребительскому обществу было далеко неоднозначным. Там, в частности, писалось, что едва ли мог кооператив принести «ощутительную пользу своим членам, он не дает удешевления (если и есть, то не более, чем на 1 копейку), он не берет на себя доставки на дом мелких покупок, он дает только мелочную уступку» [2].

Тем не менее, известно, что обществом был открыт бакалейно-гастрономический магазин, чуть позже – мясная лавка. На некоторые товары членам общества делалась скидка. Членов первого в Самаре потребительского общества было примерно двести пятьдесят. Сначала деятельность общества развивалась вполне благополучно, но с 1869 года начались затруднения. В январе 1871 г. общество закончило свое существование. Известный самарский кооперативный деятель И.М. Гринштейн считал, что это произошло из-за убытков в торговле [3].

Скорее всего, это была не единственная причина. Историк русской кооперации начала века А. Меркулов писал, что почвой для потребительской кооперации являлись растущая дороговизна жизни и развитие «алчного посредничества» [4].

Известен афоризм «кооперация – дочь нужды», она порождение экономической необходимости. Только при наличии значительного контингента людей, реально заинтересованных в возможном удешевлении жизни, появляется почва для развития потребительской кооперации.

В России 60-х годов этих условий еще не было, также как и в Самаре. Еще не чувствовалось экономической необходимости. Жизнь еще не заставляла массы интересоваться кооперацией как средством борьбы с дороговизной. Кроме этого, не выделился еще и контингент людей, реально заинтересованный в возможном удешевлении жизни – общественный класс, на который могли бы опереться потребительские общества. А.В. Меркулов подчеркивал, что главную опору потребительская кооперация получала среди пролетариата, привыкшего к совместным действиям и ощущающего самую острую необходимость в облегчении таким путем своего экономического положения. В мещанско-торговой Самаре того времени пролетариат еще не развился. По данным П.С. Кабытова в конце XIX в. 82% населения Самарской губернии было занято в сельском хозяйстве [5]. Доля дворян составляла лишь 0,4%, духовенства – также 0,4%, купцов – 0,31%.

Численность рабочего класса была невелика – в 1905 г. свыше 13 тыс. человек [6].

О социальном составе населения губернского центра писал Самарский общественный деятель того времени П.В. Алабин в книге, вышедшей в 1877 г. «Двадцатипятилетие Самары как губернского города». В ней говорилось, что Самара никогда не была, что называется, дворянским гнездом. В сословиях, к которым принадлежали ее жители, всегда преобладал торгово-промышленный элемент. Рабочего класса не было, а та купеческая и мещанская масса, которая населяла Самару, не могла представлять собой активной основы для деятельности потребительских обществ.

Специфически русской чертой являлся тот факт, что членами первых потребительских обществ были отнюдь не простолюдины. Это явление отмечалось и известным исследователем кооперативного движения М.Л. Хейсиным [7]. В частности, членами первого потребительского общества в Самаре, организованного А.Н. Хардиным, были помещики, зажиточные люди, крупные чиновники.

Характерными, таким образом, для первых потребительских кооперативов были городские общества. В основном, это были общества привилегированных классов, так называемые «барские». Лица несостоятельных классов являлись, как правило, лишь покупателями.

Постепенно такое положение менялось. Возникали сельские потребительские кооперативы. Состав обществ становился более демократичным: основную их массу составляли представители мелкой буржуазии, рабочих и интеллигенции. Люди, пытаясь как-то улучшить свое материальное положение, обратились к кооперации. Работа обществ стала эффективнее, сфера их деятельности расширилась.

Кредитная кооперация в России развивалась сначала в деревне. Это было связано с острой нехваткой средств в пореформенный период (выкупные платежи, расходы на покупку и аренду земли, необходимость приобретения инвентаря, рабочего скота и тому подобное.) Крестьянство нуждалось в кредите, дать который могли кооперативные организации. В деревне они назывались «кредитное» или «ссудо-сберегательное товарищество», или «сельский народный банк». Здесь крестьяне могли получать оборотные средства, не прибегая к помощи ростовщиков. Курировала сельские кооперативные организации инспекция мелкого кредита, основанная при Государственном банке.

Крупнейший современный исследователь кооперативного движения Л.Е. Файн, сравнивая отечественные сельскохозяйственные общества с зарубежными, выделил три характерных особенности, отличающие русские общества от иностранных: во-первых, в России число сельскохозяйственных обществ, несмотря на то, что огромное количество населения занималось земледелием, было меньше, чем где-либо. Во-вторых, отечественные сельскохозяйственные общества, несмотря на то, что были немногочис-

ленными и слабыми, брали на себя большее количество задач, чем западноевропейские. Третьим отличительным признаком сельскохозяйственных обществ в России была их связь с земством. Земству они часто были обязаны и своим возникновением [8].

Земства выполняли организационную и просветительскую работу. Без них развитие кооперации сильно замедлилось бы. Земства распространяли сведения о товариществах среди крестьян, составляли проекты уставов, брали на себя посредничество для скорейшего утверждения их и ассигновали более или менее значительные суммы для выдачи первоначальных займов возникающим товариществам.

В 1881 г. Самарская губернская управа, намереваясь начать разработку вопроса об организации мелкого личного кредита для крестьянского населения, обратилось в С.-петербургское отделение Комитета о ссудо-сберегательных и промышленных товариществах с просьбой сообщить ей сведения: «какой из видов мелкого кредита наиболее применим к сельскому населению, чтобы удовлетворить нужды крестьян в случае необходимости арендования земель или получения ссуды в случае неурожая и других бедствий», на что отделение ответило, что для удовлетворения указанных потребностей вполне пригодны ссудо-сберегательные товарищества [9].

Из уездных земских собраний только одно Новоузенское поднимало вопрос в 1871 г. о ссудо-сберегательных товариществах, причем, высказало мнение, что в уезде едва ли возможно учреждение таких товариществ из-за неразвитости сельского и городского населения и отсутствия в уезде просвещенных земледельцев, которые могли бы руководить товариществами. Таким образом, до начала XX века кредитная кооперация в Самарской губернии практически не развивалась.

Долгое время развитие кооперативного движения сдерживалось отсутствием собственной законодательной базы. Существование потребительских обществ было затруднено тем, что для их открытия требовалось разрешение министра внутренних дел. Лишь в 1897 году это право было предоставлено губернаторам. В 1894 г., с учреждением Устава транспортной потребительской кооперации, был создан Самаро-Златоустовский железнодорожный кооператив. К 1900 г. в нем состояло 1574 человека [10].

Развитию кредитных кооперативов способствовало принятое правительством 1 июня 1895 г. Положение о мелком кредите, разрешавшем создание беспаяемых кредитных кооперативов. В результате, к 1898 г. в России действовало уже 269 сельскохозяйственных обществ [11].

Подобно потребительским, сельскохозяйственные общества первоначально возникали по инициативе помещиков и сельской интеллигенции. Так, например, в Самарской губернии одно из первых сельскохозяйственных обществ – Иса克林ское Бугурусланского уезда – к 1902 г. объединяло 140 членов, в том числе 84 крестьянина, 14 землевладельцев, 14 управ-

ляющих, 5 купцов, 4 агронома. Общество организовало сельскохозяйственную выставку, доставляло свои членам семена зерновых, сельскохозяйственные орудия, скот, создавало склад сельскохозяйственных орудий. Выставку общества посетило не менее пяти тысяч человек. К 1 апреля 1902 г. подобных обществ в Самарской губернии насчитывалось уже 26 [12].

Второй этап – 1901 – 1914 годы. На данном этапе решающее значение для развития кооперативного движения сыграло издание в 1897, 1898 годах, так называемых, «нормальных уставов» потребительских обществ и сельскохозяйственных обществ «малого районного действия», которые упразднили чрезвычайно сложный порядок образования обществ и послужили толчком для их развития.

Осознавая большие экономические возможности кооперации, государственные органы через Госбанк и инспекции мелкого кредита, земство, через кассы мелкого кредита стали оказывать целенаправленную организационную и финансовую поддержку кооперативам.

Постепенный рост промышленности увеличивал число пролетариев, а в деревне торговля вытесняла натуральное хозяйство, и к началу XX века появились общественные слои, прямо заинтересованные в потребительской кооперации. То есть кооперация широко развиваться начала тогда, когда это позволили социально-экономические условия, когда товарно-денежные отношения проникли во все сферы жизни общества.

В 1900 г. в Самарской губернии работало 5 потребительских обществ. С 1902 г. число их непрерывно росло. Динамика роста потребительских кооперативов такова [13]:

1900 – 5	1906 – 18	1912 – 128
1901 – 5	1907 – 37	1913 – 180
1902 – 8	1908 – 45	1914 – 202
1903 – 11	1909 – 57	1915 – 227
1904 – 12	1910 – 77	1916 – 546
1905 – 14	1911 – 104	1917 – 750-800

Подобная картина была типичной для всей страны в целом. По данным П.Г. Кротова и М.П. Плакитина с 1865 года до 1905 год в России возникло 1807 потребительских обществ, с 1906 года по 1914 год – 10.559. за один 1912 год – 1752 общества [14].

Первое кредитное товарищество в Самарской губернии возникло в с. Хрящевка Ставропольского уезда 1898 г., открывшего свои операции с трех тысяч занятого капитала. Первоначально в него входило 372 человека. В течение трех лет Хрящевское кредитное товарищество оставалось единственным, но в 1902 г. в Самарской губернии открылось сразу 20 кредитных товариществ, в которых состояло уже 3872 члена. По истечению года баланс вновь открытых организаций составил 59 тысяч рублей.

Из года в год это число увеличивалось и к 1914 г. достигло 305 кредитных товариществ. Таким образом, до начала войны вся Самарская гу-

берния покрылась сетью кредитных товариществ. Как росло их число видно из таблицы [15]:

1901 – 1	1908 – 157
1902 – 20	1909 – 178
1903 – 44	1910 – 196
1904 – 68	1911 – 210
1905 – 81	1912 – 266
1906 – 105	1913 – 289
1907 – 138	1914 – 305

В течение 14 лет развитие кредитных товариществ шло без всяких скачков и ежегодный прирост был постоянным. В одном только Бузулукском уезде Самарской губернии в 1905 г. кредитных товариществ было 20, в 1906 – 26, в 1907 – 37, в 1908 – 40, 1909 – 42 товарищества [16].

Вместе с числом кредитных товариществ росли и их средства, а соответственно и помощь, которую они могли оказывать сельскому населению. По данным И.Н. Коновалова, кредитная кооперация в северо-восточном регионе России на 90% состояла из крестьян [17]. Средства кредитных товариществ составлялись из собственных капиталов и занятых в Государственном банке.

По мере роста средств кредитных товариществ, их операции развивались все больше и больше. С каждым годом увеличивалось число выданных ссуд. В 1902 г. было выдано 82.600 рублей, в 1907 – 1.942.900, в 1912 – 9.932.000 и, наконец, в 1914 г. размер ссуд достиг 16.218.800 рублей [18].

Таким образом, с каждым годом кредит для крестьянства Самарской губернии становился все более и более обширным. Расширялся круг лиц, пользующихся этим кредитом. Незначительный, из года в год уменьшающийся процент просроченных ссуд свидетельствовал о сознательном отношении крестьян к своему кредитному товариществу, а также и о том, что это были, так называемые, производительные ссуды, которые брались на развитие хозяйства, а не на ежедневные потребности. И только неурожайный 1911 год выделялся большим процентом просроченных ссуд, что было вполне естественно.

С 1905 г. кредитные товарищества, помимо ссудных операций, начали развивать торговую деятельность. К развитию товарных операций они подходили весьма осторожно и первое время снабжали население такими товарами, сбыт которых был гарантирован. Это были товары, предназначенные для сельскохозяйственного производства: сельскохозяйственные машины, орудия, семена и т.п. По мере развития торговли ассортимент этих товаров увеличивался и кредитные товарищества перешли к снабжению населения другими товарами, соединяя в себе и кредитную и потребительскую кооперации.

Большое распространение в деятельности кредитных товариществ получили хлебозалоговые операции. Они давали возможность продавать

хлеб тогда, когда на него устанавливалась более высокая цена. С введением этих операций крестьянину не нужно было вести хлеб на рынок сразу же после его уборки. Этим обстоятельством были очень недовольны перекупщики хлеба, раньше скупавшие его по ценам, которые сами и назначали. По данным на 1910 г. хлебозалоговые сделки с помощью Государственного банка вели 174 кредитных товарищества Самарской губернии. Доля таких кооперативов составляла 25% от общего числа, гораздо больше, чем в среднем по России (3%) [19].

Для развития хлебозалоговых операций кредитные товарищества обзаводились довольно крупными зернохранилищами. Теперь крестьяне прибегали к их помощи не только при залоге хлеба, но и при продаже его. Однако кооперативный сбыт не получил массового распространения. По мнению Н.Ф. Тагировой, помимо общей неорганизованности в России стабильных путей движения товара и отсутствия устойчивого рынка с упрощенным способом торговли, причина этого заключалась в том, что организация хлебной торговли требовала больших знаний и осторожности. «Это могло быть под силу только союзу кооперативов, который бы имел филиалы по всей империи и мог бы организовать перераспределение кооперативных товаров. Отдельное товарищество было не в состоянии произвести большую подготовительную работу по изучению рыночной конъюнктуры в стране и обеспечению перевозок. Объединение же товариществ в более крупные кооперативы, или союзы, не поддерживалось правительством» [20] Создание кооперативных союзов станет характерной чертой следующего этапа в развитии отечественной кооперации.

Упрочению положения кредитной кооперации, ее самостоятельности как системы способствовало создание в 1912 г. своего финансового центра – Московского народного банка (МНБ).

Таким образом, всего за четырнадцать лет своего существования кредитная кооперация сделала огромное дело: вытеснила из деревни ростовщика, снабдила крестьян дешевым кредитом, перешла к снабжению продуктами и товарами, начала заирать в свои руки хлебные операции. Все эти меры укрепили сельское хозяйство страны. Повысились урожаи, улучшилась жизнь крестьян. Кроме того, кредитные товарищества явились и первыми культурными центрами в деревне, работа которых воспитывала у крестьян стремление к самостоятельному улучшению жизни, не надеясь на кого бы то ни было.

В этой связи возросли претензии кооперативных организаций на роль в общественно-культурной жизни страны. В 1908-1913 гг. проводились всероссийские кооперативные съезды, определившие законодательные нормы деятельности кооперативных товариществ.

Третий этап – 1915 – 1917 годы. На этом этапе, в период первой мировой войны замедлился рост кредитной и сельскохозяйственной кооперации, быстрыми темпами разрасталась сеть потребительских обществ. В го-

ды экономического кризиса, вызванного войной, население начало испытывать потребности не столько в мелком кредите и усовершенствовании личного хозяйства, сколько в дешевых товарах и продуктах. В то же время активизировалась работа по организации союзных структур. Союзы кредитных товариществ начали тесно взаимодействовать с союзами потребительских обществ. Кроме экономики, кооператоры начали заниматься вопросами общественной жизни.

Разруха, вызванная войной, нанесла жесточайшие удары и промышленности России, и крестьянскому хозяйству, обострила продовольственную ситуацию в стране. Запасы хлеба придерживались, а цены стремительно росли. По мере втягивания экономики России в войну, трудности со снабжением принимали все более серьезный характер.

По инициативе Главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина был поднят вопрос о созыве районных кооперативных совещаний с участием представителей местных властей, инспекторов мелкого кредита, агрономов и других специалистов. На них необходимо было выработать условия сбыта продуктов, выгодные для населения [21].

Уже 17 февраля 1915 г. вышел указ, предоставлявший право командующим военных округов запрещать вывоз продовольственных товаров из производящих местностей, утверждать обязательные цены на эти продукты и применять реквизицию. По решению правительства все поставки для армии были децентрализованы и переданы в ведение Главного управления землеустройства и земледелия и его уполномоченных в губерниях.

Начиная с 1915 года уездные продовольственные совещания Самарской губернии начали привлекать к распределению продовольственных товаров кредитные и ссудо-сберегательные товарищества. Большинство из них охотно приняли на себя новые функции и стали играть роль распределительных пунктов. В связи с этим появилась необходимость определить правила и упорядочить эту работу, Такие правила постепенно вырабатывались. К примеру, 5 декабря 1916 г. Продовольственным совещанием были разосланы циркулярные письма ко всем кредитным товариществам и потребительским обществам, в которых им рекомендовалось все заказы на соль проводить через Продовольственное совещание и выдавать не более двух пудов на семью. Продовольственное совещание стремилось, чтобы все товары, распределяемые им через кооперативы, отпускались по установленным расценкам. Кроме того, кредитным товариществам предлагалось увеличить размеры вкладов, по которым Продовольственное совещание обещало выплачивать товариществам 5% годовых [22].

Основными продуктами, распределяемыми Продовольственным совещанием через кооперативы были сахар и соль. С 1 декабря 1916 г. для распределения сахара была введена карточная система, и ежемесячно кредитные товарищества обязаны были предоставлять отчеты о расходовании сахара.

В декабре 1916 г. в Бузулуке состоялся объединенный уездный съезд кредитных товариществ и потребительских обществ, обсуждавший продовольственные проблемы и вопросы участия в военном займе. На съезде, в частности, говорилось, что «дух спекуляции и легкой наживы, охвативший всю страну, оказал влияние и на кооперативные организации» [23]. В качестве мер, способствующих улучшению дела распределения продуктов, съезд признал необходимым кооперативным организациям установить единые цены на все товары, получаемые от Продовольственного совещания и от волостных и сельских контрольных комитетов.

Таким образом, в период первой мировой войны кооперация приобрела очень ценный опыт в заготовке и распределении товаров. Кроме того, правительство предпринимало шаги, направленные на увеличение доли кооперативных и земских поставок для армии в противовес частным посредникам, действия которых вели к спекуляции и дезорганизации рынка. По свидетельству уполномоченного Министерства земледелия (в 1915 г. Главное управление землеустройства и земледелия было преобразовано в Министерство земледелия), «все поставленные кооперативами продукты были вполне удовлетворительны по качеству, и при поставках никаких злоупотреблений, свойственных частной торговле не наблюдалось» [24].

В условиях спекулятивной горячки необычайно возросла роль потребительской кооперации. Число обществ потребителей в 1914-1916 годах выросло с 10 тыс. до 23,5 тыс., а кредитных товариществ – с 13 тыс. до 16,5 тысяч [25]. Количество членов различных кооперативных организаций с 1910 г. по 1916 г. удвоилось и достигло 12 млн. человек [26]. В 1916 г. оборот Центросоюза составлял более 50 млн. рублей золотом. В 1917 г. несколько меньше – около 47 млн. рублей [27].

Скачок в развитии потребительской кооперации в период первой мировой войны стал, с одной стороны, следствием резкого сокращения в это время в деревнях промышленных продуктов первой необходимости, а с другой, результатом ликвидации частной торговли, не пожелавшей подчиняться распоряжениям и контролю правительственных Продовольственных комитетов. Кроме того, товаропроводящая сеть в условиях экономических трудностей была не в состоянии удовлетворить нужды отдаленных сел. Расходы на эти цели становились непосильными для отдельных торговцев.

Центральный союз потребительских обществ вырос в мощнейшую организацию, распространяющую свою работу на всю страну, имеющую свои отделения и конторы всех крупных торговых пунктах, владеющую фабриками и заводами, имеющую свои конторы за границей.

В Самарской губернии на 1 января 1917 г. насчитывалось 750-800 потребительских кооперативов, из которых 486 вошли в образованный весной 1917 г. Средне-Волжский Союз потребительских обществ [28]. Из 218.278 его членов – 95% входили в сельские потребительские общества,

3,6% – в городские, 0,6% – в железнодорожные, 0,4% – в фабрично-заводские, 0,4% – в независимые рабочие кооперативы [29]. Самыми крупными из них были городское общество «Самопомощь», основанное в 1915 г. и объединявшее 15 тысяч членов, а также Общество потребителей служащих Самаро-Златоустовской железной дороги, объединявшее 20 тысяч членов [30].

Определенная перестройка была проведена и Московским народным банком (МНБ), его товарным отделом, обороты которого за годы войны неуклонно возрастали. Если в 1914 г. они равнялись 1,1 млн. рублей, то в 1915 г. – 2,7 млн. рублей, а в 1916 г. – 15,3 млн. рублей. Причем основными клиентами банка, начиная с 1916 г. становились кредитные союзы [31].

В 1916 г. все кредитные товарищества Ставропольского уезда объединились в Союз кредитных товариществ. Явление это было типичным для этого периода, когда на первый план в деятельности кредитных кооперативов выступили посреднические операции. В 1916 году в Самарской губернии возникли кооперативные союзы: Кинель-Черкасский (17 товариществ), Мелекесский (32), Березовский (10), Новоузенский (27); в 1917 году – Бугульминский союз (32), затем Бузулукский (54 товарищества) [32].

В целом по России к 1 января 1917 г. действовало более 48 тысяч кооперативов, объединявших около 19 млн. человек. Из них более 16 тысяч кредитных товариществ, с количеством членов 10,5 млн. человек. Причем, большая часть кооперативов действовала в сельской местности. По Самарской губернии общее число кредитных и ссудо-сберегательных товариществ к началу 1917 г. доходило до 330 с балансом 21.479 тыс. рублей [33].

В военные годы кооператоры активизировали общественную деятельность. В 1914 г. они создали Центральный кооперативный фонд помощи жертвам войны. В начале 1915 г. был организован Центральный кооперативный комитет и более ста его филиалов по всей стране, которые тесно сотрудничали с городскими и сельскими органами самоуправления для снабжения армии и населения продовольствием, одеждой, занимались расселением беженцев и многим другим.

После Февральской революции Временное правительство сделало ставку на кооперацию как на самую массовую организацию. Оно возлагало на нее большие надежды в решении продовольственного вопроса. Поэтому оперативно был доработан и утвержден ранее разрабатываемый закон о кооперации.

Кооператоры активно включились в новую жизнь. Многие из деятелей кооперации вошли в состав Временного правительства. Несмотря на свои речи о «политической нейтральности», кооператоры фактически вступили на политическую арену, выступив на выборах в Учредительное собрание со своим списком, заняв позицию, близкую к буржуазным партиям. В 1917 году в стране издавалось более ста периодических изданий по разным отраслям кооперативной жизни. Активно развивалась культурно-

просветительная деятельность кооперации... Но – это уже следующий этап.

Отечественная кооперация за относительно недолгий срок существования добилась многого – свободы хозяйственной и общественной деятельности, представительства и участия в разработке и проведении в жизнь кооперативной и общей экономической политики на правительственном и других уровнях государственной власти. Разумеется, в сотрудничестве с государственными и общественными организациями в условиях свободы рыночных отношений.

Литература

1. Гринштейн И.М. Первенец самарской кооперации. – Самара, 1920, с.3.
2. Гринштейн И.М. Указ.соч. с.3.
3. Гринштейн И.М. Указ.соч. с.5.
4. Меркулов А.В. Исторический очерк потребительской кооперации в России. – М.,1917, с.5.
5. Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900-1917 гг.). – Саратов, 1982, с.11.
6. Кабытов П.С. Из истории хозяйственного освоения Самарского края. / Вестник Самарского государственного университета. 1999-№1(11), с.73.
7. Хейсин М.Л. Исторический очерк кооперации в России. – Пг., 1917.
8. Файн Л.Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1861- 1930. – Иваново, 2002. с.159.
9. Соколовский П.А. Деятельность земства по устройству ссудо-сберегательных товариществ. Спб., 1890. с.230.
10. Плакитин П.Г., Кротов М.П. Тезис-конспект о кооперации. – Самара, 1924, с.5.
11. Файн Л.Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1861- 1930. – Иваново, 2002. с.157.
12. Коновалов И.Н. Сельскохозяйственная кооперация в России в конце XIX-начале XX вв. (На материалах губерний Северного, Приуральского и Поволжского районов). Саратов, 1999. с. 154.
13. ГАСО, ф.Р-510, оп.1, ед.хр.5, л.13.
14. Плакитин П.Г., Кротов М.П. Тезис-конспект о кооперации.– Самара, 1924, с.5.
15. ГАСО, ф.Р-510, оп.1, ед.хр.5, л.32.
16. Там же.
17. Коновалов И.Н. Сельскохозяйственная кооперация в России в конце XIX – начале XX вв. (На материалах губерний Северного, Приуральского и Поволжского районов). Саратов, 1999. с. 115.

18. ГАСО, ф.Р-510, оп.1, ед.хр.5, л.40.
19. Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья. М., 1999. с.178.
20. Тагирова Н.Ф. Указ соч. с.с.178,179.
21. Лубков А.В. Кооперативное движение Центральной России. 1907-1918. Дис. на соис. уч. степ. докт. ист. наук. М., 1998. с.126.
22. ГАСО, ф.Р-324, оп.1, ед.хр.12, л.25
23. ГАСО, ф.Р-158, оп.1.ед.хр.363, л.17.
24. Лубков А.В. Указ.соч. с.128.
25. Меркулов А.В. Вопросы кооперативного движения в России. – Пг., 1918, с.19.
26. Народная жизнь. 1918-№1, с.4.
27. Кооперация. 1923-№10, с.34.
28. Нейфельд Е.Я. Кооперативное движение в 1917-1921 гг.: теория, политика, практика (На материалах Оренбургской, Самарской и Саратовской губерний). Дис. на соис. уч. степ. канд. ист. наук. Самара, 1993. с.31.
29. ГАСО, ф.Р-510, оп.1, ед.хр.5, л.13.
30. Плакитин П.Г., Кротов М.П. Тезис-конспект о кооперации. – Самара, 1924, с.6.
31. Лубков А.В. Указ.соч. с.130.
32. Кабытов П.С. Поиски выхода из кризиса./ Самарская летопись. Книга вторая. – Самара, 1993, с.121.
33. ГАСО, ф.Р-324, оп.1, ед.хр.12, л.25.

НАЦИОНАЛИСТЫ И УКАЗ 9 НОЯБРЯ 1906 Г. В III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Самара. Самарский государственный университет

Указ 9 ноября 1906 г. поступил на обсуждение в общее собрание Думы 23 октября 1908 г. Прения по содержанию указа 9 ноября превратились в прения по всему аграрному вопросу. В отечественной историографии не существует однозначной оценки столыпинской аграрной реформы. В то время как одни исследователи утверждают, что главная идея преобразований Столыпина заключалась в создании слоя крепких крестьянских хозяйств, другие говорят, что основным содержанием реформы «была ставка на форсированную ломку общины и насаждение крестьянской частной собственности на землю».

Акцентируя внимание на тех или иных сторонах реформы, и современники Столыпина, и исследователи сходились, пожалуй, в одном – в оценке масштаба преобразований, задуманных премьером. Реформа должна была перевернуть страну. Это был выбор пути, по которому пойдет Россия. Поэтому этот вопрос так остро воспринимался обществом.

Докладчик земельной комиссии октябрист Шидловский в своем выступлении перед депутатами говорил о том, что община представляет явление отрицательное, поэтому, заключал он, «мы отнеслись к указу 9 ноября благоприятно ибо это есть указ, который имеет целью способствовать насаждению личного землевладения...». Споры, развернувшиеся вокруг указа 9 ноября, показали, что противники законопроекта есть и справа, и слева. Шингарев и другие ораторы кадетской фракции доказывали, что закон этот насильственно разрушает общину и обездоливает слабое крестьянство в пользу сильного. С критикой аграрных преобразований правительства выступили многие крестьяне, принадлежавшие к разным фракциям: оппозиционным, правым и октябристской. Однако негативное отношение к реформе обнаружили далеко не все. Спор о столыпинском землеустройстве разделил думскую фракцию правых на его противников и сторонников. Против постоянно высказывались В.А. Образцов и Г.А. Щечков, в то время как большинство фракции во главе с Н.Е. Марковым и В.М. Пуршкевичем поддержало разрушение общины.

Еще более решительно в пользу аграрных преобразований выступали националисты и умеренно-правые. Граф В.А. Бобринский активно защищал столыпинский указ. Отвечая на замечания оппозиции, он развивал мысль об архаичности и бесперспективности существования общины, обосновывая положение о том, что община, существующая в России, является исторически отжившим элементом, искусственно воссозданным госу-

дарством для удобства взимания налогов. «Общины были у всех народов при известных условиях, при известной стадии экономического развития и при известных чисто внешних условиях... Община присуща всем народам в известной стадии развития, и это не есть какая-нибудь особенность нашего племени, которую мы должны беречь и около которой мы должны были бы стоять. Община существовала у всех народов, но у нас община, которую мы имеем в смысле уравнительной податной общины – не есть остаток старины. У нас община уже пережила, уже перестала существовать задолго до того времени, как она искусственно была возобновлена из фискальных целей». В целом, в его речи как и в выступлениях других членов фракции был представлен взгляд на общину как на символ отсталости и главное препятствие на пути к экономическому процветанию. «Основа русского государства, ее сила, ее расцвет – это есть русское крестьянство, но это крестьянство мы желаем видеть свободным и самостоятельным, а не связанным узами, оковами и гнетом общины» [1].

Очень внимательно правительство и пресса следили за выступлением депутатов-крестьян. От фракции выступило немало крестьянских ораторов и их взгляды существенно отличались от взглядов многих крестьян, представлявших другие фракции. В отличие от последних, они приветствовали разрушение общины, которая ставила в полную зависимость свободу отдельных личностей и тем самым мешала развитию сельского хозяйства. Крестьянин Ермолаев спрашивал: «Ведь разве при общинном землевладении крестьяне не находятся в полной зависимости от общины, без согласия которой нельзя ввести какого-нибудь улучшения, какой-нибудь полезной реформы? Община с ее несчастной чересполосицей есть один из главнейших тормозов улучшения сельского хозяйства... Каждый из домохозяев чересполосного участка находился в подчиненных условиях от своих соседей как в отношении севооборота, так и в отношении срока полевых работ. Словом, при чересполосице усиление каждого отдельного хозяина неизбежно задерживается гнетом большинства остальных домохозяев-общинников. Закон дает нам право избавиться от этого несчастного гнета, от этого несчастного второго крепостничества, и я думаю, что вся благоразумная часть крестьянства воспользуется этим законом и с радостью будет приветствовать этот закон как закон, рассекающий крепкие узы крепостничества этой несчастной общины» [2].

Приблизительно в этом же духе высказался и крестьянин Фомкин: «Общинное владение нас угнетавшее...мы хотим сбросить это иго, а сторонники свободы нам этой свободы дать не хотят. Я им скажу, что они сторонники не свободы, а гнета и опеки» [3].

О необходимости разрушения общины в интересах прогресса земледелия говорил Буцкий: «Может ли общинное пользование землей также совершенствоваться в области агрикультуры, как может совершенствоваться единоличное пользование землей? Полагаю, что нет. Я представляю

себе весь ужас кабальной зависимости от общины тех крестьян, которые сознали всю пользу улучшений, когда из-за недостающих голосов на сходе культурные начала не проникают в массу, и гнет невежества толпы подавляет здравый смысл меньшинства [4].

По этому же поводу высказался и отец Волков: «Общинное землевладение ... бесспорно, является одним из препятствий к поднятию производительности земли, так как давит личную инициативу земледельца и приучает его надеяться не на одни только свои силы, а на силы и руки кого-то другого» [5].

Необходимо отметить, что выступавшие депутаты-крестьяне были в основном из западных губерний, то есть районов, где общины уже не было или она находилась в стадии разрушения. Для них этот закон фактически фиксировал уже сложившееся положение вещей и давал этому процессу законодательную базу.

С 24 ноября Дума перешла к постатейному чтению законопроекта. Наибольший отклик у националистов вызвала ст.2 законопроекта, которая затрагивала вопрос о личной или семейной собственности на землю. Товарищ министра внутренних дел Лыкошин заявил, что правительство считает принятие принципа личной собственности безусловно необходимым и думает, что если бы была введена семейная собственность, то это было бы худшим игом, чем иго общины. В поддержку правительства высказались граф Бобринский В.А., Коваленко, Беляев, Червинский. Отстаивая принцип личной собственности, Беляев отмечал, что «нельзя в законе объявить, что крестьянин-отец не может отдать своего наделного участка или продать, или заложить без согласия своих сыновей, дочерей. Ни одно писаное законодательство ничего подобного не знает. Семейная собственность есть либо фраза, либо институт патриархального быта, неписаного права, т.е. обычая» [6]. Противники этого правила высказали мнение, что подобный закон окончательно разрушит семейный быт земледельца, приведет к растрате домохозяином его имущества. «Все пропьют», как выражались выступавшие.

В защиту этой статьи выступил П.А. Столыпин, отстаивавший личное право домохозяина распоряжаться землей. Он говорил, что когда мы пишем закон для всей страны, надо иметь ввиду разумных и сильных, а не пьяных и слабых. В ответ на эти же опасения Червинский замечал: «С этой кафедры нам очень много говорили о пьяных крестьянах, которые, по видимому, только и ждут закона о личной собственности, чтобы пропить и промотать свою землю. В Юго-западном крае всегда существовало и существует подворное участковое владение на правах личной собственности, как и в Северо-западном крае. Эти губернии ссужали такие многоземельные губернии, как Самарская и Саратовская, притом капиталами миллионными, и теперь они в долгу. Этими чертами своего характера крестьяне Юго-западного края, кроме иных всяких причин, разумеется, обязаны так-

же и фактору экономическому, заключающемуся в отсутствии гнета общины и в развитии начал индивидуализма. Трудолюбие, бережливость и чувство личного достоинства возникают на почве личной самостоятельности, возможной лишь при условии личной собственности» [7].

Дальнейшие статьи проекта не вызывали столь обширных прений. Националисты, как правило, присоединялись к поправкам октябристов, как это было, например, с предложением Дмитрюкова. Законопроект был принят голосами центра и правых.

Таким образом, в подходе к оценке указа 9 ноября националисты и умеренно-правые рассматривали эту проблематику существенно шире, акцентируя не только чисто экономические достоинства столыпинского землеустройства, но и освобождение от гнета общины личности крестьянина и утверждения в его сознании принципов неприкосновенности частной собственности. «Мы, провинциалы, – вспоминал В.В. Шульгин, – твердо стали вокруг Столыпина и дали ему возможность вбивать в крепкие мужицкие головы сознание, что земли «через волю» они не получают, что грабить землю нельзя – глупо и грешно, что земельный коммунизм непременно приведет к голоду и нищете, что спасение России в собственном, честно полученном куске земли – в «отрубках» и «хуторах»... ибо тогда из вечного Стеньки Разина он станет гражданином» [8].

Литература

1. Государственная Дума. Созыв III. Стенографический отчет. Сессия 2. Часть 1. СПб., 1909. Стб. 491
2. Там же. Стб.851
3. Государственная Дума. Созыв III.Стеногр.отчет. Сессия 2. Часть 2.СПб., 1909. Стб.1253.
4. Государственная Дума. Созыв III.Стеногр.отчет. Сессия 2. Часть 1.СПб., 1909. Стб.1313-1314.
5. Там же. Стб.1320-1321.
6. Там же. Стб.2020-2022.
7. Там же. Стб.2380-2381.
8. Шульгин В.В. Дни. М., 1989. С.111

ОКТАБРЬ 1917 Г. В СУДЬБЕ УМЕРЕННЫХ НЕОНАРОДНИКОВ

Самара. Самарский государственный педагогический университет

Захват власти большевиками в октябре 1917 г. рассматривался в советской историографии как единственный выход из общенационального кризиса и начало постепенного движения к социализму. Наряду с этим события Октября 1917 г. характеризовались как Великая Октябрьская социалистическая революция, которая знаменовала начало новой эпохи – эпохи социалистических революций. Считалось, что Октябрьское вооруженное восстание было совершено под руководством партии большевиков петроградским пролетариатом и поддерживавшей его наиболее сознательной частью петроградского гарнизона. Говорилось о «повсеместной» поддержке революции [1]. В настоящее время не только в зарубежной [2], но и в отечественной [3] историографии закрепляется позиция, согласно которой Октябрьские события рассматриваются не как революция, а как насильственный захват власти большевиками, как переворот. Изучение деятельности и воззрений умеренных неонародников, которые являлись не только участниками, но и одними из первых историографов данных событий, позволяет лучше понять свершившееся в Октябре 1917 г.

События, связанные с захватом власти большевиками в Петрограде, умеренные неонародники (Трудовая народно-социалистическая партия, ТНСП, народные социалисты, энесы) рассматривали не как революцию, а как «мятеж», «переворот» против законной власти, который, по их мнению, лишь указывал на «необходимость реорганизации власти» [4]. Энесы резко осудили октябрьский переворот, оценивая его как «генеральное сражение, данное демократии антигосударственными элементами слева». Народные социалисты активно участвовали во всех легальных формах протеста. Они призывали к защите законной революционной власти в лице «Временного правительства», к противодействию большевикам. По свидетельству члена ТНСП Д.А. Лутохина, лидеры энесов А.В. Пешехонов и Н.В. Чайковский выступили инициаторами «хождения городской думы к Зимнему дворцу для спасения Временного правительства» [5]. Народные социалисты участвовали в создании Предпарламентом «Всероссийского комитета спасения родины и революции». В этом комитете энесы последовательно отстаивали свою непримиримую позицию по отношению к большевикам [6]. На следующий день после захвата власти большевиками печатный орган ТНСП «Народное слово» опубликовал воззвание «Всероссийского комитета спасения Родины и революции», призывавшее к вооруженному сопротивлению и кампании гражданского неповиновения. Воз-

звание было подписано и лидерами ТНСП [7]. 28 октября «Народное слово» опубликовало воззвание с призывом к рабочим и солдатам сложить оружие и сдать войскам Временного правительства [8].

Особенно большую активность проявили столичные энесы. В дни большевистского мятежа проводились почти ежедневные заседания не только ЦК ТНСП, но и Бюро местных петроградских комитетов. Народные социалисты Петрограда участвовали в Комитетах Спасения Родины и Революции. Петроградские энесы явились инициаторами принятия Городской думой резолюции, осуждающей большевистское восстание [9]. ЦК ТНСП издал ряд листовок и прокламаций с призывами к борьбе против большевиков.

Такие же призывы звучали и со страниц всех газет ТНСП. Главным для народных социалистов становится лозунг «Долой большевиков!» [10].

Первоначально энесы считали, что Октябрьский переворот может иметь лишь «временный успех». 26 октября А.В. Пешехонов и Н.Д. Набоков как руководители Совета республики посетили английского посла Бьюкерена и обещали, что выступление большевиков будет подавлено [11]. Основания для таких заверений были. Комитет спасения Родины и Революции за один день проделал большую организационную работу: установил связи почти со всеми воинскими частями, а также с военными подразделениями, находящимися в Петрограде. Комитет готовил антибольшевистское выступление в Петрограде. Однако члены Комитета единодушно решили подождать еще хоть день, так как каждый час увеличивал силу и организованность Комитета. Кроме того, член ЦК ТНСП В.Б. Станкевич, являвшийся в октябре 1917 г. комиссаром при Ставке Верховного главнокомандующего и находящийся в то время в Петрограде, получил донесение, что отряд А.Ф. Керенского начнет наступление на Петроград лишь через день. Для нанесения согласованного удара по большевикам решили подождать. Однако вскоре стало известно, что большевики готовятся произвести разоружение юнкеров, то есть собираются нанести удар по главным силам Комитета спасения. Чтобы предупредить удар большевиков, Комитет спасения решил начать восстание против большевиков немедленно. Однако, проведенное наспех, восстание не имело успеха. «Неожиданная слабость наших сил и неожиданная энергия, развитая большевиками, казались нам ошеломляющими», - вспоминал об октябрьских событиях В.Б. Станкевич [12]. Позднее Станкевич дал определенное объяснение причин поражения антибольшевистского восстания: «Провал восстания, быть может, отчасти мог быть объяснен и техническими моментами. Организация антибольшевистских сил была создана наспех. Не было ни достаточного количества телефонов, ни продуманного и планомерного распределения ролей. Много личных сил, недостатка в которых не чувствовалось, пропадало не использованными» [13]. При этом Станкевич сетовал по поводу того, что эти силы не были использованы в день восстания

большевиков, когда в руках правительства был весь технический аппарат власти и штаба. Тогда бы результат восстания, полагал Станкевич, был бы иной [14]. Однако факты, приводимые в воспоминаниях другого члена ЦК ТНСП, являвшегося в то время одновременно и членом военной организации Комитета спасения, В.И. Игнатъева, показывают, что поражение данного восстания было предрешено. «Юнкерское восстание в Петрограде организовала военная организация Комитета спасения без ведома Пленума Комитета. Военная организация и юнкера поверили в твердость и неуклонность линий поведения Комитета. Девять десятых Комитета было в стороне от выступления, и в нужный момент это движение не поддержало. Казаки тоже не сдержали обещания и не выступили». Тогда, - продолжает Игнатъев, - член ЦК ТНСП и, в то же время, член Комитета спасения Чайковский (вместе с Авксентьевым) поехал к Дутову и умолял его «сдержать слово и двинуть казачьи части на помощь юнкерам: казаки не пошли, юнкера погибли, а прибывшие с фронта делегаты и рабочие массы Петрограда не были вовлечены в это дело, потому что Комитет еще не самоопределился. Часть массы пошла и погибла» [15]. Керенский так и не привел войска с фронта. А Комитет спасения Родины и Революции, воспринявший преемственно власть от Керенского, оказался бессильным создать новое правительство, не сумел взять на себя руководство движением. Постепенно Комитет «стал рассасываться», его деятельность стала «замирать» [16].

Рассматривая петроградские события именно как «мятеж», народные социалисты выражали надежду, что власть большевиков не распространится быстро по России. В связи с этим они полагали необходимым всем «здравомыслящим» людям объединиться вокруг определенного центра и дать организованный отпор «группке захватчиков», как они называли большевиков. 28 октября состоялось совещание ЦК ТНСП, которое приняло решение о необходимости энергичного отпора большевикам. Совещание высказалось за желательность воссоздания в Москве «Временного правительства», вокруг которого и консолидировались бы все антибольшевистские силы. При этом указывалось на незамедлительность противодействия большевикам, пока их власть не распространилась широко [17]. Еще накануне, 27 октября, делегация народных социалистов во главе с С.П. Мельгуновым и В.В. Волк-Карачевским обратилась с предложением о воссоздании Временного правительства в Москве к московскому городскому голове [18]. 29 октября центральный орган ТНСП «Народное слово» призвал демократические силы к защите законной революционной власти, а также к сплочению вокруг истинных представителей демократии – Всероссийского комитета спасения Родины и Революции: «Все к объединению сил демократии, все к самозащите! Долой насильников, для вас не должно быть ни одного их приказа!» [19]. Однако организовать отпор большевикам в Москве тоже не удалось.

1 ноября состоялось заседание ЦК ТНСП. Обсудив факт продолжающегося содержания под стражей буржуазных членов Временного правительства, в то время как министры-социалисты отпущены на свободу, ЦК выразил протест против такого насилия и принял следующую резолюцию: «Все члены Временного правительства обязаны между собою одинаковою и солидарною ответственностью перед русской демократией, поставившей у власти в самый ответственный и опасный момент. В виду этого, освобождение одной части министров и дальнейшее содержание под стражей другой может быть рассматриваемо не иначе, как самый грубый произвол, как ничем не прикрытое преследование своих политических противников за их убеждения». При этом ЦК решительно высказался против какого бы то ни было соглашения с большевиками. Заседание отметило, что даже те социалистические партии, для которых такое соглашение приемлемо, не должны входить в какие бы то ни было переговоры с захватчиками власти до тех пор, пока всем членам Временного правительства не будет возвращена свобода [20].

На этом же заседании ЦК ТНСП обсуждался вопрос о возможности конструировать новую власть на основе соглашения всех социалистических партий, включая большевиков. Состоявшийся обмен мнений показал полное единомыслие членов комитета. Все члены комитета осудили большевистский переворот, характеризуя его как «авантюру». Большинством голосов против одного при двух воздержавшихся была принята резолюция, в которой говорилось, что новая власть может быть создана только в преемственной связи с Временным правительством и что всякие соглашения с большевиками на этой почве партия решительно отвергает [21].

Осуждение большевистского переворота было вынесено не только Центральным комитетом ТНСП, но и местными комитетами. Многие местные комитеты, узнав о захвате власти большевиками, провели заседания, на которых осудили большевистский переворот и выразили надежду на скорейшее восстановление законной революционной власти. Анализ резолюций ЦК ТНСП и местных комитетов показывает, что они очень созвучны, несмотря на то, что местные комитеты вырабатывали резолюции самостоятельно, без указаний ЦК партии. Это говорит о том, что энесы были едины в своем осуждении Октябрьского переворота. Так, комитет Вологодской областной группы ТНСП на заседании 27 октября, обсудив события в Петрограде и выражая свой взгляд на работу большевиков в стране, поставил разрушительную деятельность большевиков «на одну доску» с царизмом. ЦК Вологодской группы ТНСП выпустило «Обращение к гражданам г. Вологды», в котором говорилось: «Как царизм умышленно держал душу народа в потемках, так большевизм опустошил и развратил эту душу, сделав из доброго всепрощающего пахаря громилу и зверя... Последние события только ярче и конкретнее подтвердили давно уже высказываемые указания на тождество домогательств большевиков со стремле-

ниями Германского Генерального штаба. Вологодская областная группа Трудовой народно-социалистической партии полагает, что за все преступления, творимые сегодня по лицу земли русской, ответственен не народ, а группы, вдохновляемые большевиками. Все их выступления следует считать откровенной контрреволюцией» [22].

3 ноября состоялось заседание комитета Василеостровской группы ТНСП города Петрограда в составе 41 человека. Обсудив текущий момент, заседание вынесло следующую резолюцию: «Считая, что захватившие власть большевики есть узурпаторы и насильники и что с ними не возможно никакое соглашение, общее собрание членов Трудовой народно-социалистической партии Василеостровского района признает необходимым для всех социалистических партий, разделяющих ту же точку зрения, в интересах Родины и Революции, войти между собою в самое тесное единение для содействия установлению законной власти «от народа» и для противодействия преступным выступлениям против такой власти, откуда бы те не исходили» [23].

4 ноября Петроградский комитет выразил свой протест против приказа военно-революционного комитета об аресте А.Ф. Керенского и, в то же время, глубокое удовлетворение по поводу того, что «главе Временного правительства удалось при трагически сложившихся обстоятельствах уйти от рук насильников и избежать «суда» кучки врагов родины и революции, на время захвативших власть». Вместе с тем, комитет выразил крайнее негодование по поводу клеветнической кампании и травли, ведущейся большевиками против личности А.Ф. Керенского, которого энесы рассматривали как «искреннего и стойкого защитника интересов демократии, имеющего перед родиной и революцией незабываемые исторические заслуги» [24].

Умеренные неонародники выступали за немедленные антибольшевистские действия. Для их организации они пытались воссоздать законную власть в стране. С этой целью было создано подпольное Временное правительство, действовавшее в октябре-ноябре 1917 г. в Петрограде. Возглавлял это правительство народный социалист А.А. Демьянов. Правительство состояло из заместителей арестованных министров. Кроме того, согласно воспоминаниям Демьянова, несколько человек из канцелярии бывшего Государственного Совета приходили на заседания Совета подпольного Временного правительства, чтобы помочь ему в работе и, таким образом, поддерживать законную власть в стране в лице Временного правительства [25]. Именно на квартире энеса Демьянова на улице Бассейной проходили первоначально заседания Малого Совета Министров, который умеренные неонародники рассматривали как единственного представителя законной российской власти, хотя и низвергнутой [26]. Народные социалисты приняли активное участие в мероприятиях «Комитета спасения родины и революции» по бойкоту большевиков в правительственных учреждениях. Этот комитет действовал открыто. Однако «у Комитета спасения родины и

революции» не было абсолютно никаких средств на ведение какой бы то ни было борьбы с большевиками, - отмечал позднее А.А. Демьянов. Слабость этого комитета была очевидной и большевики мало обращали на него внимание [27]. Указанные две организации (подпольное Временное правительство и «Комитет спасения родины и революции») первоначально не знали о существовании друг друга. Однако в результате переговоров между двумя энесами А.А. Демьяновым и Л.М. Брамсоном, игравшими значимую роль соответственно в подпольном Временном правительстве и в «Комитете спасения родины и революции», была признана необходимость налаживания взаимоотношений между этими организациями. Демьянов доказывал, что «Комитет» не может действовать на всю Россию, он предназначен только для Петрограда. Нужна же власть всероссийская; таковая имелась в лице Временного правительства, которое вовсе не умерло и которое действует. При этом Демьянов скрыл от Брамсона, что в распоряжении Совета Министров находится еще государственный фонд (а это, безусловно, было немаловажно для организации всероссийской власти и антибольшевистской борьбы). Демьянов доказывал Брамсону, что нужно признать подпольное Временное правительство. Брамсон поддержал точку зрения Демьянова и сообщил в «Комитете» о подпольном Временном правительстве. Все члены «Комитета» поддержали позицию Демьянова о значимости этого правительства единогласно. Тогда Демьянов доложил о решении «Комитета» в Совете Министров. В ответ на это члены Совета Министров решили пригласить делегатов Комитета на заседание Совета, и обменяться мнениями по поводу политического момента [28]. «Приблизительно 10-13 ноября» произошло совместное заседание этих организаций на квартире графини Паниной [29]. Демьянов вспоминал позднее, что у него сохранилось впечатление от этого заседания «не в пользу Совета»: «Мне очень не нравилось то, что члены Совета говорили с представителями Комитета как-то свысока, то - есть как люди, больше понимающие в политике, чем их собеседники. А было как раз наоборот. Всякие разногласия, какие возникали между Советом и комитетом, члены комитета старались по возможности сгладить. Они шли на все уступки – идти вместе» [30]. Для дальнейшего отлаживания отношений с комитетом Совет избрал Демьянова и Никитина [31].

Характерными чертами деятельности подпольного Временного правительства, ставившего своей целью подавление выступления большевиков и восстановление прежней власти, были нерешительность, отсутствие реальных действий. Говоря позднее о составе данной организации, Демьянов отмечал, что в ней были люди, «удел которых был критиковать и писать свои критики, а не действовать. Действенных между ними не оказалось» [32]. Вместе с тем, энесы полагали, что складыванию реального единого антибольшевистского фронта мешала и межпартийная борьба в «Комитете спасения». Поэтому насущную задачу момента они видели в «сближении

партий и частей их, не зараженных большевизмом» и стоящих «на почве государственности» [33]. Следующей задачей антибольшевистской борьбы энесы считали создание «коалиции живых сил страны». При этом они отмечали, что характер коалиции может меняться, но направленность ее должна быть неизменной: «весь фронт – против большевиков». На этом этапе энесы считали необходимым основываться и «на элементах, стоящих правее ТНСП, пограничное положение которой обязывает ее стремиться к объединению всех сил, способных вывести страну из переживаемого положения [34]. Данный этап был связан с участием народных социалистов в деятельности «Союза защиты Учредительного собрания» (создан 23 ноября), в который входили партии эсеров и меньшевиков, ТНСП, Исполком совета крестьянских депутатов, ЦИК совета рабочих и солдатских депутатов первого состава, представители центральной городской и районной дум Петрограда, некоторых профсоюзов [35]. Кадетская партия рассматривалась энесами как «непременный член» этой организации. Поэтому, когда в ноябре большевики объявили кадетов врагами народа, народные социалисты выступили с протестом против «гонения на кадетов и умаления прав Учредительного собрания» [36]. «Союз защиты» проводил активную антибольшевистскую кампанию, митинги, лекции, собрания, собеседования; издавал листовки и воззвания; организовал курсы по «общественным вопросам»; созывал рабочие конференции из представителей партии, профсоюзов и других рабочих организаций [37].

Вскоре после захвата власти большевиками в ТНСП оформились две позиции.

Сторонники первой позиции в ТНСП наибольшую опасность видели в большевизме. Эту позицию наиболее последовательно отстаивали Чайковский, Мякотин, Мельгунов. Они считали, что необходимо создать условия для вооруженной борьбы с большевиками, свергнуть их власть и только после этого бороться с Германией [38].

Сторонники второй позиции наибольшую опасность видели в Германии и считали первоочередной задачей наладить оборону страны. Эту позицию выражали люди, хорошо знающие ситуацию на фронте, такие как В.Б. Станкевич. Так, когда началось очередное наступление немцев на фронте, Станкевич на Совещании ЦК 10 февраля поставил вопрос о возможности бороться против немцев вместе с большевиками. Мнения разделились по принципу двух групп: энесов и трудовиков. Энесы не допускали никаких совместных действий с большевиками, а трудовики, за исключением Н.В. Чайковского и В.В. Водовозова, выступали за компромисс. Большинство голосов предложение Станкевича было отвергнуто. На следующий день состоялось совместное заседание ЦК и Петроградского комитета. Поскольку на данном заседании присутствовало трудовиков больше, чем энесов, то при обсуждении того же вопроса прошла резолюция трудовиков. В ответ на это А.В. Пешехонов, В.А. Мякотин и другие лиде-

ры заявили о своем выходе из ЦК. Выход лидеров означал для ТНСП развал, так как их авторитет был высок не только в партии, но и в обществе. Поэтому было созвано третье совещание ЦК, которое решило вопрос в пользу народных социалистов. Позднее Станкевич вспоминал: «Мой поступок вызвал такое возмущение в партии, что мне пришлось заявить о своем уходе из комитета» [39].

Таким образом, верх одержали сторонники первой позиции. Они считали, что выход из создавшейся политической ситуации невозможен в форме образования классовой власти: «не диктатура одного класса нужна стране, а правительство, способное довести ее до Учредительного собрания, правительство, которое могло бы работать в атмосфере более или менее общего доверия к нему [40]. Стремясь найти выход из создавшегося положения и организовать борьбу с большевиками, энесы в ноябре 1917 г. обратились к идее создания «однородной демократической власти», выдвинутой эсерами и меньшевиками. Воплощение этой идеи, по мнению народных социалистов, позволило бы, во-первых, выполнить «тяжелую» работу по «доведению страны до Учредительного собрания»; во-вторых, «отмежеваться от большевизма» и, в-третьих, обеспечить «преемственность власти» [41]. При этом, в отличие от меньшевиков и эсеров, которые допускали вероятность заключения соглашения с большевиками, энесы изначально отказывались вести какие-либо переговоры с большевиками [42].

Однако левые эсеры, не желая терять доступ к власти, повели политику создания союза большевиков со всеми «социалистическими» партиями. На Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов, пользуясь большинством, левые эсеры провели решение об организации власти из всех социалистических партий, от народных социалистов до большевиков включительно. Большевики считали, что создание единого правительства с энесами и правыми эсерами ослабит позиции большевиков в правительстве. Поэтому они пошли на определенную хитрость: в резолюции о создании «однородного социалистического правительства» они добились включения слов о том, что власть организуется на основе решений II съезда Советов. В результате народные социалисты, правые эсеры и другие партии, отказавшиеся признать решения II съезда Советов, оказались вне правительственной коалиции. В то же время, вхождение левых эсеров в состав правительства ослабило антибольшевистские силы.

Умеренные неонародники последовательно отстаивали свою непримиримую позицию по отношению к большевикам во всех организациях, в том числе и в «Викжеле» (Всероссийский исполнительный комитет союза железнодорожных служащих), являвшегося, как отмечал П.Н. Милюков, «третьей силой», «несравненно более могущественной и действительно заставившей стороны идти на переговоры» [43]. Викжель выступил посредником в переговорах Исполнительного комитета Викжеля с Центральными комитетами социалистических партий и с «Комитетом спасения родины и

революции». 29 октября в помещении Викжеля состоялось совещание представителей социалистических партий. Однако делегатов от ТНСП на нем не было, так как энесы не приняли выдвинутую Викжелем идею о создании «однородного социалистического министерства» от энесов до большевиков включительно. Они характеризовали такую форму власти как «нечто мертвое, совершенно нежизненное, нереальное, не больше, как *quasi una fantasia*» и отказались вести переговоры с большевиками об организации данной формы государственной власти [44]. Не все члены партии разделяли данную позицию. Так, например, Станкевич в Ставке высказался за переговоры с Викжелем. Когда 31 октября А.Ф. Керенский проводил совещание с представителями партий и комиссарами по поводу предложения «Викжеля» о прекращении гражданской войны и образовании однородного революционного правительства, то Станкевич, в числе большинства присутствующих, высказался за переговоры. По воспоминаниям Савинкова, Станкевич заявлял даже, что «на большевиков он не смотрит как на изменников и что он даже полагал бы возможным назначить прапорщика Крыленко своим помощником... Государственные интересы требуют немедленного соглашения с большевиками и образования на основе этого соглашения нового министерства» [45]. Присутствующий на этом совещании Краснов тоже передавал, что «Станкевич полагал, что сговориться с большевиками все-таки можно» [46]. Однако в ТНСП не знали о данной позиции Станкевича и поэтому никакого партийного инцидента не возникло. В том же случае, когда об отходе от партийной платформы становилось известно членам партии, неминуемо следовало строжайшее наказание. Более того, энесы исключили из партии члена ЦК ТНСП адвоката В.А. Плансона за то, что он пошел против решения партии по вопросу о создании однородного правительства. Являясь членом Исполнительного комитета Викжеля, В.А. Плансон поддержал постановление Викжеля о соглашении между всеми социалистическими партиями, не исключая большевиков (внутри Викжеля). В.А. Плансон был направлен в Царское Село в числе других делегатов от Викжеля для переговоров с А.Ф. Керенским. Когда В.А. Плансон вернулся от Керенского, он на совещании Исполнительного комитета, на котором присутствовали и большевики, дал характеристику общего положения, настроений на фронте и отношения к А.Ф. Керенскому [47]. ЦК ТНСП осудил поведение В.А. Плансона с «моральной» и «политической» точек зрения, обвинил его в нарушении «партийных директив и в том, что он «сыграл для большевиков роль лазутчика» [48]. ЦК ТНСП характеризовал поведение В.А. Плансона как «политическую некорректность» и исключил его из партии. В.А. Плансон подал апелляцию в ЦК ТНСП, но, несмотря на то, что за него ходатайствовали члены Исполкома Викжеля, ЦК признал «излишним заниматься пересмотром своего прежнего решения» [49].

Такая позиция умеренных неонародников породила в советской историографии утверждение, что своим поведением ТНСП, как и другие партии, «сами поставили себя по другую сторону баррикад» [50]. Тем самым ТНСП в числе прочих партий обвинялась в срыве реализации идеи создания однородного социалистического правительства. Конечно, как указывалось выше, энесы сразу не приняли идею о создании однородного социалистического правительства. Однако хотелось бы при этом обратить внимание и на тот факт, что РСДРП (б) тоже изначально сделала все, чтобы эта идея не реализовалась. Так, приняв решение вступить в переговоры с Викжелем о расширении состава правительства и ВЦИК, ЦК РСДРП (б) выдвинул как платформу переговоров обязательное признание решений съезда Советов и его декретов, то есть энесы и правые партии согласно решениям II съезда Советов исключались из числа партий, имеющих шанс войти в правительство.

Народные социалисты пытались противодействовать большевикам различными средствами. Член ЦК ТНСП Л.М. Брамсон, являясь председателем финансового отдела Петроградского Совета, скрыл средства ЦИК от большевиков. 14 декабря 1917 г. в Петрограде состоялся революционный трибунал, который рассмотрел дело Л.М. Брамсона. Он обвинялся не только в попытке скрыть средства ЦИК, но и в том, что опубликовал в газете «Революционный набат» и других изданиях целый ряд статей, «дискредитирующих рабоче-крестьянское правительство». ТНСП развернула вокруг процесса шумную кампанию, стремясь превратить его в суд над большевиками. На суде присутствовали члены ЦК ТНСП. Пешехонов и Шаскольский выступали в качестве свидетелей. Их выступления носили антисоветский характер. Брамсон открыто признал, что стремился к свержению правительства народных комиссаров и отказался сдать средства ЦИК. Ревтрибунал вынес «общественное порицание и презрение» Брамсону. Газета «Революционный Набат» была закрыта, а имущество ее было конфисковано в пользу Советской республики [51].

По мере укрепления власти большевиков и неудач антибольшевистских выступлений, народные социалисты, стремясь понять произошедшее в Октябре 1917 г. и создать действенный противовес большевикам, уже более глубоко анализировали политическую ситуацию и пытались выявить причины победы большевиков.

По мнению умеренных неонародников, новая явленная «диктатура пролетариата» являлась на самом деле диктатурой группки захватчиков власти, прикрывающих свои действия именем рабочих и крестьян. И не так уж важно, искренни или фальшивы официальные заявления большевиков, так как по мере удаления от исходной точки они обречены считаться не с этими заявлениями, а с реальной обстановкой. Советскую власть энесы рассматривали как «реставрацию старого аппарата принудительной власти, замещение Бурбонов Бонапартами». Успех большевиков народные со-

циалисты объясняли прежде всего популистским характером их лозунгов, увлекавших темные массы. Они отмечали, что большевики, прежде всего Ленин и Троцкий, вносили в политическую борьбу элемент личной страсти. Других приходилось уговаривать, убеждать, и власть они брали скорее из чувства долга, чем из страсти властвовать. В этом смысле Ленин был вне конкуренции. Однако можно не сомневаться, пророчески писал А. Петрищев, что в ближайшее время толпа выдвинет конкурентов, «не менее Ленина одержимых страстью властвовать» [52]. Позднее, в эмиграции, В.А. Мякотин, анализируя октябрьские события, пытался понять феномен большевиков: «какая идея могла привести их к власти; а главное, помогла им удержать эту власть? Но при всем старании, - писал Мякотин, - я такой идеи не мог открыть... Я видел в лице большевиков власть, утверждавшую себя исключительно насильем и обманом, мертвившую все, к чему она не прикасалась» [53]. Мякотин считал, что в Октябре 1917 г. захватила власть группа «насильников» и смогла она сделать это, лишь воспользовавшись революционным движением социальных низов. Рабоче-крестьянской власти не существовало. Это были всего лишь слова, используемые для завоевания доверия и поддержки народа и для юридического прикрытия (весьма плохого) совершавшихся беззаконий. «Страной управляли ни кем не избранные люди» [54].

Тем не менее, народные социалисты не сводили все к популизму большевиков.

Одной из причин победы большевиков умеренные неонародники считали ошибки Временного правительства, отмечая, что оно медленно создавало органы самоуправления, государственного принуждения, новую армию, проявляло «колебания и внутреннюю несогласованность». Энесы отмечали, что Временное правительство «государственной властью – в истинном смысле этих слов – не было; это был только символ власти, носитель ее идеи, в лучшем случае зародыш» [55]. Народные социалисты критиковали Временное правительство и лично Керенского за неумение справиться с надвигающейся революцией и «вовремя задержать подстрекателей к погрому». При этом они обращали внимание на то, что «Керенский больше опасался «правого» переворота, чем «левого». Энесы упрекали Керенского за то, что он накануне большевистского переворота, вместо того, чтобы арестовать лидеров большевиков, предпочитал бороться с кадетами, закрыв их газету [56].

Однако не все умеренные неонародники разделяли такое мнение. В эмиграции Демьянов в своих неопубликованных черновых набросках к различным воспоминаниям писал: «Можно ли винить Временное правительство, что оно недостаточно оценило в свое время Ленина как личность?.. этого значения никто в свое время не оценил, как не оценили и значение самой революции и ее последствий. А если и оценили бы, то и тогда ничего нельзя было бы сделать, ибо против революционной стихии

все средства были бы бессильны» [57]. При этом Демьянов обращал внимание на то, что Временное правительство как демократическое правительство не могло выслать Ленина за границу и прекратить большевистскую пропаганду. Более того, с привлечением Ленина к уголовной ответственности как немецкого агента отпадала необходимость принимать по отношению к нему меры административного воздействия (однако Ленину удалось избежать ареста). Демьянов также отмечал, что открытая пропаганда большевиков велась среди населения Петербурга, в менее интенсивной форме в Москве и в самой интенсивной форме среди войск, где она и нашла своих последователей, доставивших в конце концов большевистской партии успех. «Но чем обуславливался этот успех? – рассуждал дальше Демьянов. – Было бы ошибочно утверждать, что идейной стороной учения большевиков. Сущностью аналога большевистского учения мало кто интересовался, но за ними все-таки шли, потому что они призывали прекратить войну. А этого прекращения и войско, и народ ждал. Лозунг – долой войну создали не Ленин и его последователи, но этим лозунгом, этим криком души народной воспользовался Ленин и большевики в целях достижения ими власти. И без Ленина этот лозунг стал вершителем чаяния народа. Мы не можем гадать, в какую форму вылилось бы в отсутствие Ленина это требование, в какой бы форме оно осуществилось бы на деле, но с достаточной достоверностью можно утверждать, что Временное правительство при его последовательном проведении мысли – войну продолжать и даже до победного конца не могло бы дальше существовать» [58].

Важной причиной победы большевиков, по мнению умеренных неонародников, являлось отсутствие действительной поддержки со стороны тех, кто формально заявил о своей солидарности с правительством [59]. Станкевич сумел выделить, на наш взгляд, весьма важную причину поражения борьбы с большевиками: «борясь с большевиками, все боялись быть смешанными с Правительством» [60]. Станкевич вспоминал, что когда он при формулировке политических целей антибольшевистской акции в Комитете Спасения Родины и Революции поднял вопрос о необходимости заявления, что борьба идет за восстановление правительства, низвергнутого большевиками, то никто его не поддержал. «Все указывали, что, при непопулярности Правительства в стране, лучше о нем совершенно не упоминать» [61].

Причиной успеха большевиков энесы считали также отсутствие в стране «единого революционного фронта», что привело в конечном итоге к борьбе «крайних крыльев» политического лагеря. Поскольку «единая цепь» политических сил была разорвана, то «промежуточные звенья», которые призваны были сдерживать эти «крайние крылья», не сработали [62]. Более того, признавал позднее Станкевич, «члены одной и той же партии не могли столкнуться между собой, потому что такой разброд мнений был повсюду, быть может, в душе каждого человека» [63].

Следующая причина, полагали умеренные неонародники, была порождена характерными особенностями российской интеллигенции. Условия российской действительности определили такую черту интеллигенции как «теоретико-идейный максимализм и полное игнорирование условий реальной жизни» [64]. Это обусловило склонность интеллигенции к крайне радикальным действиям.

Позднее, в эмиграции, А.В. Пешехонов выделял еще одну причину успеха большевиков, проистекающую из особенностей российских условий и российской интеллигенции. Он писал, что в конце первого месяца Февральской революции «нахлынули и начали руководить событиями в качестве главарей левых партий эмигранты и ссыльные, в общем очень мало знавшие русскую действительность и, главное, непосредственно не ощущавшие ее» [65].

Выявляя причины победы большевиков, народные социалисты не снимали ответственности и со своей партии. Считая себя «трезво мыслящими» политиками, энесы корили себя за то, что не смогли сплотить силы для противодействия большевикам, а также за то, что будучи представленными во Временном правительстве, не сумели подтолкнуть его к более действенным мерам, которые смогли бы смягчить общественные противоречия.

Наиболее системный анализ октябрьских событий 1917 г. осуществил в эмиграции С.П. Мельгунов, являвшийся не только членом ЦК ТНСП и непосредственным участником этих событий, но и профессиональным историком. Крайне негативно оценивая свершившееся в Октябре 1917 г., Мельгунов считал, что «другими путями мы скорее бы пришли к этим завоеваниям, с меньшими жертвами, с меньшим бесчестием для нашего времени» [66]. В своей фундаментальной работе «Как большевики захватили власть» Мельгунов рассмотрел не только сам «переворот», но и время его подготовки [67]. Мельгунов отмечал, что в Октябре 1917 г. наступила «новая эпоха, не связанная с основными идеями революции 17 года», то есть Февраля [68]. В Октябре столкнулись большевики, не скрывавшие стремления установить диктатуру своей партии и «революционная демократия» - социалистические либерально-демократические партии. Последний лагерь «был ослаблен неспособностью организовать подлинное сопротивление тем, кто еще вчера считался соратником по борьбе с самодержавием». Революционная мифология, инерция «борьбы с царизмом» мешали объединиться силам для борьбы с большевизмом. В своей работе Мельгунов опровергал идеи «закономерности» и «неизбежности» так называемой «Великой Октябрьской социалистической революции», уже утвердившиеся в советской историографии к моменту выхода его работы. Мельгунов считал, что Октябрь 1917 г. можно было предотвратить: «Октябрь не был реализацией Февраля»... «неизбежным» захват власти большевиками сделали лишь ошибки тех, кто могли его предотвратить» [69]. При этом Мель-

гунов показал, что правительство в растерянности бездействовало, а представители революционной демократии не придавали серьезного значения большевистской «авантюре» и гораздо больше, чем выступления «большевиков», опасались выступления «контрреволюционных» или «черносотенных реакционных сил». Созданный в Петрограде Комитет спасения должен был действовать в контакте с Временным правительством, но вся его «деятельность» выражалась в бесконечных и бесплодных переговорах с борющимися сторонами. В столице было три казачьих полка, но с казаками Временное правительство находилось в состоянии конфликта: «казаки боялись Керенского, а Керенский боялся казаков» [70]. В Петрограде было несколько десятков тысяч офицеров, но Временное правительство не решилось прямо призвать их к вооруженной борьбе против большевиков: то ли оно растерялось, то ли опасалось, как бы не вышло «контрреволюции» или каких-нибудь «эксцессов», - предполагал Мельгунов. В результате Временное правительство оказалось совершенно изолированным и бессильным, и на защиту его собрались в Зимнем дворце только несколько сот юнкеров да «ударниц» женского батальона. Однако и эти немногочисленные защитники вскоре обнаружили, что для защиты не заготовлено ни боевых, ни продовольственных запасов, и к вечеру стали помаленьку расходиться и эти «защитники». Мельгунов подчеркивал, что большевики пытались привлечь массы на свою сторону не программой коммунизма, а тезисом – оборона Петрограда. Показывая отсутствие массовой поддержки большевиков со стороны петроградского пролетариата и петроградского гарнизона, Мельгунов доказывал, что приход большевиков к власти был ничем иным как «переворотом», «мятежом» [71].

Считая пребывание большевиков у власти гибельным для России, умеренные неонародники продолжали вести борьбу за свержение их власти и на фронтах Гражданской войны, и в эмиграции.

Октябрь 1917 г. сыграл трагическую роль в судьбе умеренных неонародников, – он вновь поставил их в оппозицию к власти. Представляется, однако, неправомерным говорить в связи с этим о «кризисе» или «крахе» ТНСП, как это делалось в советской историографии. Понятие «кризис» или «крах» партии включает в себя и внутрипартийную составляющую (крах социальной теории, тактики партии, ее организационный кризис и т.п.). В условиях диктатуры пролетариата большевики вели политическую борьбу, планомерное уничтожение политических партий в России. Трудовая народно-социалистическая партия, как и другие небольшевистские партии, потеряла свои позиции в российском обществе не по причине внутрипартийных процессов, а, прежде всего, именно в связи с определенной политикой большевиков, направленной на уничтожение инакомыслия в стране.

Литература

1. История Коммунистической партии Советского Союза. Т.3. Кн.1. С.561; Брежнев Л.И. О коммунистическом воспитании трудящихся. Речи и статьи. М., 1975. С.89; Минц И.И. История Великого Октября. В 3-х томах. М., 1967; Соболева П.И. Октябрьская революция и крах социал - соглашателей. М., 1968 и др.

2. Daniels R.V. Red October. The Bolshevik Revolution of 1917. N.Y. 1967; Rosenberg W.J. Liberals in the Russian Revolution. The Constitutional democratic party, 1917-1921. Princeton, 1974; Service Robert. Lenin: A political life. Basingatoke, London, 1991. Volume 2; Service Robert. The Russian revolution. 1900-1927. Macmillan, 1992; Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989; Галили З. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия. М., 1993; Пайпс Р. Русская революция. М., 1994; Кэпп Э. История Советской России. Большевицкая революция 1917-1923. М., 1990. Кн.1. Т.1, 2 и др.

3. Иоффе Г.З. Белое дело. Генерал Корнилов. М., 1989; Иоффе Г.З. Революция и судьба Романовых. М., 1992; Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995; Тайна Октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевицкий заговор. СПб., 2001; Трукан Г.А. Анти-большевицкие правительства России. М., 2000 и др.

4. О соглашении с большевиками // Народный социалист. 1917. №12 (61), 7 ноября.

5. РО ГПБ. Ф.445. Д.3. С.345.

6. Мельгунов С.П. Н.В.Чайковский в годы гражданской войны. Париж, 1929. С.36-37.

7. Народное слово. 1917. 27 октября.

8. Народное слово. 1917. 28 октября.

9. ГАРФ. Ф.9591. Оп.1. Д.1. Л.19 об.

10. Коллекция листовок, обращений и прокламаций народно-социалистической партии ГОПБ.

11. Набоков В. Временное правительство // Архив русской революции. Т.1. М., 1991. С.94.

12. Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914-1919. Берлин, 1920. С.270-271.

13. Там же. С.271-272.

14. Там же.

15. Игнатъев В.И. Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны (1917- 1921 г.). Ч.1. Госиздат. 1922. С.6.

16. Там же. С.7.

17. В ТНСП // Власть народа. 1917. №154, 29 октября.

18. Мельгунов С. Как большевики захватили власть. Октябрьский переворот 1917 г. Париж, 1953. С.290.

19. Народное слово. 1917, №123, 29 октября.
20. В Центральном комитете народных социалистов // Народный социалист. 1917. №12 (61), 7 ноября. С.1.
21. О соглашении с большевиками // Народный социалист. 1917. №12 (61), 7 ноября. С.1-2.
22. ГАРФ. Ф.9591. Оп.1. Д.2. Л.2.
23. ГАРФ. Ф.9591. Оп.1. Д.1. Л.19 об.
24. Резолюция Петроградского комитета народно-социалистической партии // Народный социалист. 1917. №12 (61), 7 ноября. С.2.
25. ГАРФ. Ф.6632. Оп.1. Д.2. Л.46-46 об.
26. Демьянов А. Записки о подпольном Временном правительстве // Архив русской революции. Т.7. М., 1991. С.36.
27. Там же. С.47.
28. Там же. С.46.
29. Там же. С.45-47.
30. Там же. С.46.
31. Там же.
32. Там же. С.34.
33. Пешехонов А.В. Борьба с большевиками и борьба с большевизмом // Народное слово. 1917. №124, 3 ноября.
34. Собрание Петроградской организации ТНСП // Новое народное слово. 1917. №6, 7 декабря.
35. ГАРФ. Ф.539. Оп.1. Д.1009. Л.1 об.
36. Протест ТНСП // Власть народа. 1917. №178, 6 декабря.
37. Выступление Л.М.Брамсона на собрании политического клуба ТНСП // Народное слово. 1918. №1 (166), 3 января.
38. Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914-1919. Берлин, 1920. С.309.
39. Там же. С.305.
40. Передовая // Народное слово. 1917. №124, 3 ноября.
41. О соглашениях с большевиками // Народный социалист. 1917. №12 (61), 7 ноября.
42. Пешехонов А. Борьба с большевиками и большевизмом // Народное слово. 1917, 3 ноября.
43. Милюков П.Н. История второй русской революции: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2002. С.741.
44. ГАРФ. Ф.5498. Оп.1. Д.74.
45. Милюков П.Н. Указ. соч. С.711-712.
46. Там же. С.712.
47. РГИА. Ф.857. Оп.1. Д.1778. Л.4 об., 6.
48. Исключение из партии В.А.Плансона // Народное слово. 1917. №124, 3 ноября.
49. К делу В.А.Плансона // Слово в цепях. 1917. №1, 22 ноября.

- 50.История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1967. Т.3. Ч.1. С.344.
- 51.Народное слово. 1917. 21 декабря; Деренковский И. Дело Л.М. Брамсона // День. 1917. №227, 21 декабря; №228, 22 декабря.
- 52.Петрищев А. В гриме и без грима // Русское богатство. 1918. №1-3. С.338.
- 53.Мякотин В.А. Из недалекого прошлого (Отрывки воспоминаний) // На чужой стороне. 1925. №13. С.211.
- 54.Там же. С.210.
- 55.Пешехонов А.В. Почему я не эмигрировал. Берлин, 1923. С.51.
- 56.Народное слово. 1917. 24 октября.
- 57.ГАРФ.Ф.6632. Оп.1. Д.11. Л.119 об.
- 58.ГАРФ. Ф.6632. Оп.1. Д.11. Л.118 - 119 об.
- 59.Передовая // Народное слово. 1917, №124, 22. 3 ноября.
- 60.Станкевич В.Б. Указ. соч. С.272.
- 61.Там же.
- 62.Конференция Петроградской группы ТНСП // Народное слово. 1918. №13, 21 января.
- 63.Станкевич В.Б. Указ. соч. С.283.
- 64.Марголин А. Украина и политика Антанты / Записки еврея и гражданина / Берлин, б.д. С.35.
- 65.Пешехонов А.В. Почему я не эмигрировал. Берлин, 1923. С.29.
- 66.Мельгунов С. Завоевания революции // Борьба за Россию. Париж, 1926. №4, 18 декабря.
- 67.Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть. Октябрьский переворот 1917 года. Париж, 1953.
- 68.Там же. С.7.
- 69.Там же. С.11.
- 70.Там же. С.92.
- 71.Там же. С.111.

СЕМЬЯ И ЖЕНЩИНА В КОНТЕКСТЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ НАЧАЛА XX ВВ.

Самара. Самарский государственный университет

Проблемы повседневной жизни людей в исторической ретроспективе широко изучаются в мировой исторической науке. Отношения в семье наряду с другими аспектами истории повседневности вызывают значительный научный интерес [1]. В отечественной литературе проблемы семейных отношений населения России, в том числе и городских жителей, в основном исследовались этнографами и социологами.

Отношения в семьях горожан в конце XIX – начале XX в. были преимущественно патриархально-авторитарными. Такое положение вещей существовало в связи с большим количеством в России сельского населения с характерными для него патриархальными устоями брачно-семейных отношений. Немалую роль играла миграция крестьян в города. Прочные связи с деревней сохранились у многих «новых» горожан.

Существенное влияние на характер семейных отношений оказывали религиозные догмы. В христианстве мужчина считался главным (главой), а женщина занимала подчиненное ему положение – покорное, безмолвное, терпеливое. Однако принималось равенство мужчин и женщин в нравственном и религиозном отношениях. Это положение христианства обосновывало необходимость взаимного уважения и любви мужа и жены в семье и составляло нравственную основу семейных отношений – единомыслия, сострадания, братолюбия, милосердия. Муж и жена должны были заботиться друг о друге и о своих детях [2]. Таким образом, отношения в семье должны были строиться на основе любви, уважения, покорности жены мужу, а детей родителям. Однако на самом деле отношение к детям в целом было авторитарным. В семьях, особенно несостоятельных групп горожан, широко использовался труд детей, что помогало семьям выжить экономически. Дети с 12 лет начинали работать – мальчики на производстве, а девочки шли в прислуги или няньки. К детям часто относились жестоко. В рабочих и малообеспеченных семьях детей могли нещадно эксплуатировать для увеличения благополучия семьи.

В реальной жизни изучаемого периода в семьях в основном преобладало неравноправие, покорность жен и детей, и безграничная власть мужа и отца. Женщины занимали в сложившейся системе семейных отношений наиболее неравноправное положение. Сказывалось и правовое неравноправие женщины в российском обществе данного периода [3]. Повседневная жизнь женщины в переломный период интересна, так как ярко обнажает все социальные противоречия, ведь именно на плечи женщин в кризис-

ные времена выпадают все тяготы бытовых невзгод, что дает возможность выявить изменения в обыденной жизни, которые произошли в стране.

История женской повседневности в России начала XX века позволяет лучше понять те изменения в правовой, политической, экономической и духовных сферах жизни общества, которые произошли в результате революции 1917 года [4].

Первая мировая война «помогла» женщине стать «иной», предоставила возможность реализовать себя в новом качестве, как профессионально, дав доступ к «недоступным» ранее профессиям и специальностям, так и в гражданско-правовом смысле: «бабьи сходы», «бабье царство», женские общественные организации обрели «плоть и кровь», став неотъемлемой частью повседневной жизни военного времени. Не случайно одна из статей в «Женском вестнике» была названа «Открытие Америки». В ней отмечалось, что «... в деревнях и городах мужчины открывают Америку по отношению к женщинам. Они с изумлением убеждаются, что женщины способны делать то же самое, что и мужчины...» [5].

Серьезные перемены были внесены войной и в семейно-брачные отношения россиянок. Традиционно считалось, что война неизбежно вызывает сокращение числа свадеб, однако, наряду с этой тенденцией, просматривались и противоположные процессы. Семьи, которые прежде жили в гражданском браке спешили узаконить свои отношения, венчание происходило между людьми, прожившими в гражданском браке 10-15 лет, в связи с начавшейся войной, это делалось для того, чтобы хоть как-то облегчить положение женщин и детей в случае призыва главы семьи на фронт. Только «законные» жены и дети могли рассчитывать на государственные пособия, выдаваемые за ушедшего на войну «кормильца». Война вносила коррективы и в логику брачных союзов [6].

Политические события первой половины XX века глубоко отражались и в духовно-психологической сфере россиянок. Женщины часто обращались к прорицателям и гадалкам, надеясь, что те сообщат им радостные вести. В то же время в период войны усилились религиозные настроения женщин. Однако, сами священники стали отмечать, что с 1915 г. усталость населения от войны и нежелания многих прихожан посещать храмы усилилась. Люди стали отдавать предпочтение кинематографу и другим развлечениям [7]. Названные явления были характерны, преимущественно, для горожанок.

В сельской местности по-прежнему преобладали обрядово-религиозные и бытовые традиции. Носителями бытовой обрядности в повседневной жизни села являлись женщины. Они, в силу особенностей женской натуры, чаще использовали различные ритуальные действия для достижения вполне прагматических результатов. Анализ обрядовой жизни села дает основание говорить о ее женской составляющей. Женщина играла главную роль в сельских обрядах, связанных с пограничным состоянием

человеческого бытия – жизнью и смертью. Женщина как носительница жизненного начала выступала главным действующим лицом в деревенских обрядах, выполнявших охранительную роль [8].

Несмотря на религиозность многих женщин начала XX века, проявили стремление к образованию, особенно желание солдаток научить грамоте своих детей. Это позволяло бы им читать письма с фронта, а не обращаться за помощью к писарю или грамотному соседу, платя при этом 50-60 копеек за письмо в несколько строк. К тому же самостоятельное ведение хозяйства без мужа требовало элементарной грамотности. Революции, войны начала XX века вносили в женскую повседневность не только позитивные моменты изменения социального статуса и ломки стереотипов общественного восприятия. После введения «сухого закона», кстати, поддержанного абсолютным большинством женщин, в деревнях вместо пьянства распространилась карточная игра. Солдатки, не видевшие раньше никогда в своих руках деньги, стали получать пособие на детей за ушедших на войну кормильцев и если раньше мужья пропивали день, то теперь именно женщины пускали их в карточный оборот [9].

В начале XX в. традиционный уклад семейной жизни постепенно менялся. Развитие промышленности, рост финансового капитала, создание крупных монополий в российских городах разрушали традиционный уклад жизни семьи. В это время, особенно в крупных городах, появлялись общественные столовые, прачечные, мастерские, детские дошкольные учреждения. Расширялась деятельность учреждений образовательного и в целом культурного характера. Было положено начало постепенному освобождению от некоторых, наиболее изнурительных производственных, хозяйственных и культурно-образовательных обязанностей. Менялись традиционные связи между обществом, семьей, личностью. Отпадали от семьи ее отдельные функции, например, производственная (кроме семей ремесленников и кустарей), частично образовательная и воспитательная [10].

В начале XX в. семья сохранило свое прежнее состояние, женщина занимало исторически отведенное ей место, но при этом наметился ее переход на другой социально-культурный уровень как в семье, так и в обществе в целом. Естественным образом, изменения в политической, экономической и духовных сферах общественной жизни сказались на укладе обычной российской семьи начала XX века, которой предстояло измениться в соответствии с требованиями нового времени.

Литература

1. Поляков Ю.А. Человек в повседневности (исторические аспекты) // Отечественная история. № 3 2000.
2. Араловец Н.А. Семейные отношения городских жителей России в контексте повседневности (90-е гг. XIX – XX в.) // Семья в ракурсе соци-

ального знания. Сборник научных статей. Под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул. Из-во: НП «Азбука». 2001.

3. Там же

4. Н.Л.Пушкарева. Русская женщина: история и современность: История изучения «Женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800-2000. Материалы к библиографии. М.2002.

5. Женский вестник. № 1, январь. 1916.

6. Щербинин П.П. Повседневная жизнь российской провинциалки в период Первой Мировой войны (1914-1918гг.) / Женская повседневность в России в XVIII – XX вв.: Материалы международной научной конференции 25 сентября 2003 г. / Отв. ред. П.П. Щербинин. Тамбов. Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина. 2003.

7. Там же

8. Безгин В.Б. Образ жизни и смерти в женской обрядности русского села, конец XIX – начало XXв. / Социальная российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII-XX вв. Материалы международной конференции / Материалы международной конференции / Ответственный редактор В.В. Канищев. Тамбов. Изд-во: ТГУ им. Г.Р. Державина. 2002.

9. Щербинин П.П. Повседневная жизнь российской провинциалки в период Первой Мировой войны (1914-1918гг.) / Женская повседневность в России в XVIII – XX вв.: Материалы международной научной конференции 25 сентября 2003 г. / Отв.ред. П.П. Щербинин. Тамбов. Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина. 2003.

10.Араловец Н.А. Семейные отношения городских жителей России в контексте повседневности (90-е гг. XIX – XX в.) // Семья в ракурсе социального знания. Сборник научных статей. Под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул. Из-во: НП «Азбука». 2001.

КОНСТИТУИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА МЕСТАХ В 1917 ГОДУ

Самара. Самарский государственный университет

Провозглашение советской власти в Петрограде, губернских и некоторых уездных центрах еще не означало победы нового строя на местах. Более того, передел власти вызвал обострение социальной напряженности в стране. Все политические силы после захвата власти большевиками сосредоточили свое внимание на крестьянских организациях, надеясь привлечь их на свою сторону. В конечном итоге окончательное решение вопроса о власти в революционной России зависело от поддержки социального большинства, которое представляло крестьянство. Учредительное собрание ведущими политическими силами рассматривалось в качестве Конституанты, которая должна была узаконить существующую власть. В такой обстановке усилились противоречия не только между демократическими и социалистическими партиями, действовавшими в русской революции, но еще больше углубился раскол среди социалистов. Этим не преминули воспользоваться большевики, рекрутировавшие союзников из числа левых, интернационалистов, максималистов среди эсеров и меньшевиков. В.И. Ленин впоследствии отмечал: «В решительный момент завоевания власти и создания Советской республики большевизм оказался единым. Он привлек к себе все лучшие из близких ему течений социалистической мысли» [1].

Одновременно умеренные социалисты усилили противодействие большевикам, стремясь помешать им укрепиться во власти на местах. Они заявили о непризнании решений II Всероссийского съезда Советов и декретов народных комиссаров, выступили за сохранение власти Временного правительства до Учредительного собрания. Естественно, в такой ситуации все апеллировали к крестьянству в поисках социальной поддержки своей тактики в борьбе за власть. Большевики стремились создать советы до волостей и сел включительно. Эсеры, руководившие всеми крестьянскими организациями, оказывали им противодействие. Они развернули широкую антибольшевистскую кампанию, заявляя со страниц своих центральных и местных газет: «Большевики губят родину и революцию, грабят государственную казну» [2]. В связи с приближавшимися выборами Учредительного собрания ЦК ПСР, призывая крестьян голосовать за список социалистов-революционеров, разъяснял, что так они выразят «протест против большевиков, узурпировавших власть» [3].

В Поволжье, где эсеры возглавляли не только крестьянские комитеты и советы, но и местные административные органы Временного правительства, установление советской власти на местах вызвало еще большее сопротивление антибольшевистских политических сил, чем в центре. Чтобы не допустить распространения советской власти в губернии, самарские эсеры развернули мощную контрпропаганду в ответ на организационно-административные мероприятия Ревкома. «Большевики, став у власти, не могут даже в минимальнейшей части осуществить свои демагогические лозунги и призывы..., всячески поносят меньшевиков и эсеров..., стараются навести тень на партию социалистов-революционеров, обвиняя ее – полувекового борца за народ – в предательстве» [4], – заявляли они. Им вторили меньшевики, обвинявшие большевиков в демагогических обещаниях: «Не мир, а рабство за ними. Не хлеб, землю и волю, а гражданскую войну, кровь, прежнее безземелие и торжество кнута несут они... Свершившийся переворот... отодвигает созыв Учредительного собрания и не может создать власти, пользующейся всенародной поддержкой» [5]. Аналогичная ситуация складывалась в Саратовской губернии, где эсеры попытались опереться на крестьян в борьбе с большевиками [6], провозгласившими советскую власть.

В Симбирской и Пензенской губерниях, где влияние большевиков было незначительным, эсеры вели превентивную антибольшевистскую агитацию. Они призывали проголосовавших за них крестьян «быть наготове к активной защите Учредительного собрания от посягательств на его верховную волю» [7]. Земские самоуправления также заявляли протесты «насилию большевиков, игнорировавших мнение всей России и повсеместно внедрявших советы вместо земств и дум» [8]. Впрочем, там, где советская власть была угрожающей перспективой, а не реальностью, земства не особенно вникали в перипетии борьбы политических партий за власть, занимаясь текущими организационно-хозяйственными делами [9].

Необходимо отметить, что первоначально большевики предполагали осуществлять сотрудничество между властью в лице советов и органами местного самоуправления. Самарские большевики, например, объясняя свои действия, 28 октября 1917 г. заявляли: «...ближайшей задачей новой власти должно быть содействие местным самоуправлениям, а не нелепой басне о том, что как только власть перейдет к Советам, большевики начнут «выступать», «громить», «захватывать»...» [10]. Однако сопротивление дум и земств, через которые эсеры пытались пресечь властную экспансию советов, способствовало изменению позиций большевиков к органам местного самоуправления. Не сложились в Поволжье, как в некоторых окраинных и даже центральных губерниях страны, коалиционные советско-земско-думские органы власти, умеренно-социалистические по своей политической ориентации [11].

В тех губерниях Поволжья, где для большевиков сложилась неблагоприятная расстановка политических сил в октябре-ноябре 1917 года, им тем не менее удалось склонить на свою сторону сначала советы рабочих и солдатских депутатов, а затем расколоть советы крестьянских депутатов. Таким образом была предотвращена возможность создания антибольшевистской коалиции дум, земств и советов в Симбирске и Пензе. Произошло это из-за непримиримости умеренных социалистов, не желавших перехода власти к советам даже на коалиционной основе и стремившихся сохранить административные органы Временного правительства до Учредительного собрания. Таким путем эсеры стремились вернуть себе власть. Накануне выборов в Учредительное собрание эсеры убеждали голосовать за свою партию как единственного защитника народа не только от большевиков, «посягнувших на свободное волеизъявление граждан», но и от «кадетов, не являвшихся социалистами» [12].

Для обеспечения материальной силы своей власти большевики обратились к крестьянству, декретируя его главное требование в революции – уравнительный земельный передел. На Чрезвычайном и II Всероссийском съездах крестьянских депутатов сформировался блок большевиков и левых эсеров. Последние осудили позицию Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, требовавшего «восстановления законного Временного правительства» [13]. II Всероссийский крестьянский съезд избрал новый состав ЦИК, который совместно со ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов второго созыва должен был провести в жизнь его постановления. Здесь же окончательно оформился раскол партии социалистов-революционеров.

Очередные губернские крестьянские съезды, созывавшиеся в Поволжье в ноябре-декабре 1917 года, решали, как и всероссийский, прежде всего вопрос об организации новой власти на местах. Эсеры, монополизировавшие в регионе руководство крестьянскими организациями, стремились не допустить участия большевиков в работе съездов, но оградить крестьянских депутатов от общения с представителями рабочих и солдатских советов они не могли. Так губернские крестьянские съезды стали ареной яростного противоборства радикальных и умеренных политических сил, отстаивавших принципиально различные формы осуществления политической власти. В охваченном крестьянской войной за землю Поволжье победить могли лишь радикальные политические силы, но делегатов съездов предстояло убедить в преимуществах той формы власти, которые они предлагали.

Крестьянская поддержка тех или иных политических сил по-прежнему зависела от того, как они решали вопрос о земле. На II Всероссийском крестьянском съезде Б.Д. Камков от имени фракции левых эсеров обвинил Исполком Совета крестьянских депутатов в том, что он «будучи у власти тормозил решение земельного вопроса» [14]. В.М. Чернов, сотруд-

ничавший с крестьянским советом, будучи министром земледелия Временного правительства, наоборот оправдывал его действия. Возмущаясь «вероломными и насильственными действиями большевиков», он признался, что «к декрету о земле ЦИК пришлось лишь приложить свой штампель, так как решение было принято без них» [15]. В ответ на разброд среди эсеров «большевик Володарский заявил, что они выйдут победителями и учредят в России республику рабочих, крестьян и всего трудового народа» [16].

Земельный вопрос стал решающим в политической ориентации поволжского крестьянства, в то время как советы крестьянских депутатов стремились использовать крестьянские съезды для протестов против захвата власти большевиками. В связи с этим не только в центре, но и на местах организационно оформился раскол в партии эсеров. Так, на III Саратовском губернском крестьянском съезде из эсеровской организации выделилась самостоятельная группа левых эсеров, которая объявила, что будет работать вместе с большевиками «по строительству новой жизни» [17].

Однако там, где не только большевики, но и противостоящие им умеренные социалисты были хорошо организованы, установление советской власти в деревне обострило политическую борьбу. Некоторые губернские советы крестьянских депутатов пытались предпринять конкретные действия по восстановлению местных органов власти Временного правительства. При этом они отводили земствам роль организаторов крестьянских обществ, противопоставляя их как низовым комитетам, так и образовавшимся волостным советам. В этом отношении показательна борьба за крестьянство и, следовательно, за власть в деревне, которая развернулась в Самарской губернии полтора месяца спустя после провозглашения здесь советской власти.

5-9 декабря 1917 г. состоялся IV Самарский губернский крестьянский съезд. В его работе приняло участие 395 делегатов [18], избранных уездными советами крестьянских депутатов и волостными земствами [19] там, где они успели сформироваться после выборов в октябре 1917 года. В ходе борьбы за власть в сельской местности функционировали самые разные структуры. В течение ноября 1917 – января 1918 гг. почти во всех уездных центрах Самарской губернии было объявлено об установлении советской власти, начался процесс ее организации в волостях и селах [20]. В то же время приступили к работе недавно избранные волостные земства, которые соперничали с местными советами. При организации волостных земств волостные комитеты, руководившие крестьянским движением в 1917 году, упразднились [21]. Советы же на первых порах включали сельские и волостные комитеты в свой состав на правах земельных отделов. По аграрному вопросу деятельность волостных земств ограничивалась сбором сведений о крестьянских наделах, выяснении нужды населения в земледельческих орудиях [22]. Они активно выступали против захвата и дележа

земель, принимали меры против расхищения лесных массивов вплоть до изъятия и продажи с аукциона похищенного [23]. Такие действия были явным диссонансом не только политике большевистской советской власти в деревне, но и обещаниям эсеровских советов крестьянских депутатов.

В южных уездах Самарской губернии, где сложилась резкая экономическая поляризация крестьянства, одновременно с установлением советской власти начался слом аппарата земского самоуправления. Николаевский уездный крестьянский съезд Самарской губернии постановил «распустить уездную земскую Управу, являющуюся только тормозом для проведения законопроектов, издаваемых в интересах трудящихся» [24]. Большевистская власть использовала такие заявления крестьянских организаций для закрепления своих позиций и пресечения любых сомнений в ее законности. Во многих селах и волостях Самарской губернии в конце 1917 – начале 1918 годов функционировали самые различные органы местного самоуправления: различные комитеты, избранные волостные земства, начавшие формировать управы. Все они были конкурентами советам и долго сосуществовать не могли.

Установление советской власти в Казанской губернии не определялось решениями очередного крестьянского съезда. Левые эсеры, стоявшие во главе крестьянской секции Казанского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, поддержали большевиков и вошли в состав Ревкома еще в ходе вооруженного восстания. Однако политическая ситуация в обширном, многонациональном крае в значительной степени варьировалась по сравнению с губернским центром. В связи с этим решения III Казанского губернского крестьянского съезда координировали процесс создания системы советской власти на местах.

Выборы в Учредительное собрание окружная избирательная комиссия перенесла с 12 на 26 ноября 1917 г., а потому созыв губернского крестьянского съезда был отсрочен до 5 декабря [25]. Съезд подтвердил, что верховной властью в Казанской губернии является Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, состоящий из трех секций, каждая из которых автономна в своих делах.

III Казанский губернский крестьянский съезд разработал инструкцию об организации местных судов. В соответствии с ней каждая волость избирала судью, причем той национальности, которая преобладала в данной местности [26]. Структура новой власти, разработанная съездом, была представлена в наказе депутатам Учредительного собрания. Наказ призывал всех, «кому дороги завоевания революции, сплотиться вокруг революционных Советов и требует от каждого самого строгого и самого точного выполнения своих обязанностей; всем же душителям и грабителям народной революции III губернский съезд заявляет твердо и решительно, что крестьяне Казанской губернии не щадя своей жизни в любой момент встанут на защиту своих Советов, выражающих их волю, желания и чаяния»

[27]. Левые эсеры, руководившие крестьянским съездом, объявили также о поддержке постановления Казанского большевистского комитета по передаче власти советам по всей губернии [28].

В Симбирской и Пензенской губерниях, где политическое влияние большевиков было незначительным, крестьянские съезды имели еще большее значение для утверждения советской власти не только в сельской местности, но и в городах. После провозглашения власти советов в Симбирске ускорился процесс ее организации по всей губернии [29]. Например, Сенгилеевский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на совместном заседании с представителями земской Управы и городской Думы объявил о взятии власти в уезде. Руководители местного самоуправления, ссылаясь на телеграмму губернского Земства с осуждением «большевистского переворота» [30], призвали крестьян оказать сопротивление установлению советской власти в сельской местности. Установление советской власти в уездах Симбирской губернии было лишь продекларировано в декабре 1917 года, а ее утверждение началось только в 1918 году.

В Пензенской губернии, где политическая активность крестьянских съездов в 1917 году была выше, чем у Советов, вопрос о власти окончательно решился только на IV губернском крестьянском съезде. Он начал свою работу 27 декабря 1917 г., после того как большевики провозгласили советскую власть в Пензе. Губернский комитет партии социалистов-революционеров призвал делегатов прервать работу съезда в связи с захватом власти большевиками. Однако поддержки большинства делегатов это предложение не нашло, после чего умеренные социалисты покинули съезд, а левые эсеры заявили о соглашении с большевиками. Вместе они констатировали, что «в деревне происходит борьба между зажиточной частью и большинством деревенской бедноты». В связи с этим они призвали «устранить господство меньшинства, в деревне этого можно достичь организацией большинства» [31].

Итак, установление советской власти в губерниях Поволжья происходило в условиях обострения политического противоборства в лагере социалистов, замещавших все посты в органах власти, самоуправления, общественных организациях. Руководство большинства советов крестьянских депутатов, состоявшее из умеренных эсеров, выступило против установления советской власти, надеясь найти поддержку в крестьянской среде. Политическая борьба в стране обострилась в связи с проблемой созыва, работы и роспуска Учредительного собрания. ЦК РСДРП(б) в письмах на места и газетных статьях заявлял, что его отношение к Учредительному собранию будет зависеть от признания им советской власти, изданных ею декретов и деклараций [32]. Одновременно В.И. Ленин априори заявлял, «что республика Советов является более высокой формой демократизма, чем обычная республика с Учредительным собранием» [33].

На губернских и уездных крестьянских съездах, проходивших в поволжских губерниях в ноябре-декабре 1917 года, в числе других обсуждался также вопрос об отношении к Учредительному собранию. Еще до его созыва некоторые крестьянские съезды оговаривали успешную работу Учредительного собрания признанием советской власти [34], ее первых декретов, «осуществлением и закреплением уже завоеванных позиций» [35]. Уездные съезды были более требовательны к будущей конституанте, чем губернские. Так, делегаты IV Инсарского уездного съезда Пензенской губернии потребовали от Учредительного собрания разрешения вопросов о мире, земле и рабочем контроле. Они признали необходимым «обновление его состава посредством перевыборов в отдельных избирательных округах под руководством местных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов... Всякую попытку Учредительного собрания вступить в борьбу с Советами» они постановили «считать посягательством на завоевание революции и решительно этому противодействовать» [36]. Заседавший 28 декабря 1917 г. Сенгилеевский уездный крестьянский съезд Симбирской губернии потребовал «немедленного ареста тех членов Учредительного собрания, которые попали в него только благодаря неграмотности народа», и наказал «строго следить за его работой» [37].

Учредительное собрание не только не успело принять антисоветских постановлений, но, судя по стенограмме его заседаний, и не собиралось этого делать. Наоборот, оно прилагало усилия для поиска совместных согласованных решений всех партийных фракций по сложным вопросам социально-экономического и политического характера [38]. Но большевики все сделали для того, чтобы опорочить Учредительное собрание, т.к. не имели в нем большинства, в связи с чем, легитимность их власти могла быть подвергнута сомнению. Например, делегаты V Симбирского губернского крестьянского съезда, состоявшегося 20-25 января 1918 г., одобрили роспуск Учредительного собрания, заявив, что оно «выявило свою контрреволюционную сущность» [39].

Исполнительный комитет Казанского губернского Совета крестьянских депутатов постановил не только одобрить роспуск Учредительного собрания, но и напечатать «резолюцию вместе с декларацией [40] в газете и кроме того отдельной листовкой на русском, мусульманском, черемисском, чувашском языках» и разослать эти материалы в деревни для разъяснения [41]. Национальные политические силы, представлявшие половину делегатов Учредительного собрания от Казанской губернии, также раскололись. Умеренные национальные социалисты оценили политику Советского правительства несостоятельной «в области социального творчества и переустройства России на началах подлинного признания за всеми населяющими ее народами права на территориальное и культурно-национальное самоопределение» [42]. Левосоциалистические национальные силы заявили: «Учредилку разогнали..., потому что она шла наперекор

желаниям бедного народа..., не приняла декретов правительства... о немедленном прекращении войны, передачи власти в стране трудящимся... О запрещении буржуазии в дальнейшем грабить народ» [43]. Социальные интересы большинства довели в действиях национальной политической элиты.

На всех губернских и уездных крестьянских съездах, проходивших в Поволжье в связи с установлением советской власти в деревне, была одобрена тактика большевиков в отношении Учредительного собрания В.И. Ленин впоследствии констатировал: «В России в сентябре-ноябре 1917 года рабочий класс городов, солдаты и крестьяне были, в силу ряда специальных условий, на редкость подготовлены к принятию советского строя и к разгону самого демократического буржуазного парламента» [44]. Действительно, крестьянские съезды, сначала условно поддерживая Учредительное собрание, затем не только не сожалели, но и одобрили его роспуск большевиками. Советские историки считали это следствием успешной агитационно-пропагандистской деятельности большевистской партии [45], политики-эмигранты первой волны – коллективным помрачением массового сознания [46], современные исследователи активно эксплуатируют тезис о победе традиционализма над модернизацией по западному образцу [47]. Скорее всего мимикрия большинства социума в отношении идей и практики Учредительного собрания в России объяснима всем комплексом названных причин, которые требуют специального непредвзятого изучения.

Поддержка на местах роспуска Учредительного собрания советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов способствовала укреплению советской власти. Ее легитимность была подтверждена в ходе совместных заседаний III Всероссийского съезда рабочих и солдатских депутатов, начавшего работать 10 января 1918 г., и III Всероссийского съезда крестьянских депутатов, открывшегося 13 января 1918 г. Предварительно между ЦК большевиков и ЦК левых эсеров была достигнута договоренность об этом объединении [48]. Здесь были одобрены «все декреты и постановления новой народной Советской власти» [49]. Съезд подвел итог ожесточенной борьбе политических партий за крестьянство, развернувшейся в провинции после захвата власти большевиками. В ходе ее не только демократические, но и умеренно-социалистические партии потеряли опору сначала среди рабочих, солдат, а затем и крестьян. Они вынуждены были признать, что «стоило большевикам усилить работу в массе крестьян, как и не трудно стало сделать их большевиками» [50].

На III Всероссийском съезде произошло объединение советов, что привело к созданию единообразной системы советской власти. Таким образом, была законодательно оформлена новая форма российской государственности. На местах этот процесс в ряде случаев опережал центр. В Поволжье объединение советов обычно осуществлялось на губернских и

уездных крестьянских съездах, к началу работы которых приурочивались съезды советов рабочих и солдатских депутатов [51]. На объединенных заседаниях создавались совместные исполнительные органы советской власти, которые должны были выполнять директивы ВЦИК Советов «по коренной ломке старых буржуазно-бюрократических учреждений, полном разрыве с буржуазией и беспощадной борьбе с капитализмом до полного его уничтожения» [52]. В Казанской, Саратовской и Пензенской губерниях объединение советов произошло в ходе установления советской власти еще до III Всероссийского крестьянского съезда, а в Самарской и Симбирской губерниях на основе его решений в январе 1918 года.

В течение января-марта 1918 года в Поволжье завершился процесс слияния советов в губернских и уездных центрах, шло интенсивное образование волостных и сельских советов. Первоначально большинство советов, взяв власть, пытались использовать органы местного самоуправления, лишь ограничивая их деятельность «ведением хозяйственной части» [53] под своим контролем. При этом они постоянно подчеркивали, что «политическим строем ведают советы» [54]. После объединения губернских советов рабочих и солдатских депутатов с крестьянскими не только в центре, но и на местах усиливается тенденция к ликвидации дум и земств как чуждых новой власти общедемократических структур [55]. По инициативе местных советов и съездов принимались решения о соединении функций администрации и самоуправления в единой структуре советской власти.

Большевики, добившись власти через советы, стремились предотвратить неизбежную для них конкуренцию со стороны демократических органов самоуправления. Губернские, уездные съезды советов и даже их исполкомы принимали постановления по унификации власти в пределах своего ведения. В соответствии с решениями III Всероссийского съезда Советов на местах реорганизовывали «земельные комитеты и сельскохозяйственные отделы земств в отделы народного сельского хозяйства при советах» [56]. На практике чаще всего реорганизация превращалась в ликвидацию земств [57] и утрату их опыта организации сельского самоуправления.

Еще меньше советы церемонились с думами. Например, Самарский губисполком 14 января 1918 г. принял «Декрет о власти в губернии», объявив Совет единственной властью и распустив все органы городского и земского самоуправления. Вслед за этим был утвержден проект организации Самарского Совнархоза, которому передавались все функции упраздненной городской управы [58]. Там, где земства и думы пытались протестовать против актов насилия, они попросту разгонялись вооруженными красногвардейскими отрядами» [59].

Для организованной ликвидации не только земств, но и разнообразных крестьянских комитетов, действовавших при Временном правительстве, большевики также использовали крестьянские съезды. Так, крестьян-

ская секция Саратовского Губисполкома 7 января 1918 г. приняла решение о созыве уездных крестьянских съездов с целью установления советской власти и ликвидации земства [60]. На состоявшихся уездных съездах были объединены советы, которым передавалась вся полнота власти, приняты решения об организации волостных и сельских советов там, где их еще не было, ликвидации уездных и волостных земств [61]. В тех местностях, где советы были уже организованы, после III Всероссийского съезда Советов «приступили к перевыборам советов, привлекая солдат, отпускаемых из армии» [62]. Раньше всех этот процесс начался в Казанской губернии, т.к. здесь не только большевики, но и левые эсеры активно участвовали в вытеснении из уездных советов эсеров умеренного направления. Необходимость перевыборов уездные крестьянские съезды мотивировали тем, что в них «много эсеров», которые «на словах поддержали Советы, а на деле вели агитацию против большевиков» [63]. Земства, по мнению делегатов съезда, были «антидемократичны по своему составу» [64] и распускались их решениями.

Сложнее в сельской местности Поволжья происходило преобразование земельных комитетов, которые должны были стать структурными отделами местных советов. Земельные комитеты в отличие от советов были общесловными учреждениями и не могли быть включены в систему власти диктатуры пролетариата. В.Н. Гинев детально проанализировал перипетии достижения компромиссов между большевиками и левыми эсерами по этому вопросу [65]. Против «разрушения земельных комитетов» решительно выступил ЦК ПСР [66], усмотревший в наступлении на низовые крестьянские комитеты ущемление организационных и идейных принципов народничества. Все аграрные проекты социалистов-революционеров от создания партии по 1917 год включительно предусматривали социализацию земли через специальные органы крестьянского самоуправления [67].

После разгона Учредительного собрания умеренные социалисты уже не имели рычагов влияния на ход событий не только в центре, но и в провинции. Левые эсеры из конъюнктурных соображений поддержали большевиков и по вопросу о реорганизации земельных комитетов. Крестьянские съезды, проходившие в Поволжье в январе-марте 1918 года, повсеместно поддержали унифицированную систему советской власти без каких-либо местных особенностей [68]. Из национальных политических сил в советское строительство были допущены лишь леворадикальные социалисты [69]. Многообразие демократических общественно-политических структур, функционировавших при Временном правительстве, с установлением советской власти в сельской местности было ликвидировано.

Подводя итоги организации системы советской власти на местах, необходимо выделить основные тактические приемы, примененные большевиками и обеспечившие им успех в борьбе с другими претендентами на государственное управление. Общенациональный кризис, достигший в

России осенью 1917 года своего апогея, связывался большевиками исключительно с «антинародной» политикой Временного правительства и сотрудничавшими с ним демократическими и умеренно-социалистическими партиями и объединениями. В связи с этим они в первую очередь стремились дискредитировать эсеровское руководство советов крестьянских депутатов, выступивших против узурпации власти большевиками в октябре 1917 года.

Декреты II Всероссийского съезда Советов широко пропагандировались в большевистской печати, на митингах, собраниях, крестьянских съездах. В уездные города и села были посланы агитаторы преимущественно из демобилизованных или самовольно покинувших свои части большевистски настроенных солдат. В связи с организационным оформлением раскола в партии эсеров и поддержкой левыми эсерами основных мероприятий советской власти периода ее установления создалась возможность расширения социальной базы большевистских преобразований. Не нашла достаточной поддержки рабочих, солдат и крестьян и довольно популярная прежде идея о том, что только Учредительное собрание может решить вопрос о будущем государственном устройстве России. Позиции большинства низовых советов, комитетов, съездов выразились в заявлениях о том, что Учредительное собрание должно утвердить советскую власть и все ее декреты. Разгон большевиками Российской Конституанты на местах был встречен равнодушно, т.к. насущные социальные задачи, выдвинутые в революции, советская власть провозгласила раньше.

Литература

1. Ленин В.И. Привет итальянским, французским и немецким коммунистам // Полн. собр. соч. – Т. 39. – С. 216.
2. Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. – Петроград. – 1917. – 4 ноября.
3. Дело народа. – Петроград. – 1917. – 12 ноября.
4. Земля и воля. – Самара. – 1917. – 2 ноября.
5. Городской вестник. – Самара. – 1917. – 2 ноября.
6. 1917 год в Саратовской губернии. Саратов, 1957. – С. 242.
7. Симбирское слово. 1917. – 29 ноября.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1781. Оп. 1. Д. 8. Л. 52.
9. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 158. Оп. 1. Д. 681. Л. 63-65.
10. Приволжская правда. – Самара. – 1917. – 28 октября.
11. Вронский О.Г., Щагин Э.М. Большевистский режим и крестьянство России в 1917-1920 гг // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. – М., 1994. – С. 178.

12. Дело народа. – Петроград. – 1917. – 12 ноября.
13. ГАРФ. Ф. 3875. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 об.
14. Дело народа. – Петроград. – 1917. – 1 декабря.
15. Там же.
16. Там же.
17. Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье. Саратов – С. 169.
18. Солдат, рабочий и крестьянин. – Самара. – 1917. – 13 декабря.
19. Государственный архив Самарской области (ГАСамО). Ф.Р.-81. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
20. Семьянинов В.П. Установление Советской власти в Средневожской деревне. – Саратов, 1976. – С. 12-13.
21. ГАСамО. Ф.Р.-52. Оп. 1. Д. 21. Л. 2.
22. ГАСамО. Ф.Р.-52. Оп. 1. Д. 22. Л. 7.
23. ГАСамО. Ф.Р.-3131. Оп. 2. Д. 1. Л. 37.
24. Самарский облстной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 3753. Оп.1. Д.1.. Л. 10.
25. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 983. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.
26. НА РТ. Ф.983. Оп.1. Д.6. Л. 25.
27. Крестьянская газета. – Казань. – 1917. – 12 декабря.
28. НА РТ. Ф. 983. Оп. 1. Д. 6. Л. 26.
29. В Симбирской губернии только в Сызрани советская власть была провозглашена раньше, где Совет принял решение использовать делегатов II Всероссийского съезда Советов, рабочих и солдат гарнизона для агитации в селах уезда и соседних губерниях Поволжья. – См.: Октябрь в Поволжье. – С. 241-242.
30. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 46. Оп. 2. Д. 875. Л. 4.
31. Известия Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. – Пенза. – 1918. – 5 января.
32. Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание. – Л., 1976. – С. 312.
33. Ленин В.И. Тезисы об Учредительном собрании // Полн. собр. соч. – Т. 35. – С. 162.
34. ГАПО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1. Л. 133.
35. ГАСамО. Ф. 823. Оп. 2. Д. 14. Л. 202.
36. ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 13. Л. 33.
37. ГАУО. Ф. 46. Оп. 10. Д. 221. Л. 3.
38. Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели. – М., 1997. – С. 309-310.
39. ГАУО. Ф. 46. Оп. 10. Д. 223. Л. 8.

40. Имеется в виду «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа».

41. НА РТ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 42. Л. 1 об.

42. Цит. по: Тагиров И.Р. В борьбе за власть Советов. – С. 159.

43. Там же. – С. 160.

44. Ленин В.И. Детская болезнь левизны в коммунизме // Полн. собр. соч. – Т. 41. – С. 43.

45. Городецкий Е.Н. Рождение советского государства. 1917-1918. – М., 1987. – С. 281; Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. – Л., 1976. – С. 348; Минц И.И. История Великого Октября. – М., 1977. – Т. 3. – С. 829; Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. – М., 1967. – Т. 1. – С. 350 и др.

46. Деникин А.И. Очерки русской смуты. – М., 1991. – С. 177; Записки белогвардейца лейтенанта N.N. // Архив русской революции. – М., 1991. – Т. 10. – С. 62 и др.

47. Булдаков В.П. Красная смута... – С. 183; Леонов С.В. Рождение советской империи... – С. 159; Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание... – С. 224; Красильников В.А. Вдогонку за прошедшим веком. – М., 1998. – С. 57.

48. Ионкина Т.Д. Всероссийские съезды Советов в первые годы пролетарской диктатуры. – М., 1974. – С. 88.

49. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 2. Д. 15. Л. 8.

50. Наш путь. – Пенза. – 1917. – 19 декабря.

51. См. подробнее: Кабытова Н.Н. Роль крестьянских съездов в объединении советов рабочих и солдатских депутатов с советами крестьянских депутатов // Великий Октябрь и гражданская война в Поволжье. – Куйбышев, 1986. – С. 90-96.

52. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 2. Д. 15. Л. 8.

53. ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 13. Л. 25.

54. Там же.

55. Леонов С.В. Рождение советской империи: государство и идеология 1917-1922. М., 1977. – С. 149.

56. ГАСамО. Ф. 823. Оп. 2. Д. 14. Л. 216.

57. Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990. – С. 234.

58. Самарская летопись. – Самара, 1997. – Т. 3. – С.

59. Матвеев М.Н. Драма Волжского земства // Новый мир. 1997. № 7. С. С. 170-171.

60. Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье. – С. 194.

61. Там же. – С. 194-206.

62. НА РТ. Ф. 983. Оп. 1. Д. 1. Л. 77.

63. НА РТ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 2. Л. 52.

64. Там же. Л. 55.

65. Гинев В.Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. – Л., 1977. – С. 275-280.

66. НА РТ. Ф. 1235. Оп. 2. Д. 15. Л. 9.

67. Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. – М., 1997. – С. 128.

68. ГАПО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1. Л. 133; ГАУО. Ф.Р.-200. Оп. 2. Д. 1. Л. 5; НА РТ. Ф. 2648. Оп. 2. Д. 17. Л. 3; СОГАСПИ. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 207. Л. 72 об; Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье. – С. 207-208.

69. Тагиров И.Р. В борьбе за власть Советов – Казань, 1977. – С. 163-164; Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918-1922 гг. – Казань, 1995. – С. 41.

ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ

Леонтьева О.Б.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В РУССКОЙ МАРКСИСТСКОЙ МЫСЛИ РУБЕЖА XIX-XX ВЕКОВ

Самара. Самарский государственный университет

Русский марксизм рубежа XIX – XX веков формировался не только как направление общественной мысли или попытка теоретического обоснования леворадикального политического движения, но и как методология социальных наук и теория исторического процесса. В этом качестве традиция дореволюционного отечественного марксизма была богата оттенками и внутренними течениями; лишь немногие из наметившихся тогда тенденций были востребованы и развиты в советский период.

Именно сейчас, когда марксизм перестали считать «верным и потому всесильным» учением об обществе, «наступает время критического осмысления всего методологического наследия в целом, в том числе и марксистского» [1]. Настало время показать русский марксизм не как догматическое, застывшее учение, располагавшее патентом на «единственно верное» решение всех актуальных вопросов своего времени, и не как инфернальное порождение злокозненных сил, а как полноправное направление русской мысли, рожденное и развивавшееся в атмосфере напряженных интеллектуальных поисков.

В развитии русского марксизма как теоретического и методологического направления отечественной мысли конца XIX – начала XX века можно, с нашей точки зрения, выделить три основных этапа.

Первый этап приходится на 1880-е – 1900-е годы. В это время состоялось оформление классической парадигмы русского марксизма, которая в теоретическом отношении была связана прежде всего с именем Г.В. Плеханова. Для этой парадигмы характерно представление об истории человеческого общества как о строго закономерном процессе. История представляла как объективно-необходимый, детерминированный процесс, не оставляющий места ни для случайности, ни для произвола отдельно взятой личности или даже «толпы» [2]. Русские марксисты часто прибегали к метафорическому описанию общества как колоссального механизма, хода истории – как движения небесных тел, траекторию которого можно точно вычислить заранее [3]. Ключевой момент истории, – переход «из царства необходимости в царство свободы», то есть пролетарскую революцию, – они трактовали как триумф разума и дисциплины над стихией, как подчинение рациональному плану всех сторон общественной жизни и человеческого поведения [4]. Эта модель восприятия истории была общей для

большевиков и меньшевиков; их разъединяло лишь представление о сроках и методах осуществления грядущей революции, степень политического радикализма.

Характерной особенностью классической парадигмы русского марксизма была и трактовка взаимоотношений «базиса» и «надстройки» как довольно жесткой односторонней зависимости. Даже в специальных исследованиях, посвященных психологической стороне исторического процесса (яркий пример тому – разработанная Н.А. Рожковым типология человеческих характеров, а также труды Г.В. Плеханова по истории общественной мысли [5]), сторонники этой парадигмы подчеркивали, что эволюция человеческой психологии и культуры определяется изменениями в социально-экономической жизни общества и в силу этого носит вторичный, отраженный характер.

При рассмотрении конкретных исторических проблем русские марксисты активно использовали традиции своих старших современников – отечественных ученых-позитивистов. Это прослеживается в многочисленных работах по социально-экономической истории, написанных с позиций «экономического материализма»: исследованиях Н.А. Рожкова, П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановского, П.П. Маслова и других. Считая, вслед за Марксом, движущей силой исторического процесса развитие производительных сил, русские марксисты в то же время подчеркивали значение демографического и географического факторов истории [6], указывали на роль международного обмена и геополитического соотношения сил как стимулов внутреннего развития [7]. В этом, на наш взгляд, можно обнаружить несомненное влияние идей М.М. Ковалевского и «русской исторической школы», а также школы В.О. Ключевского. Под влиянием доктрины Ковалевского у русских марксистов сформировался научный интерес к роли обмена в системе производственных отношений. Показательно, что именно историческая эволюция форм обмена и распределения была положена в основу периодизации истории в трудах ряда русских марксистов; один из самых ярких примеров тому «Краткий курс экономической науки» Богданова, по которому постигали основы марксистской политэкономии первые поколения членов РСДРП [8]. Соответствовали традициям русской исторической науки и представления отечественных марксистов об истории России как истории непрерывной внутренней колонизации [9].

Эта тесная идейная близость марксистов и позитивистов свидетельствовала о глубинном внутреннем родстве их исторических воззрений. Русский марксизм классического образца довел до логического предела то восприятие исторического знания и исторической науки, которое было присуще позитивизму: главной целью исторического познания для того и другого течений было установление законов общественного развития, что сделало бы возможным научное предвидение будущего и позволило бы практиковать социальную инженерию [10]. В этом плане марксизм и пози-

тивизм можно рассматривать как два равноправных ответвления историчестской модели мышления, характерной для XIX века.

Русский марксизм формировался в эпоху, когда изменялась сама структура гуманитарного знания: начало XX века было временем рождения исторической антропологии. В европейской мысли начинался поворот от причинно-следственного, детерминистского *объяснения* хода истории к *пониманию* внутреннего мира и культурных ценностей тех людей, которые эту историю созидали. Отечественный марксизм не остался в стороне от этого процесса: внутри самого марксистского направления русской мысли в начале XX века шел поиск новых способов осмысления истории и места в ней человека.

Первая попытка существенного обновления марксистской доктрины была предпринята на рубеже 1890-1900-х гг. силами представителей «критического марксизма», – П.Б. Струве, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, М.И. Туган-Барановского. Критические марксисты стремились объединить марксистское учение о классовой борьбе и кантианское представление об абсолютном характере человеческих ценностей; представление об объективно детерминированном характере исторического процесса – и восприятие свободы в либерально-гуманистическом смысле слова, как свободы нравственного выбора. Их творчеству было присуще восприятие исторической реальности как арены борьбы за реализацию общественных идеалов, где успех определяется не только соотношением «объективных» социально-экономических сил, но и нравственной высотой противоборствующих идеалов [11]. Впрочем, найденные ими теоретические решения проблемы соотношения детерминизма и свободы зачастую представляли собой неустойчивый компромисс взаимоисключающих идей; это и стало одной из причин распада группы «критических марксистов», произошедшего в начале XX века. Чтобы выйти из интеллектуального тупика, Бердяев и Булгаков обратились к религиозной философии; Туган-Барановский остался на теоретических позициях, близких к критическому марксизму, но более не считал себя приверженцем марксистской доктрины [12]. Наконец, социально-экономические воззрения Струве до самого завершения его научной карьеры несли на себе отпечаток двойственности: в основу своей социальной теории Струве положил идею непреодолимого «основного дуализма» рационального и иррационального, сознательного и стихийного начал [13].

Третий этап в развитии русского марксизма (и, соответственно, еще одна попытка создать новую парадигму русского марксизма) относится к середине 1900-х – середине 1910-х гг.; он был связан с распространением в русской мысли философии эмпириокритицизма и формированием идеологии богостроительства. Странники этих теоретических направлений – А.А. Богданов, В.В. Базаров, А.В. Луначарский, А.М. Горький, – образовали достаточно сплоченную идейную фракцию, выступая единым фронтом

в бесчисленных дискуссиях с приверженцами классической версии марксизма.

Эмпириокритицизм пришел в российскую интеллектуальную жизнь как знамя обновления марксистской доктрины; его приверженцы стремились не допустить превращения марксизма в ортодоксальное учение [14]. Для философов-эмпириокритицистов – Богданова и Базарова – был характерен интерес к гносеологическим и эпистемологическим проблемам. С их точки зрения, любые научные и теоретические закономерности, познанные человеком, носят относительный характер; они представляют собой не что иное, как эвристические конструкции, созданные для упорядочения данных опыта и систематизации знания [15]. Поэтому эмпириокритицисты избежали той фетишизации исторических законов, которая так явно проявилась в творчестве ортодоксальных марксистов; исторические закономерности представлялись им не в качестве могущественных сил, из-за кулис дирижирующих событиями и поступками, а скорее как научные формулы, как вычисленная апостериори равнодействующая разнонаправленных социальных сил [16]. Не случайно для совместной борьбы с новыми течениями объединились лидеры меньшевизма и большевизма, Плеханов и Ленин: в данном случае под угрозой оказался краеугольный камень марксистской доктрины – вера в незыблемые исторические закономерности.

Богостроительство выросло из потребности русских левых интеллигентов дополнить эмоциональной составляющей доктрину Маркса – «это сухое учение, эту стальную догму с ее преобладанием объективных законов над живым человечеством, с ее экономическим методом, с ее выкладками, со всем гнетом немецкой науки, прижавшей к земле поэзию романтического социализма», как писал А.В. Луначарский [17]. Создавая свою версию теории исторического процесса, эмпириокритицисты и богостроители попытались реабилитировать гуманистическое восприятие человека как свободного творческого существа, способного волевым титаническим усилием изменить лик вселенной. Особенностью их антропологии была антииндивидуалистическая направленность: в качестве героя-титана, преобразующего мир, в творчестве Горького, Луначарского и Богданова выступал человеческий вид в целом, причем обязательным условием перехода к коммунистическому обществу им представлялось полное растворение человеческого «я» в коллективном сознании [18].

Наконец, сторонники эмпириокритицизма попытались преодолеть характерное для классического марксизма восприятие отношений экономики и культуры как жесткой односторонней зависимости. В своем фундаментальном труде «Тектология» А.А. Богданов предложил рассматривать все стороны человеческой жизни – от логических форм мышления до технологии производства – как виды организации общественной деятельности; введение основополагающей категории «организации» позволило ему отказаться от канонического марксистского противопоставления базиса и

надстройки [19]. Организационная теория Богданова, как показало время, представляла собой самую перспективную в научно-методологическом плане часть теоретического наследия русских марксистов: в современном научном мире тектологию Богданова по праву считают предшественницей синергетики и теории систем [20]. К этому можно добавить, что, на наш взгляд, будь теоретические построения Богданова востребованы профессиональной исторической наукой, они могли бы стать основой для культурно-антропологических исследований: его концепция «способов представлений», сменяющих друг друга в ходе человеческой истории, в определенном смысле предвосхитила изыскания «анналистов» [21].

Подводя итог, можно заключить, что в начале XX века рядом с ортодоксально-классической версией марксистской доктрины начала формироваться иная версия марксизма, связанная с философией эмпириокритицизма и идеологией богостроительства. Ее можно назвать *второй парадигмой марксизма*, по аналогии с описанной в нашей исторической науке «второй парадигмой народничества». Различия между этими двумя парадигмами марксистской идеологии проявились как в теории познания и в философской антропологии, так и в понимании движущих сил исторического процесса.

Теоретические искания приверженцев эмпириокритицизма органично вписываются в контекст развития не только русской, но и мировой исторической мысли XX века. В частности, вполне современным выглядит их убеждение в относительности и «антропоморфности» всех открытых человеческим разумом истин; понимание неоднозначности взаимоотношений культуры и экономики в истории; внимание к сменяющим друг друга в истории «способам представлений». Таким образом, процесс смены парадигм исторического мышления, развернувшийся в русской мысли в XX веке – переход от историцистского, детерминистского видения исторической реальности к культурно-антропологическому, – затронул и марксизм, существенно трансформировав изнутри это интеллектуальное течение.

Трагическая ирония судьбы русского марксизма состояла в том, что на долгие годы были забыты именно наиболее оригинальные и перспективные концепции отечественных марксистов. Превращение марксизма в официальную идеологию авторитарного государства привело не только к прекращению многих дискуссий, но и к общему снижению уровня теоретического мышления: учение, к которому в идеале обязан был приобщиться каждый взрослый гражданин Советской страны, должно было стать общедоступным по своему содержанию. Поэтому в 1920-1930-е годы произошло возвращение к классической парадигме русского марксизма; развитие марксистской доктрины было на несколько десятилетий искусственно заморожено на достигнутом однажды уровне. Неудивительно, что на закате советской эпохи и в годы перестройки «марксизм» ассоциировался исключительно с догматизированным наследием Маркса, Энгельса и Ле-

нина, существенно устаревшим к тому времени в научно-методологическом плане.

Русский марксизм был порождением сложной, переломной эпохи общественного развития; в нем отразились не только социальные бури, но и исторические ожидания, стереотипы мышления и культурный багаж людей того времени. Марксизм как идеология сыграл свою противоречивую и трагическую роль в отечественной истории; марксизм как течение русской мысли во всем многообразии его интеллектуальной палитры, безусловно, еще долго будет привлекать внимание исследователей, стремящихся понять логику человеческих идей, верований, надежд и заблуждений.

Литература

1. Дорошенко Н.М. Философия и методология истории в России (конец XIX – начало XX века): Учеб. пособие. СПб., 1997. С.162.
2. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. В 5-ти тт. Т.2. М., 1956. С.304.
3. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т.1. М., 1956. С.63, 591; Аксельрод Л.И. Философские очерки: Ответ философским критикам исторического материализма. СПб., 1906. С.142-143, 146; Юшкевич П. О материалистическом понимании истории. СПб., 1907. С.85.
4. Троцкий Л.И. Сочинения. Сер. IV: Проблемы международной пролетарской революции. Т.12: Основные вопросы пролетарской революции. М., б.г. С.128, 136. См. также: Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М., 2001. С.274.
5. Рожков Н.А. Психология характера и социология // Рожков Н.А. Исторические и социологические очерки. Сб. ст. Ч.1. М., 1906. С.165-259; Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. В 3-х тт. М., 1919. Т.1. С.117-119; Т.2. С.51; Т.3. М.-Л., 1925. С.33-41, 141.
6. Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб., 1894. С.114-116, 182, 274; Рожков Н.А. Обзор русской истории с социологической точки зрения. Ч.1. Киевская Русь (с VI до конца XII века). СПб., 1903. С.42; Маслов П.П. Теория развития народного хозяйства. Введение в социологию и политическую экономию. СПб., 1910. С.31; Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. Изд-е 7-е, дополн. М., 1906. С.13; Плеханов Г.В. Основные вопросы марксизма // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. В 5-ти тт. Т.3. М., 1957. С.152-153.
7. Покровский М.Н. Избранные произведения в 4-х книгах. Кн.1: Русская история с древнейших времен (тт.1 и 2). М., 1966. С.319; Троцкий Л.Д. Итоги и перспективы. Движущие силы революции // Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С.85.

8. Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. С.22-24; Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. С.74; Туган-Барановский М.И. Теоретические основы марксизма. СПб., 1905. С.7-8, 10; Рожков Н.А. Основные законы развития общественных явлений (Краткий очерк социологии). М., 1907. С.83-88; Маслов П.П. Теория развития народного хозяйства. С.112-223.

9. Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. В 3-х тт. Т.1. С.70-72, 110, 207, 231, 241.

10. Рожков Н.А. Исторические и социологические очерки. Сб. ст. В 2-х ч. Ч.1. М., 1906. С.16; Рожков Н.А. Основные законы развития общественных явлений. С.87; Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. С.293; Богданов А.А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. Кн. 2. М., 1905. С.14; Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Избранные сочинения. В 10-ти тт. Т.7. М., 1986. С.270, 272; Бухарин Н.И. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. М.-Л., 1923. С.12.

11. Струве П.Б. Свобода и историческая необходимость // Струве П.Б. На разные темы (1893-1901 гг.): Сборник статей. СПб., 1902; Булгаков С.Н. Закон причинности и свобода человеческих действий (По поводу статьи П.Б. Струве «Свобода и историческая необходимость») // Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму: Сборник статей (1896-1903). СПб., 1903; Бердяев Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии: Критический этюд о Н.К. Михайловском. СПб., 1901; Туган-Барановский М.И. Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма. СПб., 1905.

12. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М., 1989. С.44.

13. Струве П.Б. Хозяйство и цена: Критические исследования по теории и истории хозяйственной жизни. Ч.1: Хозяйство и общество. – Цена-ценность. СПб., 1913. С.35-37, 60-61; Струве П.Б. Историческое введение в политическую экономию. Изд. 2-е. Пг., 1916. С.128-130; Струве П.Б. Избранные сочинения. М., 1999. С.224-226, 365-366.

14. Очерки по философии марксизма: Философский сборник. СПб., 1908. С.1-2.

15. Богданов А.А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. Кн. 1. М., 1908. С.29, 31, 39; Базаров В.В. Мистицизм и реализм нашего времени // Очерки по философии марксизма. С.51, 53.

16. Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. 2. М.-Л., 1933. С.21-24.

17. Луначарский А.В. Двадцать третий сборник «Знания» // Литературный распад. Критический сборник. Кн. 2. СПб., 1909. С.85.

18. Горький А.М. Исповедь // Горький А.М. Собр. соч. В 16 тт. Т.5: Повести 1908-1910. М., 1979. С.130-131; Богданов А.А. Красная звезда

(Утопия). СПб., 1908. С. 32-33; Луначарский А.В. Двадцать третий сборник «Знания». С.92.

19. Богданов А.А. Тектология (Всеобщая организационная наука). В 2 кн. М., 1989; Богданов А.А. Наука об общественном сознании. (Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах). М., 1914. Идеи Богданова были использованы Н.И. Бухариным в работе «Теория исторического материализма»: Бухарин Н.И. Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии. М.-Л.: Госиздат, 1923. С. 237-238, 269-271, 274-275.

20. Сетров М.И. Об общих элементах тектологии А. Богданова, кибернетики и теории систем // Ученые записки кафедр общественных наук вузов Ленинграда. Сер. «Философия». Вып. 8. Л., 1967; Поваров Г.Н. Норберт Винер и его «Кибернетика» // Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. М., 1968. С.5-28; Гусев С.С. От «живого опыта» к «организационной науке» // Русский позитивизм: Лесевич, Юшкевич, Богданов. СПб., 1995. С.292, 313; Vucinich, A. Social Thought in Tsarist Russia. The Quest for a General Science of Society. 1861-1917. Chicago and London, The Univ. of Chicago Press, 1976. P.214, 223, 230.

21. Богданов А. Наука об общественном сознании. С.6, 40-48, 58-59, 81, 100, 198-199.

П.А. СОРОКИН О СОСТОЯНИИ РУССКОЙ НАЦИИ В XX СТОЛЕТИИ

Самара. Самарский государственный университет

Известный социолог, философ, историк, публицист Питирим Александрович Сорокин (1889 – 1968), который в начале 20-х гг. XX века был выслан из Советской России, жил в Берлине и Праге, а затем переехал в США, практически неизвестен ни текстуально, ни аналитически в России. Научное наследие П.А. Сорокина было не востребовано советской наукой, а его имя было предано забвению. И лишь многие годы спустя научное наследие этого «гарвардского профессора из вологодских мужиков» [1] начинает активно изучаться.

Следует отметить, что П. Сорокин стал одним из первых русских эмигрантов, получивших профессиональное признание не только в американском, но и в мировом научном сообществе. Он, без сомнения, одна из наиболее заметных фигур «послеоктябрьской» русской философской и общественной мысли.

Родился П.А. Сорокин в январе 1889 года в селе Турья Яренского уезда, в крестьянской семье. От отца он унаследовал профессию - стал кочевым ремесленником, реставратором церквей и церковной утвари. Возможно, именно русские православные храмы, которые были своеобразной моделью мироздания, стали главным фактором, который повлиял на становление его личности. Человек в храме оказывался перед наглядной моделью вселенной, он был пронизан видимым и невидимым светом. По-видимому, именно это и способствовало тому, что необычайно впечатлительный, от природы наделенный художественным воображением, психологической зоркостью, Питирим с детства был сосредоточен на решении вопросов, по сути дела, далеко не детских. Его размышления не были приземленными, он всегда смотрел вглубь, пытался увидеть смысл происходящих событий.

В 1904 г. П. Сорокин поступил в церковно-учительскую школу в деревне Хреново Костромской губернии. Осенью 1907 г. он отправился в Петроград, устроился с помощью первого профессора-зырянина К.Ф. Жакова на вечерние Чернявские курсы. Окончив их через 2 года, сдал экстерном экзамены за 8 классов гимназии. Получив аттестат зрелости, П. Сорокин поступает в Психоневрологический институт. В то время это самое молодое и самое демократичное из высших учебных заведений России было единственным, в стенах которого студентам читали полный курс социологии [2].

В 1914 г. Сорокин окончил университет с дипломом I степени и был оставлен при кафедре уголовного права для подготовки к профессорскому званию. В 1916 г. он сдал магистерский экзамен, и на март 1917 г. была назначена защита его магистерской диссертации. К февральской революции П. Сорокин – уже видная фигура на политическом и научном небосклоне.

Среди огромного многообразия творческих тем П.А. Сорокина определяющей была философия истории, представленная глубоко и своеобразно. О концепции П. Сорокина иногда говорят как о циклической... Что касается самого П. Сорокина, то он считал свою теорию теорией «волнообразного движения культур». По его мнению, история не повторяется, а «повторяются лишь центральные темы культур, которые осуществляются в весьма разнообразных культурах в зависимости от различных состояний таких ее элементов, как психика или религия» [3]. В основе его концепции лежит не тот или иной тип цивилизации, не отдельный тип культуры, а определенная культурная сверхсистема. История напоминает симфонический оркестр, который, каждый раз по-новому повторяет одну и ту же тему. Вечно повторяющийся элемент истории составляет цикл культурного изменения, который характеризует жизнь любой цивилизации.

По мнению П. Сорокина, исторический процесс – бесконечная флуктуация трех типов культур – Умозрительной, Чувственной, Идеалистической [4]. Типы культур различаются в зависимости от того, какие ценности лежат в их основе. В социальном плане каждый тип культуры функционирует, обеспечивая надежность, устойчивость, предсказуемость, согласованность действий и отношений людей. Когда верования ослабевают, целостность культурной системы нарушается, старая система ценностей постепенно сменяется новой, а общество проходит через полосу конфликтов и катастроф.

Хочется отметить, что свойственная П. Сорокину интеллигентская установка на причастность ко всему, что происходит в России, подкрепляемая нравственным сознанием ответственности за судьбу отечества, не могла его оставить равнодушным к трагическим событиям мировой войны и революции. Как раз в контексте осмысления этих вопросов и оформляется ключевая для его духовных и творческих устремлений тема – тема России. Будет ли сохранено культурное наследие русского народа? – вот тот вопрос на который попытался ответить П.А. Сорокин. Его можно считать одним из пионеров философско-социологической разработки темы основных черт русской нации и русского национального характера в XX столетии.

Нация для П.А. Сорокина – это «многосвязная (многофункциональная), солидарная, организованная, полужакрытая социокультурная группа, по крайней мере отчасти осознающей факт своего существования и единства» [5]. Эта группа состоит из индивидов, которые являются гражданами одного государства, имеют языковую и культурную схожесть, и занимают одну территорию. В то же время нация является социальной системой, от-

личающейся от государства, а также от этнических и чисто территориальных групп. Т.е. нация является многосвязанным социальным организмом, объединенным и сцементированным государством, этническими и территориальными связями.

Русская нация состоит из трех основных ветвей русского народа – великороссов, украинцев и белорусов, а также из «русифицированных» или ассимилированных этнических групп, вошедших в состав дореволюционной Российской империи и современного Советского Союза [6]. Русская нация в указанном смысле возникла как нация с момента образования Русского государства в середине IX столетия. До этого, как восточная ветвь славянского народа, она существовала в форме языково-территориальных групп или племен на территории Евразии.

В результате образования Киевского государства и превращения вследствие этого восточнославянских групп в русскую нацию, эта нация, несомненно, осталась до настоящего времени главной и решающей группой, деятельность которой определила весь характер и последующую историю русского государства.

Сорокин сам определяет некоторые из основных качеств характера русской нации, подчеркивая при этом, что выводы сделаны им на основе анализа «объективных и исторически проверяемых фактов»: ее сравнительно длительное существование, огромная жизнеспособность, а также необычайное территориальное, демографическое, политическое, социальное и культурное развитие [7]. К указанным основным чертам могут быть добавлены еще дополнительные черты. С момента возникновения русской нации ее единство всегда основывалось на расовом и этническом разнообразии населения. Еще до основания Киевского государства восточные славяне представляли собой смешение различных индоевропейских и арийских расовых линий с добавлением урало-алтайских ветвей монгольских, тюркских и финских народов. Дореволюционная и Советская Россия включала в свой состав более сотни этнических групп и разных расовых групп.

П.А. Сорокин разоблачает миф об «агрессивности» русских, об общей «отсталости» русской культуры. Так, ссылаясь на собранные им данные исторической статистики, Сорокин приходит к выводу, что «общий индекс всех войн России» с XII по XX вв. ничуть не больше, а скорее меньше в сравнении с большинством европейских стран. Иными словами, Россия чаще всего выступала обороняющейся стороной [8].

Огромное внимание уделяет Сорокин рассмотрению основных черт сознания, культуры и ценностей России. С момента возникновения русской нации в IX в. и вплоть до XVIII столетия ее доминирующее сознание и культурная суперсистема были идеациональной, или религиозной, основанной на том фундаментальном положении, что истинной реальностью и высшей ценностью является Бог и царство божие в том виде, как они «раскрыты» в Библии, сформулированы в христианском символе веры и разви-

ты в учениях великих отцов церкви. Основные черты русского сознания и все компоненты русской культуры и социальной организации, а также всей системы основных ценностей представляли собой идеологическое, поведенческое и материальное воплощение этой главной посылки.

По своим основным чертам русское сознание, культура и ценности были аналогичны доминирующей суперсистеме средневековой Европы в период с VI до конца XII столетия. Рядом с господствующей идеациональной суперсистемой в России, так же как и в Европе, существовали в качестве второстепенных систем сенсативные и эклектические формы сознания, культуры и ценностей. Господство идеациональной суперсистемы в России длилось до XVIII века, ей на смену пришли ценности идеалистической, или интегральной суперсистемы. XX столетие стало переломным моментом, сенсативная суперсистема быстро рушилась, что привело Россию к переходному государству и к поискам новой суперсистемы – личной, культурной и социальной.

С этой точки зрения переживаемый в XX веке в России кризис символизирует прежде всего продолжающийся распад чувственной культуры. Переходный период, по описанию П. Сорокина, сопровождается войнами, революциями, хаосом, ужасом, горем. Порой он проявляется в такой жесточайшей форме, которая сравнима с «пожаром, сжигающим все до основания, уносящим за несколько недель миллионы человеческих жизней, уничтожающим за несколько часов города с их многовековой историей» [9]. Тем не менее, Сорокин, говоря о кризисном состоянии русской нации в XX столетии, поставил качественно иной прогноз: не гибель цивилизации, а конец чувственного и начало нового интегрального цикла.

Литература

1. Финк Л. Гарвардский профессор из вологодских мужиков // Вольнодумец. 1993. № 3. 16 января.
2. Сорокин П.А. Дальняя дорога: автобиография. М.: Тера, 1992. С. 51.
3. Сорокин П.А. Кризис нашего времени // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С.463.
4. Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. С. 23-28 .
5. Сорокин П.А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 466.
6. Там же. С. 469
7. Там же. С. 472
8. Сорокин П.А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии. С. 481.
9. Сорокин П.А. Кризис нашего времени. С. 428.

УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ САМАРЫ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Самара. Самарский государственный университет

Городское население Российской империи в конце XIX – начале XX века было достаточно пестрым по своему сословно-классовому составу и имущественному положению. Самара также не составляла исключения в данном вопросе. Одним из основных источников доходов ее жителей являлась трудовая деятельность. Удобное расположение города на пересечении торговых путей, идущих из Азии в центральные районы России, превратило торговлю в приоритетный вид деятельности для многих горожан. Недалеко Самару того времени часто называли «торговой», «купеческой». Представители купцов I-ой гильдии составляли самую богатую категорию населения. Династии Курлиных, Шихобаловых, Неклютиных, Субботиных обладали миллионными состояниями.

Поскольку город являлся и губернским центром, он стал средоточием различных административных учреждений, на службе в которых было занято значительное число чиновников различного уровня и служащих. Доходы высших административных работников равнялись в среднем 4.000 руб. в год. Например, председатель Губернской земской управы получал 3.999 руб., а члены управы по 3.000 руб., директор больницы, доктор медицины – 3.600 руб. в год [1]. Доходы следующей категории служащих приближались к 1500 руб.: секретарь, бухгалтера, заведующие отделами, эпидемический врач Губернской земской управы и другие. От 1.200 до 600 руб. в год получали представители следующих профессий: ветеринарный врач, счетовод, заведующий складом, некоторые делопроизводители и писцы [2]. Например, командиру пожарного обоза и брандмейстеру платили по 999 руб. 96 коп. в год [3]. Учителям платили в среднем около 600 руб. в год [4]. Жалование от 600 до 300 руб. в год полагалось писцам, чертежникам, машинисткам; от 300 до 100 руб. сторожам, дворникам Губернской земской управы; служащим пожарного обоза [5]. Заработная плата промышленных рабочих составляла в среднем около 200 руб. в год [6].

Поденщики, многие из которых были сезонными рабочими, прибывавшими в Самару на заработки в летний период, получали заработную плату за реально выполненную ими работу в течение дня. Плотникам и мостовщикам платили в день от 80 коп. до 1 руб.; каменщикам, штукатурам, малярам, землекопам – 1 руб. Кузнец, столяр, кровельщик, печник получали по 1 руб. 20 коп., слесарь – 1 руб. 50 коп. Чернорабочий-мужчина мог заработать в день от 60 до 80 коп., женщина – от 40 до 50 коп. [7]. Они могли выполнять следующие виды работ: размол зерна (с пуда платили от

4 до 7 коп.), набивка куля мукой или насыпка крупой с ушивкой – от 3 до 8 коп. и другие [8]. Одной из основных проблем данной группы работников было отсутствие гарантии ежедневной занятости, а значит и стабильного источника дохода.

Для того чтобы представить себе хотя бы приблизительно уровень жизни городского населения того времени, необходимо сопоставить зарплаты с годовым потреблением продуктов питания и ценами на эти продукты. Рассмотрим данный вопрос на примере потребления продуктов питания городскими рабочими, поскольку эти сведения представлены наиболее полно:

Таблица [9]

Годовое потребление рабочими основных продуктов питания и средние цены в конце XIX – начале XX века

Наименование продуктов	Годовое потребление в 1900 – 1905 гг. (в кг)	Средние цены в 1900 г. по Самаре (за кг) в руб.
Мясные: говядина 1-го с. баранина 1-го с.	38,5	0,22 0,22
Молоко	48,1	0,77(ведро)
Масло растительное	7,8	0,29
Рыба: Судак свежий	7,7	0,29
Яйца (шт.)	59	0,16 (10 шт.)
Сахар	9,1	0,04
Картофель	93	0,02
Хлебные: Калач 2-го с. Ржаной хлеб	233	0,10 0,04

Добавим также, что мука стоила 0,11 руб., гречневая крупа – 0,07 руб., одна курица – 0,6 руб., соль – 0,02 руб., морковь и свекла – по 0,05 руб., яблоки – 0,23 руб. за килограмм [10].

Данные, приведенные в таблице, позволяют составить примерное представление о нормах потребления основной массой городского населения продуктов питания. Как отмечал Р. Кабо, объем потребляемых продуктов с увеличением доходов горожан изменялся незначительно. Зато изменение соотношения растительной и животной пищи в рационе бедных, зажиточных и богатых категорий населения оказывалось гораздо более заметным. К низшей группе исследователь отнес рабочих, ремесленников и прислугу; к средней – служащих, чиновников, духовенство; к высшей – фабрикантов, торговцев и т.д. Так, представители высшей и средней групп потребляли меньше хлеба, крупы, картофеля и овощей, чем входившие в

низшую группу. В то же время в двух первых группах потребление сахара и продуктов животного происхождения значительно превышало показатели по низшей группе (мясо, рыба, молоко – более чем на 50%) [11].

Интерес представляет и вопрос о ценах на квартиры. За наем 3 – 4-х комнатной квартиры в месяц просили 15 руб. Некоторые организации практиковали выплату своим служащим квартирных денег. Так, месячное жалование помощника архивариуса Самарской губернской земской управы составляло 20 руб., плюс 15 руб. для уплаты за квартиру [12]. Для создания более полного представления о потребностях и расходах городского населения Самары приведем ряд дополнительных сведений: пошив в 1895 году форменного пальто стоил от 5 до 7 руб., сюртука – от 4 до 6 руб., брюк – от 1,50 до 2 руб. Калоши резиновые-полуботинки можно было купить в среднем за 2,6 руб. [13]. Широко пользовалось население и услугами железнодорожного транспорта. Стоимость проезда по железной дороге зависела от расстояния и от класса, в котором ехал пассажир. Например, цена билета от Сызрани до Самары колебалась в пределах от 4,31 до 1,68 руб., а от Самары до Оренбурга – от 19,05 до 7,3 руб. [14]. Такса на услуги извозчиков в зависимости от времени и расстояния равнялась – 20 – 45 коп., а проезд по городу в течение дня стоил 3 руб. [15]. Почта и телеграф предоставляли горожанам несколько видов услуг. Пересылка закрытого простого письма обходилась в 7 коп. за лот, открытого – в 3 коп., бандероли – по 2 коп. за каждые четыре лота; посылки, в зависимости от веса и расстояния пересылки – от 20 коп. За отправку телеграммы взимали 15 коп. плюс пословная плата, которая в пределах европейской России равнялась 5 коп. за слово [16].

Широкий ассортимент самых разнообразных товаров имелся в самарских магазинах и лавках (начиная с привычных вещей и заканчивая экзотическими колониальными товарами, последними техническими новинками). Например, в магазине Шанина покупателям был представлен большой выбор фотографических аппаратов и необходимых к ним принадлежностей. Особо подчеркивалось, что при покупке фотоаппарата давались бесплатные консультации по правильному его использованию. Здесь же продавались и современные различные электрические устройства: электрические звонки, телефоны, принадлежности для электрической сигнализации, предметы для освещения [17]. Кстати, в Самаре можно было приобрести и фотографии с местными видами по цене от 40 коп. до 1 руб. за экземпляр [18].

Мелкие чиновники, служащие, квалифицированные рабочие за счет жалования обеспечивали себя и свои семьи продуктами питания и одеждой, другими необходимыми вещами, оплачивали наем жилья. В случае же необходимости денежных трат сверх обычных, они сталкивались с ощутимыми трудностями. Потому таким распространенным явлением стала подача служащими различных учреждений прошений на имя руководства последних о выдаче им определенных сумм с условием их выплаты в рас-

срочку в течение нескольких месяцев из денежного содержания. Например, писец Самарской губернской земской управы Г. Ханин просил выдать ему из кассы управы 60 руб. в связи с необходимостью лечения на серных водах. Он указывал, что собственных средств для этого решительно не имеет [19]. Подобные прошения поступали и в Самарскую городскую управу. Как правило, они удовлетворялись.

При изучении условий жизни городского населения в первую очередь возникает вопрос о благоустройстве и санитарном состоянии города в рассматриваемое время. Первое впечатление, которое производил на приезжающих вид Самары с Волги, было очень приятным. Однако оно быстро тускнело при более близком знакомстве с улицами, рынками, площадями, пустырями, отличавшимися неряшливостью, неустроенностью и какой-то общей безалаберностью. Все же к концу XIX века город обзавелся такими «благами цивилизации» как электрическое освещение, телефон, новые мостовые, водопровод, благоустроенная набережная, конно-железная дорога. Город отличали значительный рост численности населения и быстрая застройка (200 – 300 домов в год) [20]. По мнению С.Е. Лаврова, Самара принимала постепенно «весьма прекрасный, европейский вид города» [21]. Однако все эти блага были доступны в первую очередь престижным районам. Так, одной из наиболее благоустроенных улиц была Дворянская, застроенная роскошными особняками и фешенебельными магазинами. Окраины же, населенные бедняками, как впрочем, и окраины других российских городов, менялись мало: типичными явлениями были убогие жилища, антисанитария, отсутствие самых элементарных удобств.

Санитарное состояние города отражалось и на здоровье его населения. Привычными явлениями повседневной жизни были эпидемии. В теплое время года распространению различных заболеваний в немалой степени способствовало значительное увеличение численности населения за счет прибывших на заработки. Они обычно размещались в дешевых частных ночлежных домах и просто на набережной. Городские власти принимали меры для борьбы с эпидемиями: проводились регулярные осмотры и дезинфекции «ночлежек» и набережной, заболевшим оказывалась медицинская помощь. Известны случаи, когда ночлежные дома закрывали в связи с плохим санитарным состоянием. И, тем не менее, городским властям не удавалось предотвратить ежегодные вспышки эпидемий.

В Самаре имелись следующие медицинские учреждения: земская больница с родильным домом, приемный покой, колония душевнобольных, бактериологическая лаборатория для приготовления антидифтерийной сыворотки Ру, бактериологическая станция имени Пастера и др. Для оказания помощи бедным жителям был введен институт бесплатных думских врачей. В 1897 году ими было совершено 29.115 посещений больных [22].

Некоторые частные медицинские учреждения также оказывали подобную помощь по пониженным ценам. Например, частная поликлиника в доме Грече на Предтеченской улице предоставляла небогатым горожанам медицинскую помощь за умеренную плату. За врачебный совет нужно было заплатить 30 коп. Столько же стоил осмотр прислуги и кормилиц. Кроме того, заведение предоставляло врачам возможность «при подаче медицинской помощи, держаться в сфере избранной специальности» [23].

Следующим весьма актуальным вопросом для самарцев была проблема получения образования. В городе имелись мужские и женские гимназии, реальное училище, женская земская учительская школа, духовная семинария, женское епархиальное училище, пансион для девиц. Можно также назвать духовное, городское, земское, приходские, низшее железнодорожное техническое училища, женскую школу при монастыре, три частных начальных школы [24]. Не смотря на, казалось бы, солидный список учебных заведений, их возможность удовлетворить потребности населения в получении образования, была ограничена. Так, городская управа обращалась к инспектору Самарского 4-хклассного училища с просьбой при приеме учащихся отдавать предпочтение детям жителей города Самары, поскольку количество мест было ограничено. Например, в 1892 году желающих поступить в указанное учебное заведение было 130 человек, а училище смогло принять лишь 65 – «остальным отказано за недостатком места». В связи с этим в городскую управу регулярно поступали прошения со стороны родителей о расширении училища [25].

Далеко не всегда и санитарное состояние учебных заведений соответствовало требуемым нормам. Например, в результате осмотра земского приходского училища 18 декабря 1892 года, городская управа приняла решение закрыть его до 7 января 1893 года. Причиной послужило неудовлетворительное санитарно-гигиеническое состояние, приведшее к распространению среди учащихся брюшного тифа [26]. В отношении одного из думских врачей на имя управы также говорилось о причинах заболеваемости в училищах: плохое питание и содержание детей [27].

В конце XIX века в Самаре было большое количество различных обществ и клубов, членство в которых было не только одним из вариантов проведения досуга, но и налагало определенные общественные обязанности. Общество попечительства о народной трезвости, к примеру, проводило мероприятия, призванные отвлечь народ от злоупотребления спиртными напитками. В этих целях организовывались народные спектакли и библиотеки, устраивались столовые и чайные. Поскольку проблема потребления алкоголя подростками также была актуальна, возникла инициатива организации детских площадок и домов трудолюбия для подростков из бедного класса [28]. В Самаре функционировал дом трудолюбия, организованный общественностью. Здесь предоставлялись жилье и работа для немущих, желающих зарабатывать честным трудом.

В оценку качества жизни населения включается и показатель степени удовлетворения потребностей населения, связанных с приобщением к благам культуры. Среди учреждений культуры в первую очередь следует назвать Александровскую публичную библиотеку с музеем древностей, частные библиотеки, Художественный музей, местный театр. В городе выходило несколько печатных периодических изданий: «Самарские губернские ведомости», «Самарские епархиальные ведомости», «Самарская газета», «Самарский справочный листок» и «Самарский вестник». Издатель «Самарской газеты» поставил перед собой задачу предоставить своим читателям возможность находиться в курсе событий как регионального, так и общегосударственного значения, и даже заменить чтение столичных газет [29]. Помимо информации, касающейся различных сторон экономической, политической и культурной жизни, здесь помещались объявления, реклама, фельетоны. Систематически публиковались рецензии на выступления местных и заезжих театральных трупп и артистов. Попадались и статьи, содержавшие критику местной администрации, показывавшие отрицательные стороны самарской общественной жизни. Подписная цена на газету составляла на год – 6 руб., полгода – 3 руб., один месяц – 60 коп. [30].

Большой популярностью у населения пользовался местный театр. Город имел собственную драматическую и опереточную труппу. Стремление антрепренера И.П. Новикова угодить разнообразным, но часто невысоким вкусам публики и сделать кассовый сбор, нередко приводило к тому, что уровень постановок был ниже среднего. Желаящие приобщиться к миру искусства, кроме того, могли брать частные уроки музыки или живописи. Например, стоимость занятий в мастерской художника К.Н. Воронова равнялась 15 руб. в месяц за ежедневный двухчасовой урок рисования и 25 руб. за урок живописи. Художник также продавал свои картины и принимал заказы на портреты [31].

Одним из самых демократичных видов развлечения и отдыха одновременно, являлись прогулки на свежем воздухе. Долгое время любимым местом отдыха горожан в теплое время года оставался Струковский сад, который называли «лучшим из всех общественных садов Поволжья» [32]. Красивые аллеи, цветочные клумбы, фонтаны, тир, воксал с оркестром, ресторан, летний театр, названный, правда, в одном из справочников «небольшим сараем» [33], должны были удовлетворять разнообразным потребностям самарской публики в развлечениях. Здесь можно было полюбоваться как замечательны видом Волги, так и нарядами самарских дам. Струковский сад являлся не единственным местом отдыха подобного рода в Самаре. Был еще, например, Александровский сад. Правда публика, любившая его посещать, отличалась отсутствием хороших манер и особо свободными нравами [34].

Среди самарцев были также популярны посещения кумысолечебных заведений, находившихся в окрестностях города, с целью лечения или от-

дыха, и просто выезды на природу. Окрестности Самары привлекали местных жителей и производили приятное впечатление на приезжих своими просторами и живописными видами: «После долгого пребывания в столице, после скучного путешествия в вагоне...вам покажется, что и солнце в степях самарских светит ярче... и воздух... бархатнее и люди взглядывают веселее, приветливее, свободнее...» [35].

Таким образом, рассматривая образ жизни городского населения Самары в конце XIX – начале XX века, мы можем отметить значительную неоднородность, и даже контрастность в имущественном положении отдельных классов, сословий, социальных и профессиональных групп. К наиболее богатым и зажиточным категориям населения относилось купечество, руководители местных органов власти, самоуправления, различных учреждений. В среднюю группу входили технические работники, учителя, врачи, основная масса чиновников и служащих. Мелкие служащие, рабочие, прислуга составили третью группу, имевшую весьма скромные доходы.

В целом можно сказать, что в Самаре имелись условия для удовлетворения потребностей населения в получении работы, медицинского обслуживания, образования, повышения культурного уровня, досуге и отдыхе. Однако уровень и качество удовлетворения этих потребностей для представителей тех или иных групп были различны и зависели от их материального положения. Род занятий и доходы горожан определяли не только уровень и качество, но и стиль их жизни, влияли на образ мыслей, которые в свою очередь содействовали формированию определенного отношения к себе и окружающей жизни, и соответствующего этому отношению стереотипа поведения.

Литература

1. Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф. 5. Оп. 18. Д. 413. Л. 13 – 14; Д. 512. Л. 14 об. – 125; Д. 490. Л. 314 – 327; Д. 254. Л. 111.
2. ГАСО. Ф. 5. Оп. 18. Д. 413. Л. 13 – 14; Д. 512. Л. 141 об. – 125; Д. 490. Л. 314 – 327.
3. ГАСО. Ф. 153. Оп. 5. Д. 22. Л. 2 – 3 об.
4. ГАСО. Ф. 360. Оп. 48. Д. 37. Л. 410 об. – 411.
5. ГАСО. Ф. 5. Оп. 18. Д. 413. Л. 13 – 14; Д. 512. Л. 14 об. – 25; Д. 490. Л. 314 – 327; Ф. 153. Оп. 5. Д. 22. Л. 4 – 150.
6. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1899. Т. 27. С. 284 – 285.
7. ГАСО. Ф. 153. Оп. 10. Д. 443. Л. 295, 486.
8. ГАСО. Ф. 153. Оп. 10. Д. 557. Л. 616 об.
9. Таблица составлена по: Миронов Б.Н. История в цифрах: Математика в исторических исследованиях. Л., 1991. С. 141; ГАСО. Ф. 153. Оп. 10. Д. 557. Л. 738 – 739.

10. ГАСО. Ф. 153. Оп. 10. Д. 557. Л. 738 – 739.
11. Кабо Р. Потребление городского населения России (по данным бюджетных и выборочных исследований)/ Под ред. Г. Шуба. М., 1918. С. 26.
12. ГАСО. Ф. 5. Оп. 18. Д. 490. Л. 314 – 327.
13. ГАСО. Ф. 153. Оп. 10. Д. 443. Л. 582; Д. 557. Л. 658 об.
14. Монастырский С. Иллюстрированный спутник по Волге. Историко-статистический очерк и справочный указатель. В 3 ч. Казань, 1884. Ч. III. С. 61.
15. Вся Самара: Справочная и адресная книга. Самара, 1900. С. 54.
16. Там же. С. 38 – 40, 45.
17. Там же. С. 14.
18. Монастырский С. Указ. соч. Ч. III. С. 61.
19. ГАСО. Ф. 5. Оп. 18. Д. 413. Л. 69.
20. Монастырский С. Указ. соч. Ч. II. С. 215.
21. Справочно-коммерческий спутник по городам Поволжья и Центральной России/ Сост. С.Е. Лавров. Самара, 1900. С. 40.
22. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 82 т. М., 1992. Т. 56. С. 173.
23. Вся Самара. С. 146.
24. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 82 т. М., 1992. Т. 56. С. 173.
25. ГАСО. Ф. 153. Оп. 14. Д. 182. Л. 328, 340 – 349, 371 – 372.
26. Там же. Л. 509.
27. ГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1023. Л. 84.
28. ГАСО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 19. Л. 14 – 16.
29. Вся Самара. С. 101.
30. Там же.
31. Там же. С. 16.
32. Монастырский С. Указ. соч. Ч. III. С. 62.
33. Там же.
34. Там же.
35. Там же.

ИССЛЕДОВАНИЯ УЧЕНЫХ-ФИЛОЛОГОВ ГОРОДА СЫЗРАНИ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Самара. Самарский государственный университет

Сызранский учительский институт был организован в 1939г. на базе педагогического училища в составе двух факультетов: физико-математического и литературного [1].

В сентябре 1941г. в нем обучалось 268 студентов и функционировало четыре кафедры: марксизма-ленинизма, педагогики, русского языка и литературы, физики и математики, на которых работало 15 научных сотрудников, в том числе 2 профессора (один доктор лингвистических наук М.В. Сергиевский), 6 кандидатов наук, доцентов, пять старших преподавателей и два ассистента [2]. Ведущий кафедрой являлась кафедра русского языка и литературы. Всего на ней трудилось 7 человек, из них 2 профессора, один кандидат наук, доцент, 3 старших преподавателя и ассистент [3]. Заведовал кафедрой кандидат филологических наук, доцент У.Ф. Фохт.

Научно-педагогический коллектив института горячо откликнулся на обращение Академии наук СССР к ученым всех стран, в котором, в частности, говорилось: «Советские ученые, в полном единении со всем народом, занимают свое место в рядах защитников Родины и свободы.

...Всем кому дорого культурное наследие тысячелетий, для кого священны высокие идеалы науки и гуманизма, должны положить все силы на то, чтобы безумный и опасный враг был уничтожен» [4].

Преподаватели института с большим напряжением вели учебный процесс, повседневно готовили кадры для просвещения. Они самым активным образом участвовали в сборе средств на постройку военной техники, собирали и отправляли на фронт теплые вещи, работали на подсобном хозяйстве института. Были всегда и во всем старшими товарищами студентов.

Сочетая учебную работу с организацией и осуществлением помощи фронту, профессорско-преподавательский состав института вел и важную научную работу.

Активно занимались научно-исследовательской деятельностью филологи. Она велась по четырем направлениям: участие всех работников кафедры в разработке общеинститутской темы «Воспитание советского патриотизма в школе», выступления с докладами на научных конференциях, проводимых вузом; пересмотр содержания и методов читаемых курсов в соответствии с требованиями, выдвинутыми Великой Отечественной войной советского народа с немецко-фашистскими захватчиками; индивидуальные исследования [5]. По первому из них подготовили статьи: проф. М.В. Сергиевский «Воспитание советского патриотизма на уроках языка»,

доц. У.Р. Фохт «Принципы воспитания советского патриотизма на занятиях по литературе», стар. преп. М.В. Державин «Отечественная война 1812 года в литературном чтении 5 класса» и «Великое и родное» («Думы о родине» С. Стальского), преп. А.В. Ползиков «Героизм в произведениях Л. Толстого (Внеклассное чтение в средней школе), по второму – сделали доклады на общеинститутских и городской конференциях на темы: проф. М.В. Сергиевский «Расовая «теория» в языкознании» и «Русская филология», доц. У.Р. Фохт «Фашистские бредни в области теории литературы», «Классическая литература великого русского народа» и «1812 год в русской художественной литературе», проф. А.И. Ревякин «Горький – враг фашизма» [6].

Что же касается третьего направления, то в январе 1942 г. все сотрудники кафедры выступили с сообщениями [7].

Широким и многоплановым был диапазон научных разработок, выполненных проф. М.В. Сергиевским. Он исследовал русско-румынские культурные отношения, прежде всего, языковые. Сначала им рассмотрено образование румынского и молдавского языков из народной латыни балканских провинций древнего Рима [8]. Затем предметом его изучения стали историческая обстановка на Балканах после падения западно-римской империи, роль славянства в формировании молдавского и румынского языков, литературный язык в государствах Молдавии и Валахии в первые столетия их самостоятельного существования; переход на национальный язык в Молдавии и Валахии в конце XVI и начале XVII веков; значение славянских языков в деле формирования литературного языка на национальной основе; появление оригинальной молдавской и валахской литературы и влияние на нее славянских литератур в XVII веке; дальнейшее развитие литературного языка в Молдавии в XVII- XIX веках; греческое влияние эпохи фанаристов; восточно-славянские элементы в молдавском языке в связи с усилением связей с Россией в эту эпоху; воздействие русской литературы и русского языка на молдавскую литературу и языки в XIX веке; литературный язык советской Молдавии [9].

Основное место в научно-исследовательской деятельности проф. Ревякина занимала тема его докторской диссертации «Ранний А.Н. Островский» [10]. Для ее раскрытия он изучил документы архивов Москвы, Ленинграда, Костромы, Горького. Им было выявлена масса новых материалов биографического и творческого характера, позволившая по-новому осветить жизненный и творческий путь А.Н. Островского, а также его значение в театре, литературе, обществе [11].

Впервые в изучении А.Н. Островского в труде проф. А.И. Ревякина даны такие разделы, как домашнее воспитание Островского, Островский в гимназии, Островский в университете и многие другие [12].

Известно, что об Островском написано немало хороших статей, ведущими из которых остаются статьи Добролюбова. Но при всем этом у нас

не было солидных монографий о жизни и творчестве А.Н. Островского – этой центральной фигуры русской драматургии, наложившей мощную печать и на развитие драмы и на развитие театра. Достаточно сказать, что самая крупная работа – «Жизнь и творчество А.Н. Островского» принадлежала французскому исследователю Потуйэ [13].

А между тем, творчество Островского, остается актуальным и своей проблематикой и своим мастерством. Советская драматургия не могла пройти мимо А.Н. Островского. Она училась и должна была учиться у него. Исследование проф. А.И. Ревякина должно было положить начало выходу больших монографий об Островском [14].

Интересную информацию о ходе работы проф. А.И. Ревякина над вышеозначенной темой мы нашли на страницах городской газеты «Красный Октябрь». Здесь 29 января 1943г. опубликован материал под названием «Литературные и общественные связи А.Н. Островского». В нем говорилось: «1 февраля в Учительском институте состоится очередное заседание кафедры русского языка и литературы. Проф. А.И. Ревякин прочтет на нем новую главу своей докторской диссертации о раннем Островском – «Литературные и общественные связи А.Н. Островского». – В основу этой главы, - сообщил в беседе с нашим сотрудником А.И. Ревякин, – положены найденные мною в московских и отчасти ленинградских архивах новые, еще не публиковавшиеся материалы, по-новому освещающие облик раннего Островского и его друзей. Наряду с известным уже в литературе окружением молодого Островского мне удалось установить ряд новых литературных и общественных связей драматурга с людьми западно-восточного направления. Проф. А.И. Ревякин сообщил далее, что работа над диссертацией подходит к концу. Сейчас он работает над последней главой, которая будет называться: «Сценическое воплощение ранних произведений А.Н. Островского». К ним относятся пьесы «Свои люди – сочтемся» и «Бедная невеста».

К обсуждению этой последней главы, – сказал в заключение тов. Ревякин, – мне бы очень хотелось привлечь работников театра» [15].

Наряду с изучением творчества А.Н. Островского проф. А.И. Ревякин продолжал готовить книгу «Сталин об искусстве и литературе». По этой проблеме он опубликовал ряд статей в центральных журналах: «Искусство», «Октябрь» и др. [16].

С начала Великой Отечественной войны проф. А.И. Ревякин обратился к советской литературе, о которой в свое время много писал. В 1942 г. он закончил книгу «Художественная литература отечественной войны». Она состояла из 14 очерков о советских писателях и произведениях, написанных в дни войны. В числе очерков – пьеса «Русские люди» К. Симонова, поэма «Киров с нами» Ник. Тихонова, «А. Сурков»- поэт мужества и гнева», «Илья Эринбург» – неистовый изобличитель фашизма, «Владимир

Ставский» – художник фронтовой героики, плакатно-сатирические стихи С. Маршака, русский народ в публицистике А.Н. Толстого и др. [17].

Одновременно проф. А.И. Ревякин работал над брошюрой «Ленин в Сызрани и ее окрестностях» [18].

Значительный интерес представляли исследования доц. У.Р. Фохта. Кроме уже названной выше темы, он разрабатывал еще две и готовил по ним книги. Первая называлась «Характерология русской классической литературы» [19]. В ней доц. У.Р. Фохт имел ввиду решить крайне важную задачу как-то поставленную перед литературоведением А.М. Горьким – установить «преемственность типов и преемственность идей, коими литература питалась» [20]. Это представлялось важным, как для современной литературы, так и для читателя. Данная работа противопоставляла профашистской теории циклического развития общества единственно соответствующую действительному ходу жизни картину прогрессивного развития на материале русской классической литературы. В противоположность имевшимся лишь описательным образам истории русской литературы, настоящее исследование в рамках истории литературных характеров давало то, что Гегель называл «мыслящей историей» [21].

В книге рассматривался также и метод строения характеров на основе мировоззрения авторов и идейного содержания их творчества. В противовес обычному дилетантскому рассмотрению литературных характеров давался их анализ на уровне современной психологии и эстетики [22]. В ней анализировались характеры, данные в творчестве Ломоносова, Сумарокова, Фонвизина, Державина, Карамзина, Жуковского, Грибоедова, Рылеева, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Гончарова, Островского, Чернышевского, Некрасова, Щедрина, Достоевского, Л. Толстого, Короленко, Чехова, Горького и Маяковского.

– Наша эпоха, – говорил в беседе с корреспондентом газеты Красный Октябрь доц. У.Р.Фохт, – выдвинула тысячи героев.

Советская литература стоит перед необходимостью дать героический образ современного человека – творца новой жизни и ее защитника. Русская классическая литература уделяла огромное внимание личности в ее отношениях к обществу.

Герои значительнейших произведений русской литературы XIX-XX веков дают нам разнообразнейшее решение этой проблемы. Историю типов в русской литературе в их идейном содержании и в методах, которыми они раскрывались нашими классиками, я и хочу дать в своей работе. Являясь научным исследованием, основанным на рукописных архивных данных (история черновиков, редакций, раскрывающих процесс создания героев и пр.), и давая систему теоретических обобщений, моя книга должна быть вместе с тем доступной и интересной для самого широкого читателя. Я отдаю себе отчет в сложности и трудности поставленной задачи, но тем заманчивее и интереснее работа над ее решением [23].

В отчете о научно-исследовательской работе института за 1941-1942 учебный год нами найдены сведения о проделанном доц. У.Р. Фохтом. Была разработана теория литературного языка; установлены особенности литературы, обоснована периодизация ее развития, определены особенности каждого из периодов; исследовано развитие идеи народности и идеи патриотизма в русской классической литературе; изучена психологическая характеристика в ее нынешнем состоянии в науке; произведена предварительная классификация характеров; начерно произведен анализ характеров [24].

Параллельно доц. У.Р. Фохт продолжал трудиться и завершил в 1942 г. по заданию института мировой литературы Академии наук СССР исследование, посвященное изучению строения сюжета у Пушкина. Оно ставило своей целью помочь современной литературе в ее работе над сюжетом. В этом исследовании противопоставлялось распространенным в тогдашней идеалистической философии разного рода «органическим» теориям, выдвигавшим принцип целостности (среди прочего и литературного произведения), количественного характера этой целостности, ее неразложимости, непознаваемости ее рационалистическим путем (правое Гегельянство, Шпани, Шторм, О.Вальцель), попытка научного анализа литературы, исходя из целостности литературного произведения, заключающей в себе единство противоположностей, которое дает на основе развития действительности развитие и самой литературы. Строение сюжета у Пушкина рассматривалось в единстве особенностей его строения и развития с особенностями и развитием мировоззрения Пушкина и идейного содержания его произведений [25]. Работа состояла из введения, где рассмотрена проблема сюжета в русской литературе и литературоведении, пяти разделов, каждый из которых был посвящен определенной тематике. Так, в первом из них дан анализ анакреонтических поэм, во втором – романтических поэм, в третьем – романа в стихах, в четвертом – поэм и повестей, направленных на преодоление литературных традиций: классицистические повести и поэмы, сентиментальные, романтические и нравоучительные повести, в пятом – реалистические повести: психологическая, стихотворная историческая и социально-историческая [26].

Старший преподаватель той же кафедры Н.М.Элиаш, работая над темой «Русские колыбельные песни», в 1944 г. завершила, а в 1945 г. защитила кандидатскую диссертацию в Казанском госуниверситете [27]. Затем она приступила к изучению художественного стиля произведений Ванды Василевской и одновременно обрабатывала материал своего фольклорного фонда, собранного в районах Ленинградской области [28].

Плодотворно трудились в научном плане и остальные сотрудники кафедры: старшие преподаватели М.В. Державин, А.В. Шелестов, А.Ф. Лукин. Первый из них представил в Казанский университет кандидатскую диссертацию на тему «Гаршин и война», второй завершал кандидатскую диссертацию на тему «Составное сказуемое в современном русском язы-

ке», третий успешно занимался исследованием связанным с фольклорным элементом в творчестве Островского [29].

Таким образом, изучаемый материал позволяет сделать следующие выводы: несмотря на труднейшие условия военного времени, ученые института вели интенсивную и разностороннюю научно-исследовательскую деятельность, подчинив ее задачам победоносной борьбы с фашизмом. Они создали ряд фундаментальных трудов по литературоведению и языковедению. В годы войны важное значение приобретало патриотическое воспитание советского народа. В решении этой задачи активное участие принимали и сызранские ученые – филологи.

Литература

1. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее СОГАСПИ). Ф 656.ОП.33.Д.45.Л.111.
2. Там же. Л.122
3. Там же.
4. Правда. 1941. 13 октября.
5. СОГАСПИ Ф.656, ОП.33.Д.45.Л.117.
6. Там же.
7. СОГАСПИ. Ф.656. ОП.33. Д. 45.Л.117
8. Там же.
9. Там же.
- 10.Красный Октябрь. 1942. 26 апреля.
- 11.Там же.
- 12.Там же.
- 13.Там же.
- 14.Там же.
- 15.Красный Октябрь. 1943. 29 января.
- 16.Там же. 1942. 24 апреля .
- 17.Там же.29 июля; СОГАСПИ.Ф.656.ОП.33.Д.45.Л.117-119.
- 18.СОГАСПИ.Ф.656,ОП.33.Л.117-119.
- 19.Там же.
- 20.Там же.Д.45 Л.118.
- 21.Там же.
- 22.Там же.
- 23.Красный Октябрь. 1942. 25 января.
- 24.СОГАСПИ.Ф.656.Д.45.Л.117-119.
- 25.Там же.
- 26.Там же.
- 27.Там же. ОП.36,Д.327.Л.12.
- 28.Там же.
- 29.Там же.

СТУДЕНЧЕСКИЙ КОСТЮМ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ОТ ЗНАКА К ТЕКСТУ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Самара. Самарский государственный университет

Если исходить из теории Р. Барта о существовании у одной и той же вещи (платья, костюма) трех разных структур – технологической, иконической и вербальной [1], то возможно расширить рассмотрения темы модного костюма до социологии моды, т.е. проследить как некая модель одежды стремится систематизировать типы поведения, соотнося их с социальными положениями, уровнем жизни людей и их ролями. «Веками типов одежды было столько же, сколько социальных классов, – пишет Р. Барт в статье «Дендизм и мода». – Для каждого социального положения имеется свой костюм, и превращать одеяние в знак не составляло никакой трудности, поскольку сама сословная рознь считалась чем-то естественным» [2]².

С конца XVIII века мужской костюм в общих чертах приходит к единообразию. Но социальное разделение в обществе остается. Тогда в одежде возникает такая новая эстетическая категория как деталь. «Отныне достаточными обозначениями тончайших социальных различий сделались узел галстука, ткань сорочки, жилетные пуговицы, туфельные пряжки» [3] и т.д. Студенческая мода XIX века в России – это не просто мир вещей. В семиологическом плане она предстает как идеология, т.е. сотворение мира смыслов через мир вещей.

Студенчество России конца XIX века весьма примечательная группа населения, маргинальная по всем граням своего бытия. Его полисословная природа, психологический тип социального поведения, предопределенный возрастными характеристиками; специфический строй материально-бытовой и дисциплинарно-правовой повседневности выработали многоязычное семиотическое пространство, о степени изученности которого в отечественной историографии можно говорить с большой долей условности, поскольку до 90-х годов XX века эта тема развивалась в руслах трудов по истории отдельных, далеко не всех, высших учебных заведений, российской интеллигенции, студенческого и революционного движений, большевистской партии, выполняя при этом вспомогательную, иллюстрирующую функцию.

Портрет-тип студента второй половины XIX века оставлен потомству художником Н.Я. Ярошенко (1881 г.), как наиболее совершенное воплощение учащегося молодого человека в изобразительном искусстве. Актером Ю.М. Юрьевым описан сценический студент Мелузов в комедии А.Н. Островского «Таланты и поклонники»: «Он немного сутуловат, медлителен и угловат в движениях от привычки к сидячей жизни, сосредото-

чен, замкнут, всегда о чем-то думает и производит впечатление отсутствующего, когда он на людях, особенно чужих ему, а уж когда говорит, то с какой-то своеобразной напевностью человека, привыкшего рассуждать об отвлеченном, спорить о высших материях. Шатен с небольшой редкой бородкой, он носил, как тогда было принято среди интеллигентной молодежи, длинные волосы. Носил традиционный черный сюртук, мягкую темную фетровую шляпу – «пушкинскую», а на плечах неприменный традиционный клетчатый плед, принадлежность каждого бедного студента... и только в середине 80-х годов эта своеобразная «форма» была вытеснена из обихода, когда введен был официальный, обязательный для всех студентов сюртук с синим воротником, со светлыми желтыми пуговицами и шпагой гражданского образца, пальто с такими же пуговицами и фуражка с синим околышем. Надо заметить, что под влиянием введенной формы, ...стал постепенно перерождаться и типичный облик студента» [4]. Как отмечает в своем исследовании Р.М. Кирсонова «балахон с кистями» и длинные волосы явственно обозначили, что студенчество – не возрастной этап в жизни молодого человека, а идеология» [5].

В.А. Гиляровский в своей знаменитой книге «Москва и москвичи» определяет среду обитания московского студенчества границами так называемого «Латинского квартала», между двумя Бронными м Палашовским переулком [6]. М.М. Богословский более подробно описывает обитателей этого студенческого «рая»: «Здесь было часто встретить студентов, в 70-х годах – в широкополых шляпах, с длинными волосами, с неизбежным пледом на плечах, восполнявшим недостаток тепла от носимого зимою осеннего пальто, и непременно с толстеною дубиною в руках» [7]. Таким образом, широкополая шляпа, плед, толстая палка в руках – стали опознавательным знаком студента между 1861 и 1885 годами.

Одевались студенты кто во что, и нередко, как пишет В.А. Гиляровский, «на четырех квартирантов было две пары сапог и две пары платья, что устанавливало очередь; сегодня двое идут на лекции, а двое других дома сидят; завтра они пойдут в университет» [8].

Впервые форменный костюм – его можно назвать и мундиром – был введен в Московском университете в 1800 году (речь идет только о французском покрое с «вырезанною юбкой»). Так как студентами были лишь выходцы из аристократических семейств, простой покроем не получил особого распространения в студенческой среде. Форму носили лишь те, кто не мог себе позволить элегантного штатского платья. Обязательной студенческой формой стала после 1826 года, что было затем подтверждено Положением о гражданском мундире (1834) [9]. С одной стороны, в университетскую форму постоянно вносились какие-то изменения. С другой стороны, так как большая часть студентов должна была приобретать форму за свой счет, у них всегда оставалась возможность отступить от образца или сделать свою бедность нарочитой, приглашая тем самым к подражанию. Ком-

плекс социальной неполноценности, разъедавший молодые души, очутившиеся в столичной среде, комплекс парвеню (которым до сих пор страдают многие студенты) нашел отражение в специальном исследовании И. Паперно «Николай Чернышевский. Человек эпохи реализма. Семиотика поведения» [10]. Об этом же пишет общественный деятель и публицист Н.В. Шелгунов: «Погоня за аристократизмом была своего рода несчастьем, а, пожалуй, даже и мукой. Я знаю в Самаре одну даму, жену председателя, которая располагала, по-видимому, всеми возможностями, чтобы быть аристократкой (уж одно, что она имела тридцать тысяч в год дохода), и все-таки она могла быть аристократкой только в уездном городе, а не в губернском» [11]. Всякий студент, оказавшийся в столичном университете, сталкивался с множеством предписаний, требовавших более всего денег. Особенно этим славилось Николаевское царствование. Царь не любил отступления от формальной одежды, поэтому подозревал бородатых (домашний арест А.С. Хомякова); носящих пиджаки вместо фраков или сюртуков (задержание И.С. Тургенева после публикации его некролога на смерть Гоголя); широкополые мягкие шляпы – «разбойничьи» - вместо обязательных форменных фуражек или дипломатических цилиндров. Таким образом, бороды, шляпы, «американские жакетки» – стали средством выразить свое несогласие со стремлением власти всех стричь под одну гребенку, что и вылилось в их повсеместном ношении после отмены в высших учебных заведениях обязательной формы. В 1861 году вышел правительственный указ «О мерах, необходимых для надзора за университетскими студентами по случаю непрерывно возникающих беспорядков» в котором говорилось об отмене форменной одежды [12]. В конце 40-х – начале 50-х годов образцом для подражания в манере одеваться стали служить не картинки из журналов, а внешний облик либеральных профессоров, передовых критиков и журналистов. По свидетельству А.М. Скабичевского, «желание ни в чем не походить на презренных филистеров простиралось на самую внешность новых людей... Пледы и сучковатые дубинки, стриженные волосы (женщины) и космы сзади до плеч (мужчины), синие очки, фразьявольские шляпы и конфедератки», - являлись отличительной чертой ученой молодежи [13]. Манеру носить плед и использовать его вне дома придумали студенты, уподобляя себя гордыми героями Вальтер Скотта. Широкополая шляпа связана с «калабрезой», ставшей символом борьбы за свободу и независимость Италии. Однако к концу XIX века итальянское происхождение шляпы было забыто, и она получила название «пушкинской», в результате своего рода аберрации – широкополый цилиндр – «боливар» в сознание современников слился воедино с мягкой шляпой.

Внешний облик студента конца XIX века определялся спецификой его повседневного быта и экономического статуса. Основная масса молодежи была одета в изрядно поношенную форму, такова была мода. Тужурка -

нараспашку, из-под нее виднеется косovorotka. Эти юноши с враждебным недоверием смотрели на самоуверенных «аристократов», или «моветонов», как их презрительно называли [14]. Это был совсем другой мир, страшно далекий от студенческого, со своими светскими похождениями, интригами, шумными аристократическими скандалами. Эту блестящую молодежь остальные студенты окрестили «белоподкладочниками». Термин стал нарицательным. Позднее так стали называть всех монархистски-реакционно настроенных студентов. Лощенный «белоподкладочник» одевался в щегольский мундир из тонкого английского сукна. На белой подкладке, с белым кантом. В свое время обязательными для них были чрезвычайно высокие, твердые воротнички, способствующие надменной посадке головы, шпага на боку и непременно белые перчатки. Все это подчеркивало аристократизм и избранность. Поверх всего этого великолепия – богатые шинели с добротными бобровыми воротниками. Как вспоминал один из бывших «белоподкладочников» в эмиграции в Париже в 1934 году К. Грюнвальд, «самодержавие, жандармы, нагайки, Сибирь – были нам бесконечно чужды», ибо «истинно культурный человек не попадает под удары нагаек полиции» [15].

Сама студенческая форма, даже на плечах студента – аристократа, воспринималась в русском обществе как нечто вызывающее, как некий символ ожидаемых социальных потрясений. Форменная одежда русского студента не была только знаком корпоративного отличия. Она воспринималась как некий весьма многозначительный символ общественного состояния студенческого «микrokосмоса»: обывателя студенческая форма настораживала, т.к. студенты слыли распутниками, гимназистов – завораживала; для полиции – тревожный сигнал, а сами студенты чтили свое форменное платье и придавали ему общественную и даже метафизическую значимость. Штатный комплект форменного студенческого платья состоял из парадного мундира с золотым шитьем (да еще с приложением шпаги), сюртука, тужурки, брюк, зимнего и летнего пальто, фуражки. По количеству и качеству предметов можно было судить о реальном социальном положении их владельца. Самые состоятельные шили одежду на заказ. Но чаще всего студенты приобретали одежду в магазинах готового платья, на рынках, у старьевщиков [16]. «Идейные юноши» предпочитали прочей одежде студенческую форму, причем желательно поношенную, необязательно из-за бедности; носили они ее умышленно небрежно. Модно было отпускать волосы до плеч, иметь кудлатую бороду и усы, большие очки с синими стеклами.

Был еще один достаточно распространенный тип студента – шалопая. Во время лекций такие студенты ходили по корпусу шумной толпой, кричали. После занятий – кутили, играли все ночи напролет в карты, проигрывали последние крохи, голодали, напивались, устраивали шумные скандалы. В 70-х гг. XIX века была даже такая поговорка: «Пьян, как фило-

лог» [17]. Модно было в случае административных наказаний за подобное поведение изображать из себя страдальца за народное дело. Были и такие студенты, которые добросовестно грызли гранит науки. Для них университет был священным храмом, а на лекции к любимым профессорам они шли как к обедне. Но, к сожалению, наличие многочисленных фразерствующих неучей позволило известному публицисту, одному из авторов «Вех» А.С. Изгоеву вынести достаточно суровый приговор всему русскому студенчеству: «Русская молодежь мало и плохо учиться», и причины этого, по его мнению, скрывались в слабой культуре ума, нравственном разгильдяйстве и в повальном увлечении молодежи модой на «политику» [18]. Подобное отношение к учебе студентов к учебе в среде русского студенчества конца XIX в. подтверждает и Константин Фортунатов в своей работе «Пассивное обучение и научное образование в высших школах», в которой он пишет о необходимости отменить экзамены, ввиду многочисленных случаев их сдачи по «заранее намеченному или предусмотренному билету, или, наконец, за известную плату, когда товарищи держат экзамен друг за друга» и т.д. [19].

Таким образом, следует отметить что смысл любой вещи – это всегда культурный факт, продукт культуры. Студенческая мода – это не только определенная этика, но и техника. Типичный студент – продукт соединения внешнего облика и текста поведения, а телесное поведение нередко дает путь для выработки мысли. Одна из граней этой мысли заключена в своеобразном видении самого себя, сознании собственных неповторимых отличительных черт, и создании отличительной поведенческой культуры.

Литература

1. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 38.
2. Там же. С. 393.
3. Там же. С. 394.
4. Цит. по: Кирсанова Р.М. Русский костюм и быт XVII-XIX веков. М., 2002. С. 183-184.
5. Там же. С. 184.
6. Гиляровский В.А. Москва и москвичи. Иркутск, 1986. С. 349.
7. Богославский М.М. Московский университет в воспоминаниях современников (1755-1917): Сборник. М., 1989. С. 734.
8. Гиляровский В.А. Москва и москвичи. Иркутск, 1986. С. 349.
9. Кирсанова Р.М. Русский костюм. С. 184.
10. Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М., 1996. С. 207.
11. Цит. по: Кирсанова Р.М. Русский костюм. С. 183-184.
12. Там же.
13. Цит. по: Кирсанова Р.М. Русский костюм. С. 183-184.

14. Олесич Н.Я. Господин студент Императорского Санкт-Петербургского университета. Спб., 1998. С. 19.
15. Там же. С. 194.
16. Иванов А.Е. Студенчество в России конце XIX- начале XX века. Социально-историческая судьба. М., 1999. С. 327.
17. Олесич Н.Я. Господин студент Императорского Санкт-Петербургского университета. С. 24.
18. Вехи: Сб. статей о русской интеллигенции. М., 1990.
19. Фортунатов К. Пассивное обучение и научное образование в высших школах. М., 1909. С. 9.

ДВОРЯНСКИЕ УСАДЬБЫ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Самара. Самарский государственный университет

На протяжении веков дворянская усадьба являлась центром экономического и культурного развития окружающих территорий. Ее история и зачастую трагическая судьба волновали как ее современников, так и потомков. Описания усадеб широко представлены в мемуарах, литературных произведениях. В ряде воспоминаний даются описания дворянских имений. Часто они свидетельствуют о хозяйственном процветании и налаженности быта их владельцев. «Мы особенно ценили дом... у нас он настолько лучше для жизни, настолько семейный, просторный и веселый». С точки зрения дворянства «опытный помещик в деле» – это человек, готовый к управлению имениями, чтению литературы, беседам с опытными крестьянами [2].

Помещичьи хозяйства в пореформенный период были очень разнородными. Многие владельцы дворянских усадеб старались приспособить их к темпам быстро менявшейся жизни, перестраивали хозяйственную деятельность, создавали в них передовые «экономии», прибыльные предприятия. «Князь Дмитрий Сергеевич Урусов, – вспоминал современник, – проводил в своем хозяйстве крайне своеобразно им усвоенные принципы рационализации и режима экономии. Срубил фруктовый сад как роскошь и превратил в огород и пашню, срубил березовую аллею и разрушил нерациональные службы и постройки» [4].

Дворянство активно интересовалось вопросами управления имения. Так А.Д. Шереметев вел переписку с поземельным обществом, постоянно проверял отчеты управляющих имениями, принимал личное участие в решении хозяйственных нужд [6]. Кн. В.М. Волконский регулярно сообщал отцу о своих служебных, семейных и денежных делах, советовался с ним по хозяйственным вопросам. «Уборка хлебов прошла и результаты самые плачевные. Все это заставляет меня сидеть в уезде». В письме от 19 января 1897 года он сетовал: «Нас все гложет вопрос крахмального завода, до сих пор ничего не решили, а весна уже близко, перерабатывать свое сырье всегда долго». Через год, благодаря удачному ведению хозяйства, он смог приобрести небольшое соседнее имение. «Насколько я счастлив, – писал он, – ... что могу приобрести этот хутор» [5].

Поместье кн. Б.А. Куракина и его сына, орловского губернского предводителя дворянства (1909-1915) А.Б. Куракина Преображенское (с. Александровка и с. Каменка Малоархангельского уезда Орловской губернии) было образцовым хозяйством с налаженным свиноводством и скотоводством. В имении были построены 2-х турбинная мельница (1900) и спиртза-

вод (1910), производилось мясо, зерно, картофель. Тем не менее, несмотря на все усилия владельцев, латифундия с трудом держалась на плаву. Разница между доходами с имения и расходами на его содержание росла, а обширная общественная и благотворительная деятельность кн. Куракиных требовала немалых средств. Это вынуждало владельцев закладывать имение и в 1907 г. продать часть земли [8]. Революция и гражданская война не обошла имение стороной, тем не менее, многие постройки, часть обстановки, картинная галерея, архив и библиотека Куракиных уцелели и в настоящее время хранятся в Орловском краеведческом музее. В годы Великой Отечественной войны усадебный комплекс был почти полностью сожжен и взорван, сохранилось лишь несколько построек [9].

Имение Самарского губернского предводителя дворянства (1905-1915) А.Н. Наумова селе Головкино Ставропольского уезда Симбирской (затем Самарской губернии), благодаря его активной хозяйственной деятельности было образцовым хозяйством. Позднее он писал в своих воспоминаниях: «Я был убежденный сторонник введения в помещичий хозяйственный обиход доли промышленного элемента» [7, Т.1. С.310-311]. Довольно крупный долг, взятый его отцом в Дворянском банке, в начале XX века был А.Н. Наумовым погашен. Начиная с 1912 года, имение стало приносить более 80 000 рублей прибыли, то есть стало высокодоходным.

Много сил и времени уделил А.Н. Наумов изменению и благоустройству усадебной обстановки: провел ремонтные работы в доме и вокруг него. В центре всех построек А.Н. Наумов построил каменный дом, в котором находились хозяйственные службы и мастерские. В 1904 году в имении рядом с новым домом был устроен конный завод с манежем, отделениями для маток и жеребят. Основанием завода послужила тройка орловских серых лошадей из Осташевского завода, полученных женой А.Н. Наумова в приданое. Затем были приобретены лошади завода герцога Лейхтенбергского. С них началось разведение семьей собственных лошадей рысистой породы. Через несколько лет они завоевали себе имя не только на провинциальных, но и столичных ипподромах. Лошадей продавали на ярмарках как в пределах Самарской губернии, так и за границей. В центре усадьбы был вырыт колодец с водокачкой, устроен бассейн. На границе старого парка в 1902 году супругами Наумовыми был разбит сад и цветник. Для строительства был необходим строительный материал, поэтому А.Н. Наумовым был построен небольшой кирпичный завод. Излишки кирпича продавались по сниженной цене крестьянам, в результате чего было построено много кирпичных домов в селе. В 1910 году в селе Головкино было 315 дворов, 1796 жителей, Вознесенская церковь, постройки 1786 года (не сохранилась), земская и церковно-приходская школы.

После революции 1905-1907 гг., А.Н. Наумов в связи со своей занятостью (в 1905 году он был избран губернским предводителем дворянства) стал меньше уделять времени хозяйственным делам, переложив большую

их часть на управляющего. Однако крупные проблемы, связанные с управлением имения, он всегда решал сам. Понимая выгодность и рентабельность перерабатывающего производства, в 1908-1911 годах А.Н. Наумов развил мукомольное дело до размеров большого промышленного предприятия. Для этого у него имелись все благоприятные условия: наличие даровой водяной силы, малоценной древесины и обширных частновладельческих полевых посевов, для которых мельница была удобным пунктом для сбыта зерна. Летом 1911 года им были начаты работы по постройке большой вальцовой мельницы промышленного типа. Была выбрана новая для того времени технология строительства – соединение железобетона с пустотелыми кирпичами. В 1910 году А.Н. Наумов увидел построенный по подобной технологии амбар-склад на пристани Самары, принадлежавший пароходной транспортной компании «Н.В. Мешков и К^о». Он вступил в деловые переговоры с Петербургской фирмой, заказал ей чертежи и переговорил с рекомендованной фирмой подрядчиком. Новизна технологии строительства вызвала много волнений в округе, пересудов среди соседей – помещиков и крестьян. Крестьяне, приходившие посмотреть на «невиданное» строительство, «жалели барина, вроде как бы с ума спятившего, бросившего в песок да в воду» лишние деньги [7. Т.2. С.209]. Через два года они стали «верными клиентами» построенной мельницы. В декабре 1912 года работы по постройке мельницы были закончены, в канун 1913 года было произведено ее освящение. На стене мельницы имелась металлическая доска, на которой излагалась история ее постройки, а над ней висел образ преподобного Серафима Саровского. За первую половину 1913 года мельница оправдала материальные вложения и оправдала хлопоты и надежды ее хозяина. В этом же году А.Н. Наумов начал переговоры с руководством Калашниковской хлебной биржи и специалистами по хлебной торговле – братьями Мельниковыми. В мае 1913 г. была продана первая партия ржаной муки в 75 тысяч пудов. За три года своей работы (1913-1916 года) мельница полностью себя окупилась, давая ежегодный средний доход 50 тысяч рублей. В 1910 году А.Н. Наумов начал организацию сыроваренного производства, продукты от которого доставлялись на московский рынок. Однако первая мировая война помешала ему довести до конца свои замыслы по оборудованию сыроварения.

После революции 1917 года усадьба подверглась разграблению, были разрушены церковь и большинство хозяйственных построек. «Горько думать, – писал А.Н. Наумов в 1930-х годах в своих воспоминаниях, – что всего того, чему было отдано столько любви и сил, ныне уже не существует» [7, Т.2. С.324]. Сейчас село Головкино не существует, так как в 1953-1957 гг. село оказалось в зоне затопления. На Головкинских островах сохранились остатки фундамента церкви и других каменных построек.

Наряду с существованием передовых капиталистических экономий, многие имения приходили в упадок. Дворянские усадьбы оказывались за-

брошенными и хирели, «многие помещики разорились, пораспродали свои имения или спустились до крестьянского уровня» [3]. В докладе В.И. Гурко «Наше государственное и народное хозяйство» отмечалось: «Представители нашего землевладельческого сословия не в состоянии обеспечить доходность своих поместий, не только не могут поднять уровень сельского хозяйства, но не способны вообще сколько-нибудь толково заведовать своими имениями, а потому отрываются от земли, причем постепенно разоряются» [1].

Имение при селе Знаменском Бугурусланского уезда Самарской губернии после смерти С.Т. Аксакова перешло в наследство его родного брата, Аркадию Тимофеевичу. Постепенно оно пришло в полное запустение, потомки Аксакова решили его продать ликвидационному фонду. В 1906 году по инициативе губернского предводителя дворянства А.Н. Наумова состоялось экстренное губернское дворянское собрание, которое обсудило вопрос об окончательном приобретении Аксаковской вотчины. На собрании было решено ходатайствовать о передачи усадьбы из общего ликвидационного фонда в собственность Самарского дворянства и по возможности добиться платежных льгот для покупки имения. Цель этого приобретения сводилась к сохранению и возможному восстановлению «Знаменской» усадьбы в том виде, в каком она была изображена в «Семейной хронике» С.Т. Аксакова. В усадьбе предполагалось основать ремесленно-техническое училище имени С.Т. Аксакова для обучения детей крестьян. А.Н. Наумов по поручению самарского дворянства встретился с министром финансов В.Н. Коковцовым, однако тот отказал в предоставлении льгот на покупку имения. Однако впоследствии, благодаря настойчивости А.Н. Наумова и прямому участию императрицы Александры Федоровны, Министерство финансов предоставило самарскому дворянству возможность приобрести усадьбу Аксакова на льготных условиях.[7, Т.2. С.126-127]. Управление усадьбой было возложено на Д.А. Мордвинова, в результате через год после покупки усадьба совершенно преобразилась. Были вычищены парк и пруды, отремонтирован дом, стала работать мельница, Для училища на средства самарского дворянства было построено большое одноэтажное здание. В 1907 г. в нем была открыта учебно-ремесленная мастерская, в которой крестьянские дети обучались столярному, кузнечному и слесарному мастерству. В 1909 г. изделия учеников были выставлены в Петербурге на Всероссийской кустарной выставке.

Культурные традиции, образ жизни подспудно влияли на формирование системы ценностей, личностных пристрастий и политическое поведение дворянства. Дворянские усадьбы выполняли роль культурного центра, в них были сосредоточены произведения искусства, библиотеки. Вдали от официального общества, помещный дворянин получал возможность проявить свое личностное начало во всех сферах: от рационального ведения хозяйства на основе современной ему науки, воспитания детей, выбора

форм культурного досуга и занятий любимым делом. Каждая усадьба имела свою историю и судьбу, в которых отражались жизнь и характеры их создателей и владельцев. Разрушения дворянских усадеб после революции носили катастрофический характер. Только по разрозненным источникам и архивным документам можно воссоздать картину недавнего прошлого. От дворянских гнезд остались лишь редкие строения и описания усадеб.

Литература

1. Гурко В.И. Наше государственное и народное хозяйство. СПб., 1909. С.226-227.
2. Иванова Л. В. Домашняя школа Самариных// Мир русской усадьбы. М., 1995. С.22-24.
3. Львов Г.Е. кн. Воспоминания. М., 2002. С.24.
4. ОР РГБ. Ф.1000. Оп.2. Ч.1. Д.767. Л.28-29.
5. РГИА. Ф.914. Оп.1. Д.62. Л.1, 6- 6 об, 15.
6. РГИА. Ф.1118. Оп.3. Д.31,36, 44, 52, 55; Ф.914. Оп.1. Д.62, 114, 116; Ф.1072. Оп. 1.Ч.2. Д.1793.
7. Наумов А.Н.Из уцелевших воспоминаний. 1868-1917. Нью-Йорк, 1954-1955.
8. Баринаева Е.П. Инновации социально-экономических отношений в российской деревне начала XX века//Известия Самарского научного центра РАН. 2002. Спец. Выпуск «Современные проблемы истории и философии». С.126-128.
9. Неделин В.М. Преображенское (Куракино)// Русские провинциальные усадьбы. Воронеж, 2003. С.306.

**ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ МЕРЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
ПО ОТНОШЕНИЮ К ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
В 1920-30-Г. И ИХ ПРЕДПОСЫЛКИ**

Самара. Самарский государственный университет

Особенностью современного этапа развития российской культуры является нестабильность, системно затрагивающая все сферы общественной жизни. Последняя объясняется становлением нового типа социокультурной реальности. Наиболее близким в историческом континууме аналогом данного периода можно считать формирование Советского общества на разрушенной царской России. Как и тогда, сейчас мы наблюдаем за крушением одних ценностных ориентиров и конструированием новых.

В своей работе «О семиотическом механизме культуры. Труды по знаковым системам» Лотман Ю.М. и Успенский Б.А. замечают, что такой процесс естественен. «...Культура понимается как ненаследственная память коллектива, выражающаяся в системе запретов и предписаний. ...Она неизбежно связана с прошлым историческим опытом. ...Вместе с тем для своего нормального существования и функционирования культура постоянно исключает из себя определенные тексты. История уничтожения текстов идет параллельно с историей создания новых текстов. [1, С.147-148]. В связи с этим, очевидно, что для развития любого общества важнейшей задачей является верный выбор «лишних», то есть не соответствующих изменившейся социокультурной действительности текстов, равно как поиск и формирование новых, адекватных условиям данной среды, составляющих базу для ее благополучного существования. «Этот процесс очищения коллективной памяти, его технология и принципы отбора текстов для уничтожения тесным и непосредственным образом связаны со спецификой проводимой государством политикой» [2].

Таким образом, в процессе отбора отживших культурных текстов и их созидания сталкиваются, по меньшей мере, две основные силы – с одной стороны та, которая ответственна за продуцирование нового, с другой – та, чьей функцией является проверка и фильтрация вновь созданных компонентов культуры.

Естественно, что в первом случае речь идет об интеллектуальной элите, интеллигенции, которая, имея творческое начало пребывает в постоянном поиске новейших культурных образцов, способных привести к компромиссу разноплановые элементы общества и помочь им достигнуть всеобщего благоденствия. В связи с этим необходимо отметить, что ею предлагается множество различных, порой диаметрально противоположенных, вследствие чего взаимоисключающих друг друга «продуктов мысли». Ис-

пользуя концепцию Лотмана Ю.М., предположим, что интеллигенция по природе своей принадлежит тому типу культуры, который «...рассматривает себя как определенную сумму прецедентов употреблений текстов. В нем правильно то, что существует». [1 С.151] Именно этим объясняется разнообразие и, одновременно, субъективность разрабатываемых ею ценностей.

Второй действующей силой является власть. Природа власти же относит ее к другому культурному типу, который представляет собой систему норм и правил. «В нем существует то, что правильно». Этим объясняется противоположенность позиции власть имущих по отношению к всевозможному вольнодумству. Она есть политический институт и должна выбирать из множества путей развития один и соответствующие ему ценности. Общественные ориентиры, предлагаемые творческим меньшинством и субъективно оцененные им как правильные, подвергаются оценке со стороны общности, чьим полноправным представителем выступает политическое меньшинство. Оно призвано отмежевать позитивное от негативного, опять таки, основываясь на своих позициях.

Процесс оценки творческой, а тем более художественной деятельности интеллигенции со стороны властей с течением времени менял свои составляющие и координаты от тотального уничтожения через игнорирование к лояльности. Соответственно менялась и государственная политика в отношении интеллектуалов и представителей наиболее передовой сферы культуры – искусства. Интереснейшим в этой связи этапом отечественной истории нам представляется период становления и развития Советского государства, то есть 1920-30 годы. Именно в это время культурная политика власти претерпевала скоротечные изменения. Она варьировалась от сотрудничества до абсолютного контроля. Наибольшее внимания же заслуживают организационные меры, предпринятые властями по отношению к художественной интеллигенции как элемент государственной политики в сфере культуры.

Применительно к художественной интеллигенции, обозначенную проблему взаимодействия с властью целесообразно рассматривать со второго этапа культурной революции. Более точной датой можно назвать 23 апреля 1932 года. Именно в этот день ЦК ВКП(б) принял постановление «О перестройке литературно-художественных организаций» [2, С.214]. В соответствии с данным постановлением был создан Союз советских писателей.

Необходимо заметить, что до этого, уже на первом этапе культурной революции, литераторы удостоивались особого внимания. Базовым документом, на основе которого строились отношения ВКП(б) с авторами была резолюция ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 года. [2, С.151-155] Данная резолюция содержала принципиальный тезис: «...Партия должна высказываться за свобод-

ное соревнование различных группировок в данной области. Всякое иное решение вопроса было бы казенно-бюрократическим псевдорешением». [2, С.154]. Этот документ, созданный литературной комиссией под руководством Фрунзе М.В., развивал либеральные положения и взгляды об отношении коммунистической партии к художественному литературному творчеству и призывал к тактичному, бережному отношению, как к пролетарским, так и непролетарским писателям, идейно-художественной терпимости ко всем сотрудничающим с властью. На основе предложенной резолюции возникали различные формы организации художественной интеллигенции: ассоциации, группы и другие. Общим для них было одно – добровольность вступления и общность идейных и эстетических интересов.

Постановление от 23 апреля 1932 года было качественно иным. Оно стало директивой, открытым актом административного вмешательства в дела литературной братии. Свидетельством этому служит выбранная диктаторская позиция: «Ликвидировать ассоциацию пролетарских писателей. ...Объединить всех писателей... в единый союз писателей» [2, С.214].

Объяснением диссонанса между двумя документами, имеющими общие цели, может служить тот факт, что в 1925 году для политической системы нашей страны еще был характерен поиск, предполагавший выбор из нескольких альтернатив. К 1932 году произошедшие кадровые перемены в руководстве способствовали тому, что в Политбюро ЦК ВКП(б) было достигнуто единомыслие в выборе единственно верного пути развития. В руках небольшой группы руководителей единственной правящей партии сосредоточилась неограниченная власть. Кроме того, если на первом этапе культурной революции абсолютное большинство народа было безграмотным, то к 30-м годам 20 века народные массы могли читать и писать. Среди них произошло существенное повышение спроса на плоды духовного творчества, в том числе на печатную продукцию. В той связи возросла потребность действовать решительно и существенно ужесточить контроль над деятелями искусства. Итак, литераторы первыми подверглись тщательной проверке, а их деятельность контролю со стороны властей. Объяснить это достаточно просто: сила печатного слова велика, способ распространения прост, а восприятие не требует от читателя специального образования или построения ассоциативного ряда. Простыми, доступными широким массам словами автор может сказать все что угодно.

Воспитание угодного режиму исполнителя могло осуществляться лишь с созданием и распространением произведений искусства, соответствующих «регламенту». Создание последних предполагало ликвидацию многообразия идейно-эстетических воззрений путем ограничения творческих поисков узкоклассовыми, идеологическими рамками, то есть сведения множества к единству. Такое единство имело вполне конкретные текстуарные обозначения, ключевые понятия. Так в феврале 1929 года Сталин И.В. в своем письме, адресованном драматургу В.Н. Билль-

Белоцерковскому, писал: «Вернее всего было бы оперировать в художественной литературе понятиями классового порядка, или даже понятиями «советская», «антисоветская», «революционное», «антиреволюционное» и т.д.» [3, С. 326-327].

Ввести эту установку в художественную среду были призваны различные пролетарские организации: Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП), Российская ассоциация пролетарских музыкантов (РАПМ), Российская ассоциация пролетарских художников (РАПХ), всероссийское общество пролетарских архитекторов (ВОПРА). Несмотря на сохранение обозначения данных объединений – ассоциации – качественно меняется их суть и содержание деятельности. Теперь зачисление в них ведется на добровольно-принудительных началах. Не удивительно, что реализация поставленной вождем задачи была обречена на провал самой формулировкой последней. Власть и художественная интеллигенция в некотором смысле поменялись местами и функциями: власть продуцирует новые общественные ориентиры, а представители интеллектуальной элиты проводят их в народ. При этом интеллигенция не имеет ни возможности, ни права предлагать свой анализ новых ценностей. Функция контроля по-прежнему у власти теперь она тщательно следит уже не столько за созданием культурных текстов (так как производит их сама), сколько за процессом их представлением интеллигенцией народным массам. В результате каждый занимается не своим делом и цель не может быть достигнута. Творчество умирает под гнетом образцов и предписаний. Следуя определению Бердяева Н.А., оно есть свобода. Как только появляются ограничители, творчество из созидания превращается в ретрансляцию заранее известных образцов, производимых не «само по себе», а «по необходимости».

РАПП и аналогичные объединения забывали о своем предназначении – создании художественных произведений – и увлекались заседательской суетой, непомерными притязаниями на власть и диктаторскими амбициями руководителей ассоциаций. В 1931 году РАПП и вовсе пережила конфликт между членами руководства Л. Авербахом и Ф. Панферова. Все это с одной стороны отталкивало остальных членов, заставляло их объединяться в организации не столько по принципу идейно-эстетической близости, сколько для защиты своего творчества от пролетарских организаций. А с другой стало причиной пересмотра ЦК партии своего отношения к подобным объединениям.

Новому типу организации творческих сил способствовали социально-экономические изменения в обществе: насильственная коллективизация, отток населения из сельских местностей в города, безработица, рост цен на промышленные товары, увеличение налогов и т.д. В такой ситуации искусство могло бы послужить снятию общественной напряженности. Оно

же могло бы способствовать интеграции народных масс и направлению их энергии в нужное русло.

На тот период времени в стране функционировало не менее 170 литературно-художественных объединений. [4, С.8]. Требовалось организационное слияние представителей различных видов искусства в единые организации. Множество приводилось к единому знаменателю. За счет этого существенно укреплялись позиции возвращенных партией творцов, так как они, не способные выдержать конкуренцию в «естественных» условиях функционирования культуры с истинными создателями, создающих не по заказу, теперь оказывались с ними в одном строю.

9 мая 1932 года газета «Правда» опубликовала редакционную статью под заголовком «На уровень новых задач». Наряду с обоснованием своевременности и правильности принятия постановления, были сформулированы требования, предъявляемые к союзу писателей: создание высокохудожественных произведений, условий для творчества, воспитание кадров, повышение идейно-политического уровня писателей, теоретическая учеба критиков, активное вовлечение попутчиков в социалистическое строительство и так далее. Был сформулирован и главный лозунг: «За социалистическую литературу, за Магнитострой в литературе!» [5] Акцент, как и прежде делался именно на литераторов, видимо в силу неразвитости отечественного кинематографа и недоступности широким массам изобразительного искусства.

Создание единых творческих союзов власть предпочла доверить проверенным лицам, уже выполнявшим подобные функции. Так Союз советских писателей СССР и РСФСР возглавили Л. Авербах, В. Ставский, А. Фадеев, С. Макарьев, Л. Субоцкий., В. Ермилов и др. Их нынешней задачей была «перековка» бывших рапповцев в советских писателей, так же как ранее приобщение мастеров печатного слова к служению пролетарскому искусству.

Провозглашение единых творческих союзов стало следствием изменившейся социокультурной реальности, в частности экономической и политической сфер. Создание мощной единой идеологии не могло быть осуществлено на основе многообразия эстетических взглядов многочисленных представителей художественной интеллигенции и их свободы. Требовалась их унификация. Коренной же причиной создания единых творческих союзов можно считать стремление части партийных лидеров поставить художественное творчество на службу политическому режиму. Единые союзы творческой интеллигенции являли собой форму объединения профессионалов органично вписывающуюся в директивно-командную систему, обеспечивающую оптимальные условия для проведения необходимых установок в художественную среду и одновременно контроль над производимой продукцией.

Литература

1. Лотман Ю.М. и Успенский Б.А. О семиотическом механизме культуры. // Труды по знаковым системам Т.5, Тарту, 1971,
2. КПСС о культуре, просвещении и науке. Сб. документов. М., 1963.
3. Сталин И.В. Собр. соч. Т. 11. М., 1974
4. Роль общественных организаций в выполнении решений XXVII съезда КПСС. Л., 1988
5. Правда. 1932, 9 мая

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Чернов О.А.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО – СЕРБСКИХ ОТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Самара. Самарский государственный педагогический университет

Восточный вопрос в начале XX века не только не утратил своей актуальности в международных отношениях, но и приобрел особую значимость в связи со складыванием двух военно-политических блоков. Важной составной частью Восточного вопроса были балканские проблемы.

В самом начале XX века вплотную с данными проблемами пришлось столкнуться российскому дипломату Н.В. Чарыкову. Приказом № 75, но гражданскому ведомству от 8 ноября 1900 года он был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром при короле Сербском [1].

С самого начала большое внимание русский дипломат уделял культурным связям двух братских славянских народов. При его непосредственном участии во всех крупных городах Сербии были созданы «Русские клубы», которые имели целью распространения русского языка и русской культуры вообще. Особенно успешно развивались музыкальные и литературные связи [2]. Сам Н.В. Чарыков подарил одному из «Русских клубов» часть книг из своей богатейшей библиотеки.

Деятельность в Сербии была чрезвычайно интенсивной. Чарыкову приходилось решать очень широкий круг вопросов. Так он активно содействовал организации в Сербии русской агентурной антиреволюционной сети [3]. Сам он, позднее признавая, что «никогда не работал так тяжело как я работал в Белграде» [4]. Действительно депеши, написанные его рукой (ныне хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи МИД) выделяются неразборчивым почерком, торопливостью.

Деятельность Чарыкова в Сербии получила высокую оценку. Правительство Сербии наградило его орденом Красного Креста. Здесь в Сербии он сложился как опытный и компетентный специалист в области международных отношений. В марте 1904 года Н. В. Чарыков стал членом Совета Министерства иностранных дел.

Непосредственно в дипломатической сфере Н. В. Чарыков имел перед собой довольно широкий круг задач: необходимо было улучшить сербо-болгарские отношения, содействовать развитию российской навигации на Дунае, подготавливать строительство Адриатической железной дорогой, которая должна была соединить Дунай и Адриатику через Сербию и Черногорию, изучать возможность производства шерсти в Северной Сербии, и помогать возрождению сербской экономической независимости [5].

С самого начала Н.В. Чарыков вступил в тесное взаимодействие с представителями союзной Франции, в частности с посланником Вовинэ. С его участием русский дипломат начал первое свое дело. Предстояло решить проблему строительства Адриатической железной дороги. Чарыков рекомендовал русскому правительству поддержать это строительство, ибо Адриатическая железная дорога стала бы «естественным продолжением нашей линии Дунайского пароходства». Кроме того, желая помочь сербам в строительстве этой железной дороги, но вместе с тем и соблюдая русские интересы, он предложил правительству России обратить часть сербского долга в облигации Адриатической железной дороги. Тем самым Россия усиливала бы свое влияние в Сербии [6].

Чарыков всячески содействовал мерам сербского правительства направленным на освобождение от австрийской зависимости. Он предложил покупать у Сербии хлопок, перерабатывать его и готовые изделия поставлять обратно. В результате этого проекта возникали бы взаимовыгодные политико-экономические связи.

Вообще Н. В. Чарыков в депеше русскому правительству от 30 января 1902 года подчеркивал: «В Сербии... политическое влияние идет рука об руку с торговым. Товарный обмен, когда он нормален и обоюдовыгоден, сближает и связывает два народа лучше всякого чисто политического общения» [7]. Он считал, что действительно прочные взаимоотношения возникнут тогда, когда весь сербский народ почувствует улучшение своей жизни от связей с Россией.

Русский посланник находился под благосклонным покровительством Короля Сербии Александра Обреновича. Тем удивительнее было ему узнать, что русское правительство отказывает последнему в праве на визит в Россию. Тогда, русский посланник вопреки принятым обычаям запросил российское министерство иностранных дел повторно. Важность поднятого Чарыковым вопроса была настолько велика, что в Белград прибыл сам министр иностранных дел В.Н. Ламздорф. После того как последний изучил обстановку, выслушал доклад Чарыкова, было выработано указание для российского посланника: «Не вмешиваться во внутренние дела Сербии» [8], но заботиться о её внешней политике в полной гармонии с Россией. Вопрос о визите был так и оставлен без удовлетворения. Чарыков справедливо посчитал, что это смертный приговор Александру Обреновичу. Так оно и случилось 29 мая 1903 г. был свершён политический переворот. Король Александр и его супруга Драга были убиты. Новым королём был провозглашён Пётр Карагеоргиевич, личность в Сербии чрезвычайно популярная. Между тем, лояльно настроенные к Обреновичам сербы упрашивали Чарыкова повлиять на Александра и спасти ситуацию. Однако Чарыков не мог этого сделать, ибо имел на этот счёт жёсткие указания министра – не вмешиваться. Поэтому вполне справедливо, что Чарыков возлагает всю моральную ответственность в этом отношении на министра

В.Н. Ламздорфа [9]. Кроме того, он заметил, что даже если бы он и вмешался, это ничего бы не изменило. Александр Обреновичу не простили прежнего австрофильства, а так же он крайне обострил свои отношения с сербским обществом попытками устранить достаточно широкие полномочия парламента – Скупщины. Впрочем, Чарыков справедливо полагал, что «русские интересы в Сербии не пострадали через эту смену династии». Он совершенно верно отмечал, что новый король Пётр Карагеоргиевич был настроен совершенно прорусски, а потому интересы России от этого переворота даже выиграли [10].

Хотя, необходимо заметить, что Чарыков вовсе не самоустранился от какого-либо вмешательства в сербские дела. Так, после свержения Обреновичей он предупредил сербское правительство об опасности республиканской агитации, а в беседах с депутатами Скупщины призвал их к «единогласному избранию на престол Петра Карагеоргиевича» [11].

Русский посланник владел чрезвычайно широким кругом информации по Сербии, знал внутреннюю ситуацию в стране и её международное положение не хуже, а может быть даже и лучше, чем сербское правительство.

Имея цель создания подлинно независимого сербского государства дружественного России, он рассматривал свою в этом аспекте.

В военном отношении он отмечал, что сербы ведут вооружение армии, но поскольку у них нет денег положение сербской армии он признавал «печальным». Тем не менее, Сербия, по данным Чарыкова, готовилась к войне против Болгарии в союзе с Турцией и Румынией. Он с тревогой отмечал, что «против Болгарии надвигается гроза» [12].

Для выяснения ситуации Чарыков провёл частные конфиденциальные переговоры с А. Катарджи - румынским посланником в Лондоне (он был в Сербии неофициально, декларативная цель - свидание с племянником). От него Николай Валерьевич узнал, что Румыния горячо поддерживает политику России на Балканах, в частности в Македонии и очень ревностно относятся к попыткам Болгарии присоединить Македонию, желая получить в таком случае компенсацию в виде части сопредельной территории. В депеше министру Ламздорфу русский посланник высказал мнение, что данные мысли не являются личным частным мнением Катарджи, но мнением бухарестского кабинета [13].

Кроме того, Чарыков обратил внимание на тот факт, что турецкий представитель в последнее время очень лоялен к сербскому правительству, что было совершенно не свойственно характеру существовавших взаимоотношений между данными сторонами на тот период.

Из всего этого Николай Валерьевич заключил, что «со стороны Турции, Сербии, Румынии над Болгарией собирается гроза, которая должна будет разразиться, когда и если из Болгарии предстоящей весной снова начнутся действия, угрожающие миру в Македонии» [14]. Эта депеша возымела действие. Вскоре Чарыков докладывает, что после вмешательства

России Болгария прекратила свои действия в Македонии, а это в свою очередь ослабило враждебное настроение к ней со стороны Сербии. Он заметил, что воинственный пыл сербских газет значительно поубавился, и более того – начали утверждать, что слухи о подготовке Сербии к войне – ложь [15].

Н.В. Чарыков не успокоился на достигнутом и дабы закрепить создавшееся положение, сообщил о намечающихся реформах в трёх вилайетах Македонии. При этом он подчеркнул, что для успешного их претворения понадобится активное дипломатическое воздействие и было бы очень эффективно, если бы Сербия и Болгария выступили в этом вопросе солидарно [16]. Таким образом, русский дипломат проводит линию общности интересов балканских народов.

Чарыков приветствовал желание Сербии и Болгарии достичь соглашения по Македонии. В качестве модели для такого соглашения он выдвигал соглашение между Россией и Австро-Венгрией по означенному вопросу [17].

Продолжая заботиться о достижении Сербией подлинной независимости, он анализирует, и экономическое положение Сербии в 1902 году и отмечает, что этот год оказался для Сербии самым удачным со времени существования королевства. Причины успеха не только объективного характера в виде хорошего урожая и высоких цен, но и в «быстром развитии... животноводства и фабричной переработки его продуктов» [18].

Оценивая результаты работы недавно установленного прямого товарного пути между Россией и Сербией, Чарыков высоко оценил установление между российскими железными дорогами с одной стороны и сербскими пристанями Дуная и сербскими железными дорогами – с другой, прямого товарного сообщения. По его мнению, результаты были просто превосходны - количество грузов выросло с 177317 пуда в 1901 до 463044 в 1902, причем, по его мнению, рост будет продолжаться [19]. Однако, отметил он, этот путь приходится сворачивать зимой. Николай Валерьевич предложил выход из положения в виде включения в эту сеть и Болгарии. Такое явление имело бы не только очевидную торговую выгоду, но и политическую: «...оно соответствовало бы нашему желанию способствовать сближению между Сербией и Болгарией на экономической почве» [20]. Кроме того, данное установление включило сербские железные дороги в систему южнорусской заграничной торговли, а присоединение Болгарии придало бы данному факту почти всебалканский характер. Таким образом, Балканы оказались бы в единой с Россией торговой системе.

Помимо этого, Н.В. Чарыков призывал использовать для интеграции России и балканских государств установление прямого телеграфного сообщения между Россией и Балканами. Момент был как нельзя благоприятный - Сербия и Болгария договорились об объединении в одну почтово-телеграфную территорию. «Удача такого опыта ещё более усилила бы

нравственное русское и интеллектуальное обаяние среди балканских государств» [21]. Большую надежду он возлагал на изобретение проф. Попова – радио [22].

Чарыков признавал, что воевать из-за реформ в Македонии Россия с Турцией не может. Поэтому, на его взгляд, наиболее оптимальным вариантом решения проблемы является международная оккупация Македонии. Посол России в Австро-Венгрии Д.А. Капнист выступил резко против данного проекта и даже обвинил Чарыкова в предательстве интересов России в погоне за защитой исключительно сербских интересов. Между тем, проект Чарыкова был наиболее оптимальным. Как указывал он сам международная оккупация позволила бы решить ряд задач: Сербия будет спокойна т.к. территория не достанется Австро-Венгрии, Македония будет спасена от Турции; а, кроме того - чем больше участников международной оккупации, тем надёжнее гарантия, что территория будет освобождена от оккупации [23].

Едва ли можно согласится и с оценкой Н.А. Дюлгеровой, считающей, что Чарыков действовал исключительно в интересах Сербии и был «равнодушен к интересам других балканских государств» [24]. Всё вышеизложенное свидетельствует скорее о желании Чарыкова достичь компромисса между балканскими государствами, причём это должно быть в рамках интересов России. Чарыков хотел мира на Балканах.

Убедительным примером заботы Н.В. Чарыкова о соблюдении интересов всех балканских стран служит его проект Балканской федерации. Этот проект весьма похож на другой посвящённый этому же вопросу - проект П.Н. Милюкова [25]. И Чарыков и Милюков, в отличие от правительственного проекта А.П. Извольского делали ставку не на Австро-Венгрию, а на Турцию. Чарыков считал главным врагом интересов балканских интересов - народов не Турцию, а Австро-Венгрию и считал, что сила балканских народов в их единстве. Он предлагал объединение всех балканских государств, включая и Турцию [26]. В качестве дополнительного, аргумента он указывает и на экономические выгоды от создания такого союза. В качестве такового он указывает на переплетающиеся торговые пути балканских государств. Объединение последних в федерацию значительно упростило бы данный процесс, что принесло бы ощутимые экономические выгоды [27].

В марте 1903 года российский посланник обращается к Дунайской проблеме. Учитывая ранее высказанные Чарыковым мысли о необходимости расширения южнорусской торговой заграничной сети этот проект помеченный грифом: «Секретно» гармонично дополняет его балканскую концепцию. Проект был посвящён необходимости пересмотра полномочий Европейской Дунайской комиссии (далее - ЕДК). Чарыков считал, что существование контроля со стороны ЕДК на нижнем Дунае ненормально, и противоречит интересам России. Министр иностранных дел

В.Н. Ламздорф полностью присоединился к точке зрения Чарыкова в данном вопросе. Он заявил, что: «не может не признать вполне справедливым высказанные Вашим Превосходительством предложения...» [28]. Данное «предположение» состояло в замене ЕДК, имевшей временный характер на постоянную прибрежную комиссию (по примеру постоянной Рейнской комиссии прибрежных государств). Чарыков хорошо изучил правовую сторону данного вопроса и установил, что Россия имеет право инициативы в данном вопросе, а это «даёт нам право осуществить наше намерение при посредстве Сербии в наиболее удобный для нас момент» [29]. Чарыков отмечал, что ЕДК была образована после неудачной для России Крымской войны и сохраняла свои полномочия только потому, что Россия, находясь в условиях международной изоляции, не имела силы противостоять нажиму держав требовавших сохранения оной. Теперь же, когда произошло «коренное улучшение международного положения России» он высказывал мысль о необходимости добиваться отмены ЕДК, которая нарушает судходное сообщение России с придунайскими государствами своими «суверенными правами и ... стационарами, которые проходят через Проливы и крейсируют по Чёрному морю [30].

Таким образом, в данном проекте, и других аспектах своей деятельности Н.В. Чарыков затрагивает или решает ряд кардинальных проблем на Ближнем Востоке и Балканах – таких «как борьба за экономическое преобладание в регионе между державами и режим Проливов.

Литература

1. Российский государственный исторический архив. Ф. 1405. Оп. 528. Д. 230. Л. 7.
2. Павлюченко О.В. Россия и Сербия. 1883-1903. Киев: Наукова Думка, 1987. С. 109.
3. Архив внешней политики Российской империи. (далее - АВПРИ.) Ф. Миссия в Белграде. Оп. 508/1. 1903 г. Д. 95. Л. 77.
4. Tcharykow N. V. Glimpses of High Politicks. London, 1931. P.232.
5. Tcharykow N.V. Op. cit. P. 233.
6. АВПРИ. Ф. Миссия в Белграде. Оп. 508/1. Д. 52. Л. 6
7. Павлюченко О.В. Россия и Сербия. 1888-1903. Киев: Наукова Думка, 1987. С. 40.
8. Tcharykow N.V. Op. cit. P. 234.
9. Ibid. P. 235.
10. Ibid. P. 237.
11. АВПРИ. Ф. Политархив. 1903. Д. 496. Л. 264.
12. АВПРИ. Ф. Миссия в Белграде. Оп. 508/1. Д. 52. Л. 6
13. АВПРИ. Ф. Миссия в Белграде. Оп. 508/1. Д. 52. Л. 27, 27 об.
14. АВПРИ. Ф. Миссия в Белграде. Оп. 508/1. Д. 52. Л. 29.

15. АВПРИ. Ф. Миссия в Белграде. Оп. 508/1. Д. 52. Л. 33.
16. АВПРИ. Ф. Миссия в Белграде. Оп. 508/1. Д. 52. Л. 33 об.
17. АВПРИ. Ф. Миссия в Белграде. Оп. 508/1. Д. 52. Л. 98.
18. АВПРИ. Ф. Миссия в Белграде. Оп. 508/1. Д. 52. Л. 48.
19. АВПРИ. Ф. Миссия в Белграде. Оп. 508/1. Д. 52. Л. 66, 66 об.
20. АВПРИ. Ф. Миссия в Белграде. Оп. 508/1. Д. 52. Л. 67, 67 об.
21. АВПРИ. Ф. Миссия в Белграде. Оп. 508/1. Д. 52. Л. 69.
22. АВПРИ. Ф. Миссия в Белграде. Оп. 508/1. Д. 52. Л. 68 об.
23. АВПРИ. Ф. Миссия в Белграде. Оп. 508/1. Д. 52. Л. 218-219.
24. Дюлгерова Н.А. Русская дипломатия в Восточном вопросе на рубеже 19-20 вв. М., 1997. С. 16.
25. Милюков П.Н. Балканский кризис и политика А.П. Извольского. СПб., 1910.
26. Tcharykow N.V. Op. cit. P. 232.
27. Tcharykow N.V. Op. cit. P. 233-234.
28. АВПРИ. Ф. Миссия в Белграде. Оп. 508/1. Д. 95. Л. 145.
29. АВПРИ. Ф. Миссия в Белграде. Оп. 508/1. Д. 95. Л. 146.
30. АВПРИ. Ф. Миссия в Белграде. Оп. 508/1. Д. 95. Л. 158.

ОТНОШЕНИЕ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ К ПЕРВЫМ ШАГАМ ПО РАСШИРЕНИЮ НАТО НА ВОСТОК

Саратов. Саратовский государственный университет

Новая политика Североатлантического альянса не могла оставить в стороне и известных политических деятелей России. Практически каждое общественно-политическое движение высказало свое отношение к программе расширения НАТО, еще до того как это стало свершившимся фактом.

Прежде всего, заслуживает внимания позиции представителей политических партий, представленных в российском парламенте. Коммунисты, другие левые партии, а также ЛДПР Жириновского выступили резко против расширения НАТО, видя в этом растущую угрозу России.

Зюганов Г.А. в своих предвыборных публикациях еще в 1995 году обращал внимание на то, что расширение, по своей сути, - это начало реализации планов по установлению «нового мирового порядка» [1]. А это, в свою очередь, означало, по его мнению, что «мировая закулиса приступила к решительным действиям по формированию жесткой, централизованной системы принудительного управления развитием человеческой цивилизации» [2]. Коммунисты характеризовали состояние международных отношений, как развал геополитического равновесия, исторически сложившимся гарантом, которого на протяжении трех последних столетий являлась Россия (СССР). Таким образом, практическая реализация планов по установлению «Нового мирового порядка» предполагала, как они считали, введение планетарного режима политической, экономической и военной диктатуры во главе с США [3].

Примерно в таком же духе, но более эмоционально высказывался лидер ЛДПР В.В. Жириновский: «Расширение НАТО на Восток» – так звучит сегодня лозунг «Дранг нах остен» [4]. «Задачи при этом остались те же: отрезать Россию от выхода к морям, чтобы мы платили унижительные и разорительные дани и пошлины новым «владельцам» наших портов» [5]. Жириновский заявил, что страна окажется перед лицом наступления НАТО на Восток, приближением боевых порядков этого военного блока к нашим границам. «Принципиальное решение НАТО на данный счет уже принято и его пересмотр не предвидится. По отношению к Российской Федерации подготовка крупномасштабная и, безусловно, наступательная и прямо таки агрессивная акция» [6].

В своей работе «Геополитика и русский вопрос» В.В Жириновский попытался дать характеристику геополитической обстановке в мире и, самое главное, определить в ней место России. Один из факторов осложне-

ния положения России в мире автор видит как раз в расширении НАТО на Восток. По мнению Жириновского, продвижение НАТО к границам России происходит еще и для того, чтобы поставить ее под полный контроль мировых финансовых и политических центров [7].

В то же время в том, что НАТО приняло решение о расширении в восточном направлении, нет ничего удивительного. Возможность подобных действий этого агрессивного блока как считает Жириновский, предсказывал давно [8]. Хэлфорд Маккиндер, объясняя свою теорию «сердцевинной земли» – «Хартленда» (приблизительно совпавшей с территорией Бывшего СССР), писал: «Кто управляет Восточной Европой, тот управляет Сердцевинной областью. Кто управляет Сердцевинной областью, тот командует Мировым островом (Европа + Африка). Кто управляет мировым островом, тот управляет всем миром» [9]. Именно это, по мнению Жириновского, является главной целью и задачей НАТО, во главе с Соединенными Штатами [10].

С другой стороны, расширение НАТО – это не только военный вызов (время подлета вражеских ракет до важнейших центров страны составит минуты и лишит возможности принять адекватные меры), но это и экономическое наступление (резко сократится рынок сбыта российского вооружения, а новоявленные члены НАТО вынуждены будут втридорога приобретать устаревшие западные аналоги) [11].

В ответ на это Жириновский считал необходимым принятие асимметричных мер в самое ближайшее время:

- 1). объявление зоной своих национальных интересов территории не только стран СНГ и стран Балтии, но стран-участников бывшего Варшавского Договора. И в случае выражения ими намерения сотрудничества с НАТО – введение против них строжайших экономических санкций, вплоть до прекращения торговых, а может быть и дипломатических отношений;
- 2). восстановления Россией права первого ядерного удара против стран-членов НАТО;
- 3). перенацеливание стратегических ракет на столицы и крупные военные центры стран-членов НАТО [12].

Только так, по мнению Жириновского, можно образумить потерявших чувство реальности западных политиков. Он призывал к началу новой конфронтации России с Западом, забывая о том, что у России давно уже нет возможности для этого. Предлагая прекратить экономические отношения со странами-членами НАТО, он забывал, что они просто необходимы для самой России, чтобы наладить, прежде всего, свое производство. А пересмотр военной и ядерной доктрины усилил бы желание стран Восточной и Центральной Европы поскорее вступить в Альянс, так как они увидят реальное подтверждение своих опасений по поводу возрождения амбициозной имперской внешней политики России.

Продолжая угрожать, Жириновский В.В. предупреждал: «Не надо ставить Россию в условия, когда ей уже нечего будет терять. Как бы тогда и Западу не потерять все? В нынешних условиях и речи не может быть о ратификации и соблюдении Россией договоров об ограничении стратегических и военных вооружений. Запад сам подвел ее к таким решениям» [13]. Кроме того, он предлагал: «Сегодня армию надо не сокращать, а укреплять, потому что, когда НАТО вплотную подойдет к нашим границам, может быть уже поздно» [14].

Трудно было ожидать от этого политика другой реакции, всем хорошо известно о его экстремистских взглядах. Самое неприятное состоит в том, что в российском обществе есть еще немало граждан, разделяющих его точку зрения и даже более радикально настроенных.

Негативную позицию заняли и многие другие политические партии. В результате, законодательная власть проявила редкостное единодушие по вопросу расширения НАТО. Это была одна из немногих политических проблем, по которой в Государственной Думе существовало удивительное единодушие.

Председатель Комитета по международным делам Государственной Думы Российской Федерации В. Лукин (представляющий «Яблоко») неоднократно высказывался против расширения НАТО, мотивируя свою позицию тем, что если это случится, то подорвутся основы европейской безопасности и, что более важно, тем самым будут ущемлены интересы безопасности России [15].

В Программном документе движения «Яблоко», возглавляемого Григорием Явлинским, сказано, что «... Россия никогда не будет членом НАТО, никогда не будет членом Европейского союза ..., учитывая масштабы нашей страны, ее вооруженные силы, Россия может в итоге стать частью международного баланса сил, обеспечивающего безопасность в Евразии и в Европе. Создание новой системы безопасности может остановить процесс расширения НАТО на Восток и предотвратить новый раздел Европы на замкнутые военные блоки» [16].

«Яблоко» настаивало на минимизации «потерь» России при расширении Альянса. По инициативе депутата С. Бабурина в Думе была создана достаточно представительная группа «анти-НАТО». Проправительственная фракция Думы «Наш Дом Россия» также противодействовала расширению Альянса, поскольку это, по их мнению, было нацелено на политическую изоляцию России от Западной Европы [17]. И, пожалуй, только лидер движения «Выбор России» Егор Гайдар выделялся на этом фоне, считая, что «нет никаких причин рассматривать усиление НАТО как угрозу интересам России» [18]. По его мнению, напротив, Россия имеет все основания наладить тесные союзнические отношения с НАТО [19].

Проведенный блиц-опрос журналом «Новое время» в конце 1996 года подтвердил все эти наблюдения: и Галина Старовойтова (сопредседатель

движения Демократическая Россия, депутат Государственной Думы в те годы), и Вадим Бабакин (вице-президент фонда «Реформа»), и А. Митрофанов (председатель комитета Государственной Думы Российской Федерации по вопросам геополитики, член ЛДПР) – все отметили, что расширение НАТО имеет большое количество отрицательных последствий и очень негативно скажется на положении России в мире [20].

Говоря о ситуации в целом, нужно отметить, что в российском парламенте существовали 3 подхода в отношении расширения НАТО: «ястребы», выступавшие за противостояние Альянсу как потенциальному врагу (группа «анти-НАТО»), нейтралы (так называется атлантическая группа «Партнерства ради мира») и, наконец, «голуби», приверженцы дружбы и вступления в НАТО, которые считали, что опасность исходит из Кремля, а не от НАТО [21].

Литература

1. См.: Зюганов Г.А. Россия и современный мир. М.,1995. С.63.
2. Там же.
3. См.: Там же. С.61.
4. Жириновский В.В. Последняя битва России. М.,1998. С.86.
5. Там же.
6. Там же. С.87.
7. Жириновский В.В. Геополитика и русский вопрос. М.,1998. С.222.
8. См.: Там же.
9. Цит. по: Жириновский В.В. Геополитика и русский вопрос... С.277.
10. См.: Там же.
11. См.: Там же. С.279.
12. См.: Там же.
13. Жириновский В.В. Указ. соч. С.279.
14. Там же. С.3.
15. См.: Лукин В. С тревогой и надеждой. М.,1995.
16. Реформы для большинства. М.,1995. С.60 – 61.
17. См.: Михеев В. Гамбит «анти-НАТО» и политика России на Дальнем Востоке. // Проблемы Дальнего Востока. 1997, №5. С.35.
18. Цит. по: Шмелев Б.А. Расширение НАТО и интересы России. // Россия и современный мир. 1997, №2. С.103.
19. См.: Там же.
20. См.: Кому угрожает НАТО. //Новое время. 1996. №42. С.25.
21. См.: Горнов С. Национальный интерес. // Деловые люди. 2001, №128(11). С.32.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОРТРЕТ УЧЕНОГО.....	3
<i>Кабытов П.С.</i> ЖИЗНЕННЫЙ И ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ПЕТРА ИВАНОВИЧА САВЕЛЬЕВА.....	3
ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ	8
<i>Дубман Э.Л.</i> ЗАКАМСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ И СТРОИТЕЛЬСТВО НОВОЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ЛИНИИ В ЗАВОЛЖЬЕ В 1732 Г.....	8
<i>Смирнов Ю.Н.</i> ОБРАЗОВАНИЕ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ И СОСТАВ ЕЕ НАСЕЛЕНИЯ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА.....	22
<i>Артамонова Л.М.</i> ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ, ОБЩЕСТВА И ПРОСВЕЩЕНИЯ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ. В ИСТОРИОГРАФИИ ...	37
<i>Фоломеев С.Н.</i> ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КРУЖОК САМАРЫ И ЗАДАЧИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВА.....	51
<i>Тюрин В.А.</i> УЧАСТИЕ ГОРОДСКИХ ДУМ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ 1904-1905 ГГ.....	56
<i>Курсков Н.А.</i> КРЕСТЬЯНЕ И ВЛАСТЬ В 1917 ГОДУ: СТАРАЯ ПРОБЛЕМА В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ).....	60
<i>Мякотина А.А.</i> КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ВЗАИМОПОМОЩЬ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ (1920-е ГОДЫ)	68
<i>Парамонов В.Н.</i> ГОРОД КУЙБЫШЕВ В 1941-1945 ГГ.: РЕАЛИИ БЫТА ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ.....	74
ПАРТИИ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ, ОБЩЕСТВО.....	87
<i>Безгина О.А.</i> ИЗ ИСТОРИИ КООПЕРАТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ (На примере Самарской губернии).....	87
<i>Лопухова А.В.</i> НАЦИОНАЛИСТЫ И УКАЗ 9 НОЯБРЯ 1906 Г. В III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ	99
<i>Сыпченко А.В.</i> ОКТЯБРЬ 1917 Г. В СУДЬБЕ УМЕРЕННЫХ НЕОНАРОДНИКОВ	103
<i>Калдымова О.А.</i> СЕМЬЯ И ЖЕНЩИНА В КОНТЕКСТЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ НАЧАЛА XX ВВ.	120
<i>Кабытова Н.Н.</i> КОНСТИТУИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА МЕСТАХ В 1917 ГОДУ	124
ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ.....	138

<i>Леонтьева О.Б.</i> ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В РУССКОЙ МАРКСИСТСКОЙ МЫСЛИ РУБЕЖА XIX-XX ВЕКОВ	138
<i>Федякина Е.В.</i> П.А. СОРОКИН О СОСТОЯНИИ РУССКОЙ НАЦИИ В XX СТОЛЕТИИ.....	146
<i>Рогач Ю.А.</i> УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ САМАРЫ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	150
<i>Широков Г.А.</i> ИССЛЕДОВАНИЯ УЧЕНЫХ-ФИЛОЛОГОВ ГОРОДА СЫЗРАНИ ВОЕННЫХ ЛЕТ	158
<i>Кобозева З.М.</i> СТУДЕНЧЕСКИЙ КОСТЮМ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ОТ ЗНАКА К ТЕКСТУ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ).....	164
<i>Барина Е.П.</i> ДВОРЯНСКИЕ УСАДЬБЫ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	170
<i>Глухова Т.В.</i> ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ МЕРЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В 1920-30-Г. И ИХ ПРЕДПОСЫЛКИ	175
ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	181
<i>Чернов О.А.</i> ИЗ ИСТОРИИ РУССКО – СЕРБСКИХ ОТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	181
<i>Алексеева Ю.В.</i> ОТНОШЕНИЕ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ К ПЕРВЫМ ШАГАМ ПО РАСШИРЕНИЮ НАТО НА ВОСТОК.....	188

САМАРСКИЙ КРАЙ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка, макет В.И. Никонов

Подписано в печать 22.10.04

Гарнитура Times New Roman. Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать оперативная.

Усл.-печ. л. 12,125. Уч.-изд. л. 11,7. Тираж 300 экз. Заказ № 219

Издательство «Универс-групп», 443011, Самара, ул. Академика Павлова, 1

Отпечатано ООО «Универс-групп»